

В этом номере

ISSN № 0130-7045

**60 ЛЕТ СОВЕТСКИМ
РЕСПУБЛИКАМ
СРЕДНЕЙ АЗИИ**

В. ПЕРОВ, Ю. ШКОЛЕНКО
**ЛЕТАЮЩИЕ
ОБСЕРВАТОРИИ**

М. БЕЛЕНЬКИЙ
**ФИЛОСОФ
МАЙМОНИД**

Л. ЧУЛЬСКИЙ
**ПРОБЛЕМЫ И
ЗАБОТЫ
ПЛАНЕТАРИЯ**

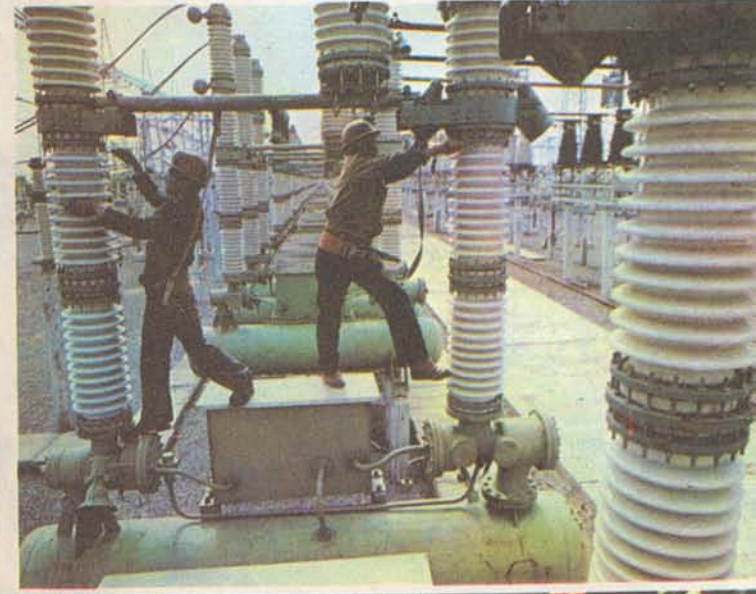
НАУКА И РЕЛИГИЯ

Ш. ШУКУРОВ, И. АЧИЛЬДИЕВ
ВОСТОЧНЫЙ БАЗАР

Зенон КОСИДОВСКИЙ
**ИЗ
НЕОПУБЛИКОВАННОГО**

М. ГОЛЬДЕНБЕРГ
**КЛЕРИКАЛЬНЫЙ
АНТИКОММУНИЗМ:
КАК ПРОЧЕСТЬ
ЛЕКЦИЮ НА ЭТУ ТЕМУ**

10 • 1984

« » 2

Издается с сентября 1959 года 4

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: 8

И. Ш. АЛИСКЕРОВ, 10
А. В. БЕЛОВ,
В. И. ГАРАДЖА,
М. М. ДАНИЛОВА,
И. И. ЖЕРНЕВСКАЯ

[ответственный секретарь],
А. С. ИВАНОВ,
Н. А. КОВАЛЬСКИЙ, 11
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
Б. М. МАРЬЯНОВ

[зам. главного редактора],
В. П. МАСЛИН, 12
С. И. НИКИШОВ,
М. П. НОВИКОВ,
И. К. ПАНТИН,
И. Д. ПАНЦХАВА, 16
В. Е. РОЖНОВ,

В. Ф. ТЕНДРЯКОВ, 50
В. В. ШЕВЕЛЕВ, 18

22

26

« » —
30

34

39

43

47 3.

51

60

54 «

56 «...»

58

61

60

35

. 84

60

ОБРАЗЕЦ ДЛЯ ВСЕГО ВОСТОКА

» (15 « 1917 .)

1924

» (3 1917 .)

1924

».

60

1918

60

1918

50

X

( )

1920

1922

1 . . . 23, . 150.
2 . . . 1. . ., 1957.
113.
3 . . . 32, . 7.

1939
800

30
160
270

60

30

4.

(

)

»⁵

»⁶

«

(

)

»⁷

XX

(1983 .)

« 60
»,

«

».

».

60

⁴ 50
(1984, 8)

⁵ . . . . . 51, . 175.
⁶ . . . . . 23, . 127.
⁷ . . . . . 53, . 105.

ПЛАНЕТАРИЙ:

8

?

Л. ЧУЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

МНЕНИЕ УДОВЛЕТВОРЕННОГО

40

200

80 »

62,

62

КАКИМ ЕМУ БЫТЬ?

**МНЕНИЕ
НЕУДОВЛЕТВОРЕН-
НОГО**

● Экскурсию в музей ведет
учащийся 10-го класса школы

№ 62 Ижевска
И. Мифтахутдинов.

— На мой взгляд, пессимист заблуждается, когда ссылается на специализацию. Он не учитывает многообразия условий, в которых работают планетарии. Состав населения, национальные традиции, распространенность тех или иных религий и даже состояние дорог в регионе, способствующее или препятствующее работе выездных бригад на местах, — всё это играет большую роль при выборе форм и методов работы. Многие беды планетариев в ином — в излишней централизации, сказывающейся на материально-техническом обеспечении, на нормах нагрузки лекторов, проявляющейся в некотором однообразии как тематики, так и самих лекций.

Отрицательно отзываются на работе этих учреждений слабые контакты с местными организациями и предприятиями. В Кировском обкоме комсомола мне с гордостью рассказывали об аренде вертолета для агитрейдов по глухим местам области, но скептически отнеслись к менее романтичному предложению — помочь планетарию в изготовлении нескольких приборов — ведь молодых умельцев в городе много. Требовалось для хозяйства планетария немного провода, реек, ватмана, два три моторчика для макетов — помощи им не оказали. В том же Кирове много лет планетарий не может получить машину для выездных лекций. Вот так: вертолет есть, а автомобиля нет!

И все же «хоронить» планетарии нет никаких оснований. Изживать нужно недостатки планирования, материального обеспечения их работы и тому подобное. Планетарии должны жить!

Я — оптимист. Мне видится планетарий, пусть небольшой, с малым штатом сотрудников, но с большим активом, с широкими связями как с самыми разными организациями, так и с коллегами из других городов страны. Давайте немного помечтаем.

...Я иду в планетарий. Иду, потому что видел в городе

красочные афиши о новой экспозиции и о новых лекциях, которые интересны и актуальны. Уже у входа стол с новыми книжками по астрономии и космонавтике, в фойе стенд со специальной литературой (он обновляется ежеквартально). Над ним объявление: городская библиотека приглашает читателей — получены новые работы по астрономии, географии и т. п.

Здесь же информация о лекциях на ближайший месяц, об устном журнале в соседней библиотеке, клубе или в самом планетарии, плакат, сообщающий о наиболее благоприятном времени стартов ракет к планетам Солнечной системы (положим, на ближайшие 2—3 года), другая информация. Или сообщение о мероприятиях, проводимых ВАГО (Всесоюзное астрономо-геодезическое общество). Оно существует в стране уже много лет, но, к сожалению, не многие знают о его существовании и, тем более, о его деятельности.

Крутящийся макет демонстрирует смену дня и ночи, зимы и лета — это для малышей. Впрочем, конструкция установки такова, что может заинтересовать и взрослых.

Рядом примечательные стенды, они попали сюда с выставки научно-технического творчества молодежи. Хорошо, что они здесь, а не пылятся в подсобках какого-нибудь клуба. А это что за диковинный цветок? Он из семян, проросших в невесомости! А рядом тюбик с космической пищей, фотография, сделанная в космосе, — подарки нашему городу, о них была в свое время информация в местной газете, здесь же и вырезка из нее.

Звонок. Идем в зал. Не забыть бы после лекции посмотреть фотографии новых космонавтов, вид на комету Галлея с автоматической станции. В следующий раз нужно прийти в планетарий за часок до начала лекции.

...Вот таким видится планетарий в будущем.

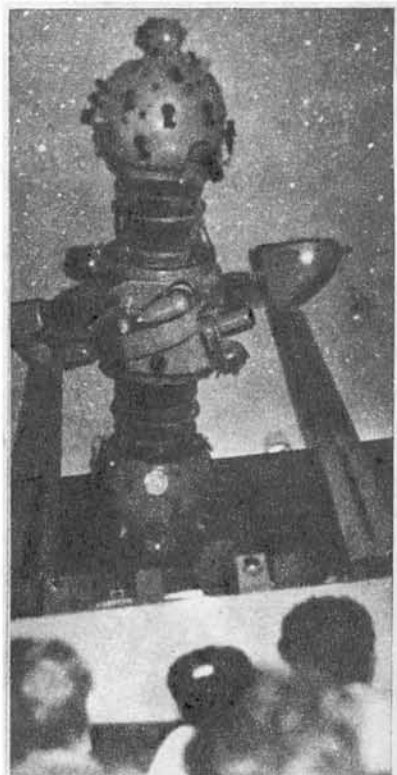
А теперь

● Директор Кировского планетария Н. К. Сладкова.

● Внимание посетителей планетария привлекает недавно установленный маятник Фуко.

● Демонстрация звездного неба на лекции в Московском планетарии. Фото В. Борисова.

МНЕНИЕ ПЕССИМИСТА

— То, что здесь сказано, относится к сегодняшнему дню планетариев. А я считаю, что со временем планетарии вообще отомрут, и не надо заниматься их реанимацией. Не пытаемся же мы воскресить граммофон, когда есть современные проигрыватели. Планетарий изживет себя и потому, что это рудиментарный орган системы просвещения и пропаганды. Общество «Знание» организует много разных лекций по широчайшей тематике. Но на лекцию об энергетике слушателей не приглашают на электростанцию, а о животноводстве — на ферму. И другие организации поступают так же. Бюро пропаганды со-

ветской литературы, проводя встречи трудящихся с писателями, не везет аудиторию к героям книг или к их прототипам. Почему же астрономия должна находиться в особом положении? Не только ли потому, что в свое время здесь проходил передний край противостояния науки и религии? Но это время прошло, оставив после себя непомерно большую долю атеистической пропаганды в деятельности планетария, кстати, довольно однообразной в масштабах страны.

А где учтены местные особенности? В тематике Йошкар-Олинского планетария этого нет совсем. Учебный план курсов по

подготовке лекторов-атеистов в Кировской области лишь в двух темах из 38 учитывает местные проблемы.

По моему мнению, с этой работой лучше справятся дома научного атеизма, научно-методические советы по атеизму организаций общества «Знание». Они располагают широким активом квалифицированных лекторов-атеистов, им и карты в руки.

Планетарии хорошо оснащенные, узкоспециализированные присутствуют еще некоторое время, а слабые можно закрыть, передав их функции другим подразделениям общества «Знание».

АВТОР

Я бывал во многих планетариях, слушал лекции, беседовал с сотрудниками, с лекторами, наблюдал реакцию посетителей. И, положив руку на сердце, должен признать — мнения всех четверых собеседников — это мнения многих реальных людей. Но как они, столь различные, могут существовать одновременно?

Свой смысл у слов «узнал» и «сделал». Что они значат применительно к планетарию?

У него две неразделимые задачи: информировать и пропагандировать. Давайте рассматривать планетарий и как своеобразное учебное заведение, где узнают, и как клуб энтузиастов, где делают. Делают телескоп, модели ракет, макет домика Циолковского, станции «Салют». При таком подходе легче реализуется связь планетарий — школа — библиотечка — ракетомодельный кружок — аэроклуб — отделение ВАГО — музей — ... (каждый может продолжить цепочку).

По мнению специалистов, планетарии в Новокузнецке и Волгограде на хорошем счету. Когда я задался вопросом, как влияет город на их судьбу, то подметил такую особенность: оба города — рекордсмены по темпу роста. Поспешая за жизнью, генеральный план

Новокузнецка переделывался восемь раз, Волгограда — шесть. Планетарий тоже должен отражать динамику нашей жизни. Успешно идет создание учебной базы в Кировском планетарии, дальнейшее ее оснащение и оформление. Все эти мероприятия обеспечивают динамику, которой планетарий и отличается от мемориального дома-музея, от краеведческого музея.

Нельзя оставить без внимания в работе планетариев и такую важную тему, как атеизм. Он не сводится просто к отрицанию религии. Прежде всего это система материалистических взглядов на мир. Талантливая лекция о происхождении Вселенной подрывает церковное вероучение не хуже, чем лекция о библейских противоречиях.

А где проводить лекции о спорных, еще мало изученных проблемах, таких, как биологические поля, загадки тибетской медицины, легенды о летающих тарелках и Атлантиде, о Бермудском треугольнике и Тунгусском метеорите? Где читать лекции по математике и физике для абитуриентов? Если в штате или активе планетария есть свои специалисты, можно использовать и планетарии.

Что еще очень важно подчеркнуть. Ведь большинство жителей и слушателей планетариев составляют дети. Поэтому работникам планетария необходимо учитывать и перестройку школы, намеченную реформой общеобразовательной и профессиональной школы, которая, как сказал на апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко, «создает условия для сопряженного развития всей системы народного образования».

И еще. Тематика и обстановка планетариев во многом способствуют их воспитательной роли, мировоззренческой убежденности. Тем досаднее, что не оказывается им нужная помощь, а там, где есть, она стихийна и никем не скоординирована.

Безусловно, не все в данной статье бесспорно. Интересно услышать мнение заинтересованных сторон — самих работников планетария, активистов атеистической пропаганды. Может быть, сообщая будет найден ответ на вопрос, вынесенный в заголовок.

О ЧЕМ МЕНЯ МОГУТ СПРОСИТЬ

Русудан Ивановна Циквадзе вернулась из университета домой раньше обычного. Преподавание истории в Тбилисском университете отнимает много времени и сил. А еще общественная работа. Она внештатный лектор ЦК Компартии Грузии, член научно-методического совета по пропаганде научного атеизма городской организации общества «Знание». Дочь на занятиях в музыкальной школе. На работе муж, инженер проектного института.

До лекции на Тбилисском электровозостроительном заводе имени В. И. Ленина еще несколько часов. Обычно Русудан Ивановна любит посидеть перед лекцией, еще раз мысленно «прокрутить» выступление, постараться предугадать возможные вопросы. Но сегодня это время займет наша встреча, и я предлагаю ей порассуждать о том, о чем бы она думала про себя, и еще рассказать немного о себе, о том, как обратилась к атеизму, стала лектором.

Русудан Ивановна прошла по квартире, остановилась у зеркала, поправила причёску.

— Сколько атеистических лекций я прочитала за 12 лет? Наверное, не сосчитать. Но всякий раз волнуюсь. Особенно перед встречей с рабочей аудиторией. А ведь однажды даже спорила с коллегой, что все равно, в какой аудитории выступать. Оказывается, лукавила сама с собой.

Конечно, любая аудитория интересна и каждая на свое лицо. Сельских жителей выделяет непосредственность. Их больше интересуют церковные праздники и обряды, исторические сведения, был ли в действительности Иисус Христос...

Как-то в Сачхерском районе подходит ко мне после лекции почтенного возраста женщина: «Я, детка, старая и в бога верую. Вот ты упомянула об Иисусе Христе. Расскажи-ка мне подробнее». И пришлось рассказывать — о евангелиях, о кумранских рукописях. Очень внимательно слушала она, видимо, стараясь запомнить мой пересказ о том, что одни ученые считают описание жизни Иисуса Христа мифом, легендой, другие выдвигают гипотезу, что жил такой проповедник, не сын божий, а обыкновенный человек, и, конечно, он не воскрес после смерти. Моя собеседница поблагодарила меня. Что ж, пусть подумает, обсудит с другими верующими...

У инженеров, ученых, вообще людей творческих профессий свои вопросы. Эта аудитория склонна поразмышлять, пофилософствовать, упорно отстаивает свою точку зрения, порой ошибочную. К сожалению, знаний по атеизму, верных представлений о религии и ее роли в развитии общества им явно не хватает, и этот пробел заполняют эмоции.

Но независимо от характера аудитории нужно строить свое выступление на доходчивых, убедительных аргументах; любую твою неточность, логическое несоответствие сказанного слушатели сразу замечают. Чем дольше выступаю перед людьми, тем более жесткие критерии предъявляю себе. Время требует, чтобы мы, лекторы, соответствовали уровню своих слушателей. Более того, мы перестаем быть лекторами в обычном значении этого слова, а все больше становимся как бы собеседниками, ведущими с ними свой диалог. А это, естественно, предполагает взаимную эрудицию...

Почему я читаю лекции по атеизму, ведь в нашем роду о религии разговоры вести было некому? Взять хотя бы дедушку Виссарiona Харитоновича Цицишвили. Уважаемый человек, заслуженный учитель Грузии, награжден орденами Ленина, Трудовой Славы. Не счесть тех, кого он обучил грамоте. Большими людьми стали

многие. Сам Серго Орджоникидзе был его учеником. У нас есть книга «Путь большевика», которую подарила жена Серго. Хорошо было гулять в детстве с бабушкой, все встречные почтительно здоровались с ним.

А отец! Он окончил военное училище, Тбилисский университет. Сейчас на пенсии, занимается своим садом. Мама, так рано ушедшая от нас, тоже имела высшее образование. Она, правда, работала мало — занималась больше нами, детьми. Как-никак нас было пятеро.

Вообще в нашей семье религиозная вера, церковь были понятиями отвлеченными. Но вот мудрость старших: ни бабушка, ни дедушка, ни родители никогда не подтрунивали над теми, кто верит в бога. «Видимо, человеку не очень хорошо живется, если он утешается иллюзиями», — так рассуждали они.

И для меня убеждения других людей стали не каким-то отвлеченным понятием, которое можно принимать или не принимать. Мне захотелось доказать верующим людям, что они заблуждаются, что истинно только научное мировоззрение. А началось все неожиданно. Хотя, честно говоря, порой нам кажется, что неожиданно. В жизни, если задуматься, многое закономерно.

После школы окончила педучилище, все думали, пойду дальше — в педагогический институт. Поступила же на исторический факультет Тбилисского университета. Моей специальностью стала античная история, а диплом писала по религиозным представлениям древних римлян. Дальше аспирантура. Сдавала кандидатский минимум на философском, потому что на историческом факультете такой специальности — атеизм и история религии — не было. В это время мне предложили читать курс научного атеизма в политехническом институте. Подумала и согласилась, три года работала там.

Как-то встретилась с заведующим кафедрой прикладной социологии Венорием Михайловичем Квачахия. Он создавал группу, которая должна была заняться исследованием национальных традиций в Грузии. Узнав, что я историк, Квачахия пригласил меня. На этой кафедре я и по сей день. Кажется, все идет хорошо, но, размышляя над своей работой, все чаще прихожу к выводу: нужно переходить на кафедру научного атеизма. Все-таки именно он — мое призвание. От этого никуда не уйти.

Свое первое выступление помню так, будто оно было вчера. Позвонили из городской организации общества «Знание». Для меня, аспирантки, такое предложение было и заманчивым и обязывающим. Я согласилась. Теперь думаю: все-таки какие мы в молодости самонадеянные! Взять хотя бы ту давнюю тему — «Возник-

»,

».

«

».

/

?

?..

: «

».

?

?

«

«

?

».

«

«

»,

»

«

».

?

«

»

?» —

»,

«

: «

»,

«

— «

».

КАК УСТАНОВИТЬ КОНТАКТ

Г. БЕЛИКОВА,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

1945

?» «

?»

» (« »)

«

« »

« « ».

«

« »,—

?».

?

?

« ».

!—

« »—

?

: « »,—

), (

« »

« » « ?»

« »,

«

ВЫСОКИЕ ПОМЫСЛЫ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ

Уроки нравственного
прозрения

Л. АЙЗЕРМАН

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании общего среднего образования молодежи и улучшении условий работы общеобразовательной школы» специально отмечает роль преподавания литературы в формировании духовно богатой, гармонически развитой личности с высокими нравственными идеалами и эстетическими потребностями.

Именно этой задаче посвящена рубрика «Уроки нравственного прозрения» — она много лет ведется в журнале. Речь идет о значительном потенциале, который несет в себе художественная литература для коммунистического, в том числе атеистического воспитания.

Постоянный автор этой рубрики Л. С. Айзерман — учитель литературы старших классов, кандидат педагогических наук.

Религия претендует на монопольное владение сокровенными движениями души человека. Она знает самые большие точки человеческого сознания. Два ее главных удара по неподготовленному сознанию традиционны. Первый — утверждение, что «в тот самый миг, как мы пытаемся освободиться от идеи бессмертия, поднимает голову пессимизм... нами овладевает нравственный паралич». Второй — утверждение, что без возвышающей человека идеи бога его повседневная жизнь тускнеет, становится примитивной, утилитарной, «животной».

Начиная с времен Реформации церковь все меньше интересовалась «глобальными и умозрительными» вопросами, не затрагивающими таких «низших» сфер человеческого существования, как поведение в семье, в быту, на работе». Идеология, которая впитывалась верующими «через еженедельные проповеди пасторов, постоянное чтение Библии, новые формы культа и религиозной организации — это, если так можно выразиться, «идеология повседневности», требовавшая не столько периодического размышления над судьбами мира, цивилизации, нации, госу-

дарства, сколько постоянного размышления над тем, как ты провел сегодня день, как работал, разговаривал, даже ел, пил, спал»¹.

И сегодня, не отступаясь от глобальных проблем бытия, церкви — не только протестантские, но и остальные — стремятся распространить свое влияние на человеческий быт. А точнее — утвердить свою концепцию бытия и через быт.

«Молодые католики и протестанты воспринимают ныне церковную общину как форум, где затрагиваются все стороны жизни», — свидетельствует выходящий на русском языке для читателей нашей страны журнал ФРГ «Гутен таг».

В том же номере журнала рассказывается о том, как проводятся занятия с учениками-конфирмантами в возрасте от 12 до 14 лет. Здесь воедино связывается изучение Библии, обсуждение глобальных вопросов современности и проблем повседневной жизни. Ребята читают библейские тексты по ролям. Им показывают картины и диапозитивы как иллюстрации к текстам. Десять заповедей не заучивают абстрактно, а непременно соотносят с современностью. «Не убий», — читаю в журнале, — эта заповедь чаще всего вызывает жаркие дискуссии на тему «бундесвер» или на тему «аборт». Новые формы совместной жизни мужчины и женщины, добрая половая жизнь, а также проблемы партнерства дискутируются, когда речь заходит о заповеди «Не прелюбы сотвори».

А вот что рассказывает в этом же журнале студентка, занимающаяся теологией: «Вера почти не играла роли в моей жизни. Началось это только в 16 лет. Тогда я часто посещала молодежные группы церковной общины. Там я познакомилась с пастором, который позднее во многом помог мне. Мои родители были очень строгими, и когда я в 18 лет познакомилась с моим сегодняшним другом, дома произошла крупная ссора. Этой проблемой я могла поделиться с пастором, он даже посредничал между мной и матерью. Странно, собственно о вере разговор почти не шел, скорее о личных делах. Но может быть, в этом-то и главное. Ведь вера неотделима от будничной жизни. И вместе

с тем студентка рассказывает, что сегодня она постоянно думает о волнующих вопросах современности: загрязнении окружающей среды, угрозе всеобщему миру, все возрастающему людском безразличии друг к другу.

Обо всем этом нельзя забывать и в работе атеистической.

«Если религиозное чувство завладевает человеческой душой, — говорил Юрий Александрович Завадский, ставя у себя в театре «Преступление и наказание» и размышляя о теме религии и веры, — его нельзя уничтожить запретом, его можно только вытеснить, заменить чем-то более властным, более вдохновляющим и мощным».

Учитель литературы, я хорошо понимаю роль уроков литературы в атеистическом воспитании. Религия, всегда апеллировавшая к нравственности, сегодня все больше и больше обращается к непосредственному жизненному опыту человека, стараясь дать ответы на возникающие у него вопросы в сфере морали. Именно к этой сфере обращена литература, и именно на уроках литературы идет изо дня в день разговор о том, во имя чего и как жить.

Я предложил десятиклассникам домашнее сочинение на тему «Что меня волнует в русской классической литературе и что оставляет равнодушным». Расходясь в оценке конкретных произведений, все были единодушны в одном:

«Читая произведение, я всегда ищу выход на жизнь, пытаюсь переложить прочитанное на настоящее».

Что же из прочитанного о прошлом перекладывается старшеклассниками на настоящее?

«Порой меня начинает пугать людская суетность. В итоге такой суетной жизни наступает горечь разочарования. В чем найти смысл жизни? Извечный, но очень актуальный вопрос. Решать его необходимо сейчас, потом будет поздно. Именно поэтому я читаю тех классиков, кто бился над ответом, мучился поиском истины». «Русские классики своими произведениями заставляют задуматься над

¹ Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983, с. 99.

ЗАБОТЫ

смыслом жизни, заставляют постараться угадать свое назначение и не «увлечься приманками страстей пустых и неблагодарных». «Меня всегда вообще интересовала проблема становления человека. Не просто, каким был и каким стал, а сам процесс». «Читая Пушкина и Лермонтова, лучше понимаешь психологию человека: скрытые процессы работы его сердца и ума». «Что волнует? Проблема любви, интимнейшие стороны души».

Как видите, жизнь человека — от вопросов бытия до интимнейших сторон души — вот что привлекает старшеклассников в литературе. Но ведь на монопольное владение именно этими вопросами и претендовала всегда религия.

Недавно Политиздат вторым изданием выпустил книгу прогрессивного американского философа Корлисса Ламонта «Иллюзия бессмертия». Опираясь на биологию и физиологию, психологию и медицину, философию и историю религии, анализируя самые разнообразные доказательства и аргументы, с помощью которых в разные времена стремились утвердить бессмертие души, автор книги показывает несостоятельность иллюзии бессмертия.

Американский философ отвергает доводы тех, кто считает, что утрата веры в будущую жизнь отнимает у людей «надежду, перспективу и радость в здешней, нынешней жизни» и «делает эту жизнь необъяснимой, ничтожной и бессмысленной»².

Корлисс Ламонт говорит о том, что такие высшие цели, как счастье, свобода и прогресс всего человечества, включая возможности самого человека, являются достаточно высокой и широкой концепцией для того, чтобы опираться на нее в своей жизни. «Как стимул к хорошей жизни, эта концепция гораздо более эффективна и благородна, чем надежда на индивидуальное бессмертие и философия, которая сопутствует такой надежде»³.

Но вместе с тем есть в этой книге и рассуждение, которое я принять не могу: «Каким бы важным и незаменимым ни казался человек самому себе или другим, мир обойдется без него, как обходился без него до его рождения. И если бы каждый поду-

мал, что после его смерти на земле останется по меньшей мере два миллиарда восьмьсот миллионов человеческих существ, для того чтобы продолжать жизнь дальше, то это помогло бы каждому из нас обрести необходимое смирение и чувство меры»⁴.

Убежден, что человек не должен так рассуждать. Более того, он не может не думать о том, что останется после него и от него.

Естественно, что к этой проблеме обращается и учитель литературы. Расскажу об одном из моих уроков в восьмом классе, уроке, посвященном стихотворению «Вновь я посетил...».

...Вновь я посетил

Тот уголок земли, где я провел
Изгнанныком два года незаметных.

Стихотворение Пушкина звучит в исполнении Качалова. Спрашиваю ребят: «Каким чувством окрашены воспоминания поэта о минувшем?»

«Грустью», — единодушно отвечают они.

— А почему именно грустью?

«Воспоминание связано с изгнанием». «Воспоминание про надежды, когда был молод. (Поразительное дело. Тот, кто это сказал, не знает про строки, не вошедшие в окончательный текст стихотворения. А ведь там сказано: «...я был веселым юношей, беспечно, жадно я приступал лишь только к жизни... Утрачена в бесплодных испытаниях была моя неопытная младость»). «Мысль об одиночестве», «Грустно, что няня умерла. Все переменилось. И он скоро умрет — предчувствие смерти».

Последнее особенно трудно понять 14-летним. А между тем в прикосновении к «общему закону» исчезновения из жизни и рождаются невеселые мысли и грусть. «Уже старушки нет», «уж за стеною не слышу я шагов ее тяжелых». Уже. Уж. Все это не может не заставить ощутить, что сам я еще жив, но как «уже старушки нет», так не станет и меня. «По ко р н ы й общему закону»... Но мы продолжаем, соизмышляя с поэтом, вчувствование в его стихотворение.

«Каким же предстает авторское Я в стихотворении? — обращаюсь к классу. — Я — уже другой или я — тот же?»

«Он тот же, но все-таки переменился». «Минувшее меня объемлет живо». «У него возникают те же чувства». «Он стал другим и по-другому смотрит на то, что было». «Он переменился, но не душевно, а возрастом, а душа — та же». Так отвечают восьмиклассники на мой вопрос.

Обращаемся к стихотворению. Конечно, переменился:

И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо...

«Тире» и «но» — сразу два знака противительных, противопостави-

тельных, хотя перед «но» должна быть запятая. Переменился, но — минувшее меня объемлет живо. Несмотря на то, что переменился, вместе с тем остался и тем же. «Я — уже другой, и я — тот же»⁵.

Способность понять, сохранить в памяти — свидетельство верности, а забвение — симптом измены.

«А помнится...» — скажет Лиза, не забывшая Чацкого. «Что помнится?» — оборвет ее Софья (реплика Лизы кончается многоточием, Софья ее действительно обрывает). Чацкий же, пораженный сдержанным и холодным приемом, попытается вернуть Софью во «время то», «в возраст тот невинный». «Вы помните?» — спросит он. И потом убедится, что не помнит и не хочет помнить: «...Память даже вам постыла тех чувств, в обоих нас движений сердца тех...». И встретившись с Платоном Михайловичем, Чацкий ведь тоже вызывает к прошлому, к памяти: «Забудь шум лагерный, товарищи и братья?»

Что такое трагедия забвения, хорошо знал и Пушкин: «И я забыл твой голос нежный, твои небесные черты». И вот расплата за это: дни «без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви».

Но когда «минувшее... объемлет живо» и уже не «десять лет» разделяет вчера и сегодня, а кажется, «в е ч о р еще бродил я в этих рощах», то значит, что хоть и «м н о г о переменилось в жизни для меня», но не все.

То, что вызывает горечь — «уже старушки нет», — рождает и другие чувства. Если и через долгие годы не умирает воспоминание не только «кропотливого ее дозора», но даже «шагов ее тяжелых», значит, все-таки она есть, ибо живет в памяти помнящего.

Слова «уже старушки нет» рожают ощущение того, что и меня не будет. Но от них же начинается движение стихотворения к другой мысли (о которой потом будет сказано в «Памятнике»: «Нет, весь я не умру»).

«Если прошлое не прошло для настоящего, появляется залог того, что и настоящее не отменится в будущем»⁶. Еще не произнесена последняя строка стихотворения — «И обо мне вспомнит», — но предчувствие того, что жизнь не бесследна, уже входит в стихотворение.

Мысль эта вначале лишь возникает, возникает подспудно, она больше ощущается, чем осмысливается. Но приблизительно в середине стихотворения (позади 27 строк, впереди

²К. Ламонт. Иллюзия бессмертия. М., 1984, с. 261.

³Там же, с. 269—270.

⁴Там же, с. 270.

⁵Николай Скотов. Далекое и близкое. М., 1981, с. 62.

⁶Там же, с. 64.

)

»,

( )?

25

1835

(

): «

»⁹.

«

»⁹.

?»

(

),

(«

»,

«

?»).

«

26

, 21

1835

1836

».

«

»,

—

«

» —

».

«

» —

».

—

«

»,

«

—

».

«

» —

».

«

»,

(

), —

10

1983

25

»⁷...

?

:

«

»

(1976),

«

»

(1977),

«

»

(1978),

«

»

(1979),

«

»

(1980),

«

»

(1981),

«

!..»

(1982).

«

».

«

»

»,

«

»,

«

»,

«

»,

«

»,

«

»,

«

»,

«

⁷3.

...»

, 1972, . 22,

, 1975, . 16.

, 1968, . 392—393.

В. Ф. ТЕНДРЯКОВ

Умер Владимир Федорович Тендряков — видный советский писатель, коммунист. Журнал «Наука и религия» потерял члена редколлегии — он был в ее составе 20 лет, своего автора — многие произведения Тендрякова увидели свет на страницах журнала, доброго и взыскательного друга — его советы, пример его жизни и творчества помогали редакционному коллективу.

В. Ф. Тендряков родился в 1923 году в деревне Макаровской Вологодской области. На Великой Отечественной войне воевал под Сталинградом, в боях за Харьков был тяжело ранен, после фронта работал учителем сельской школы, секретарем райкома комсомола.

Повести «Ухабы», «Тугой узел», «Не ко двору», «Суд», «Весенние перевертыши», «Ночь после выпуска» и другие произведения неизменно вызвали горячий читательский интерес. Их герои — в напряженном нравственном поиске, они учатся отличать добро от зла, истину от лжи. Именно потому так естественно обращение писателя к атеистической теме. В повестях «Чудотворная», «Чрезвычайное», «Находка» «Апостольская командировка» (три последние впервые были напечатаны в «Науке и религии») В. Тендряков последовательно утверждает принципы, определяющие современный атеизм: его позитивную, творческую направленность, гуманность, стремление помочь человеку освободиться от предрассудков и заблуждений, найти верные ориентиры в жизни.

В. Ф. Тендряков был награжден орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», боевыми медалями.

Смерть В. Ф. Тендрякова — большое горе для его семьи, его друзей, его читателей. Мало что может нас утешить. Пожалуй, только одно: с нами остались его книги, а значит, его мужество, честность, вера в человека, в его способность сделать жизнь на земле умнее и счастливее.

Журналу «НАУКА И ЖИЗНЬ» — 50 лет

50 лет назад вышел первый номер научно-популярного журнала «Наука и жизнь».

Главная его отличительная черта — необычайная тематическая широта публикуемых материалов, многообразие жанров. Без преувеличения можно сказать, что за последние два десятилетия «Наука и жизнь» стала общепризнанным университетом на дому, учителем, советчиком и помощником миллионов советских людей.

Читателей привлекает не только то, что журнал популярно рассказывает о новейших достижениях науки и техники, но и то, что информация, как правило, идет из первых рук — от ученых, инженеров, организаторов и передовиков производства, деятелей культуры и искусства. Удовлетворяя разнообразные читательские интересы, «Наука и жизнь» много места отводит знаниям практическим — техническому любительству, садоводству, физической культуре и гигиене, коллекционированию и т. п., а также информации об интересных явлениях природы, различным задачам и головоломкам, «хитростям» домашнего мастера и т. д.

Для читателей «Науки и религии» журнал «Наука и жизнь» интересен тем, что немало внимания уделяет пропаганде марксистско-ленинских идей, проблемам теории и практики коммунистического строительства, показу преимуществ советского образа жизни, вопросам комплексного коммунистического воспитания трудящихся. Есть на его страницах и материалы по научному атеизму. Все они активно помогают формированию богатого духовного облика человека эпохи зрелого социализма.

Наш корреспондент обратился к главному редактору журнала Игорю Константиновичу ЛАГОВСКОМУ с просьбой рассказать о пройденном пути и о планах редакции на будущее.

Как известно, в наши дни журнальная периодика оказывает весьма серьезное воздействие на жизнь людей, выступает все более действенным рычагом в осуществлении задач, решаемых советским народом под руководством партии во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни страны. Массовые научно-популярные издания занимают важное место в жизни общества. Они не только играют немалую роль в пополнении знаний человека, но и активно участвуют в формировании его духовного мира, потребностей, мировоззрения. Они стали незаменимыми помощниками в труде и быту, в воспитании детей, в организации свободного времени, культурных интересов. В этом отношении, думаю, «Наука и жизнь» не является исключением.

Журнал наш прошел большой и нелегкий путь становления, прежде чем приобрел современный облик, стал таким, каким его знают теперь миллионы читателей. Первый номер, вышедший в октябре 1934 года, имел тираж 50 тысяч экземпляров. На обложке и титульном листе его значилось: «Журнал для самообразования». А в обращении редакции к читателям отмечалось: «...У нас нет ни одного доступного для широких масс научно-популярного журнала, который охватывал бы широко все отрасли точных и естественных наук». Сегодня только общество «Знание» издает 14 научно-популярных журналов, рассчитанных на массового читателя, а всего в стране выходит их более 35.

С января 1948 года журнал «Наука и жизнь» из ведения Академии наук СССР был передан созданному тогда по инициативе группы крупных ученых Всесоюзному обществу по распространению политических и науч-

ных знаний. Менялись цели и направленность журнала, менялся читатель. Журнал перестал ориентироваться только на лекторов Общества, — он стал более популярным, расширилась его тематика, в ней более заметное место заняли актуальные задачи, решаемые страной. К 1957 году тираж вырос до 200 тысяч. Однако вскоре жизнь потребовала нового совершенствования журнала — возникла необходимость превратить его в массовое научно-популярное издание, непосредственно обращенное к самым широким кругам рабочих, колхозников, интеллигенции. Таким переломным пунктом для «Науки и жизни» стал 1961 год. Новому главному редактору В. Н. Болховитину, редактировавшему в 1956—1960 годах славный молодежный журнал «Юный техник», удалось и здесь создать боеспособный, стабильный коллектив редакторов-энтузиастов. Многие из них работают в журнале по 20 лет и более.

Вырос объем журнала, улучшилось оформление, а главное — изменился характер публикуемых материалов, их актуальность, содержательность, популярность изложения. При этом по-прежнему четко соблюдалась уже установившаяся традиция: главная информация — от ученых и специалистов, ее научно-техническая достоверность.

Значительно вырос и авторский актив журнала. В его создании и становлении большое участие принимали члены редколлегии академики И. И. Артоболевский, В. М. Глушков, Н. А. Майсурян, А. А. Михайлов, В. В. Парин, известные писатели и популяризаторы Л. М. Леонов, В. И. Орлов, О. Н. Писаржевский. Сегодня с журналом постоянно сотрудничают академики Н. Г. Басов, О. Г. Газенко, В. Л. Гинзбург,

Б. М. Кедров, В. А. Кириллин, Б. Е. Патон, Н. Н. Семенов, Е. И. Чазов, многие другие советские ученые. В 1983 году, например, около 70 процентов публикаций принадлежали перу ученых и специалистов разных отраслей науки и техники.

Все эти перемены благотворно сказались и на читательском интересе к журналу. Уже к 1967 году его тираж составил 3 миллиона экземпляров. Сейчас «Наука и жизнь» входит в первую десятку наиболее читаемых периодических изданий страны.

Чтобы лучше знать, на кого мы работаем, редакция каждые 4—5 лет проводит «Анкету читателя». Ответы на нее — это по существу оценка нашей деятельности, поэтому их мы тщательно изучаем и анализируем, учитываем в перспективном планировании. Последний раз мы обращались к читателям с анкетой в прошлом году, получили около 15 тысяч ответов.

Обработка анкет показала: 48,9 процента наших читателей имеют неполное среднее, среднее и среднее специальное образование, 51,1 процента — высшее и незаконченное высшее. Интересы этих людей весьма широки — в среднем каждого интересуют 3—4 области знания. Примечательно, что 61 процент ответивших на анкету интересуются комплексом общественных наук, в том числе философией, историей, археологией, психологией. Как сами ответы на анкету, так и дополнительные замечания рисуют картину любознательности и широты интересов советских людей. Многие из них считают, что объем и число публикаций следует еще увеличить.

Показательно внимание читателей к рубрикам нашей «Школы практических знаний» (они занимают примерно четверть его площади), освещающим проблемы быта, увлечений, свободного времени. Среди них нет практически ни одного, кто в той или иной степени не занимался бы в свободное время деятельностью, отличной от повседневной рабочей и не пользовался бы материалами «школы». Так, среди ответивших на анкету 38,1 процента представились любителями мастерить что-либо, столько же садоводов-любителей.

Любопытно, что определенная доля нашей читательской почты поступает от различных организаций и посвящена вопросам внедрения тех или иных достижений науки и техники, о которых рассказывал журнал. Когда мы печатаем такие статьи, мы преследуем главную

цель — популяризовать новое, нести знания в массы (обычно по таким проблемам уже были публикации в специальных научных изданиях). Тем не менее наш опыт показывает: рассказ об изобретении, открытии, технической или научной разработке в массовой печати иногда больше содействует внедрению, чем публикация в специальном техническом журнале. Так подчас неожиданно для нас самих оборачивается сегодня дело популяризации.

Читательская почта ежегодно составляет несколько десятков тысяч писем, некоторые мы публикуем. И письма, и ответы на анкету показывают, что у журнала за последние два десятилетия сложился устойчивый контингент многолетних, постоянных читателей. Они нередко сохраняют подшивки журнала за многие годы и пользуются ими как своего рода «энциклопедией современных знаний». Вот, к примеру, некоторые из наиболее читаемых журнальных рубрик, характеризующих его содержание: «Наука: вести с переднего края», «Пятилетка в действии», «Рефераты», «Гипотезы, предположения, факты», «В институтах и лабораториях», «Отечество. Страницы истории», «Наука на марше», «Книги в работе», «Досуги любителя науки», «Заметки о советской науке и технике», «Атеистические чтения», «Новые книги», «О братьях наших меньших», «Природа человека», «Техника и спорт», «Любителям приключенческой литературы», «Охрана природы — дело всенародное», «Бюро справок», «Кунсткамера», «Переписка с читателями». Это только малая часть из 200 постоянно действующих рубрик.

Составляя перспективные планы, редакция прежде всего руководствуется определенными партией главными направлениями развития нашей Родины на данный период. И на будущий, 1985 год мы наметили в первую очередь продолжить широкий показ достижений советской науки и техники, систематически пропагандировать решения партии и правительства по вопросам научно-технического прогресса, совершенствования стиля и методов хозяйствования, систематически информировать о важнейших работах ученых, инженеров, производственников, освещать проблемы культурной жизни, литературы, искусства.

Учили мы и особые пожелания читателей. В частности, больше публикаций будет адресовано молодежи. Намечено рассказывать

о том, что такое активная жизненная позиция советского человека, каковы его нравственные установки, отношение к традициям. Молодые читатели узнают о тайнах различных профессий, о профориентации, достижениях новаторов.

Ряд публикаций будет посвящен 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне — воспоминаниям ветеранов, мемуарам, очеркам о работах ученых в 1941—1945 годах. Рубрика «Клуб делового человека» предложит материалы о лучшем опыте организации управления, научной организации труда, оргтехнике и т. д.

Большое место по-прежнему будет занимать в журнале публикации о достижениях фундаментальных наук. Появятся статьи и очерки о новейших методах обработки различных материалов — электрофизических и электрохимических, лазерных и плазменных, давлением и сваркой.

Будет продолжена рубрика «Литературное творчество ученых», читатели ждут от нас интересных научно-художественных и научно-фантастических произведений. Регулярно будут появляться отклики на новые книги, особенно вышедшие в издательстве «Знание». Побывает у нас в гостях и журнал «Наука и религия», которому в этом году исполнилось 25 лет.

Конечно, свое место займет и «Школа практических знаний» — статьи, заметки, корреспонденции по вопросам самостоятельного, научно-технического творчества, приусадебного хозяйства, использования свободного времени, спорта. Анкета показала, что нашим читателям под силу не только домашние «маленькие хитрости», они в домашних условиях делают весьма сложные в техническом отношении вещи. Наши рекомендации таким любителям будут продолжены.

В общем задачи, стоящие перед журналом, постоянно расширяются и усложняются. И наш 50-летний юбилей мы рассматриваем как еще один важный рубеж, обязывающий редакцию, ее авторов подняться на новую, качественно высшую ступень в своей деятельности по пропаганде научных знаний в народе.

Редакция «Науки и религии» от души поздравляет братский журнал с 50-летним юбилеем и желает ему новых успехов в важном и благородном деле — в воспитании и просвещении советских людей средствами печати.

АСТРОНОМИЯ ВНЕ ЗЕМЛИ

В. ПЕРОВ,
Ю. ШКОЛЕНКО

ПАРАДОКС ТЫСЯЧЕЛИТИЙ. РАЙ ДЛЯ АСТРОНОМОВ

Одна из древнейших наук — астрономия до недавних пор оставалась, как и все остальные науки, земной. Небо изучали с Земли, звезды, планеты, кометы, всю Вселенную — только с Земли! Вот уж поистине парадокс, многовековой и для пытливого ума крайне досадный.

В самом деле, вдумаясь в эту ситуацию.

Все сведения о небесных телах мы получаем, регистрируя приходящее от них электромагнитное излучение. Существует несколько его видов: видимый свет, инфракрасные (тепловые) лучи, лучи ультрафиолетовые и рентгеновские. По краям этого спектра — гамма-лучи и радиоволны. И у каждого вида лучей — свой диапазон волн. У гамма-лучей, например, длина волн не превышает стомиллионную долю миллиметра, у радиоволн, наоборот, длина сравнительно велика — от миллиметра и выше.

Видимый свет в этом спектре занимает узкую щелочку: примерно от 4 до 8 десятитысячных долей миллиметра. Эти волны и проникают сквозь атмосферу без искажения. Доходит до наших глаз и телескопов и некоторая часть соседствующих с видимым светом инфракрасных и ультрафиолетовых лучей, улавливают приборы и радиоволны длиной от 1 см до 20 метров. Все остальное излучение, занимающее большую часть спектра, атмосфера не пропускает. Все остальное, а с ним и всю остальную информацию! Без всякого преувеличения можно сказать, что до середины нашего столетия человек видел Вселенную как бы в щелочку едва приоткрытой двери. Галилей, Тихо Браге, Кеплер, Гершель — все глядели в этот узкий просвет. Конечно, они умели смотреть, умели размышлять. И все же — как, в сущности, мало видели!

Вселенная представлялась всем спокойной и неизменной. Звезды практически не меняли своего вида. Попадались, правда (хотя редко), и беспокойные объекты, с которыми случалось нечто неожиданное. Они ярко вспыхивали и быстро угасали, иногда оставляя после себя слабо светящуюся туманность. Но такие явления были исключением, чрезвычайным происшествием. В 1054 году китайские и арабские астрономы зафиксировали такой случай, который мы теперь определяем как вспышку сверхновой звезды. И снова тишина и спокойствие...

Изобретение радиотелескопа — нового вида наблюдательной техники — помогло распахнуть дверь во внеземной мир. Астрономы услышали голоса Солнца, Луны и планет, шепот туманностей и облаков межзвездного газа, отзвуки былых катастроф — вспыхнувших и погасших звезд, природные сигналы иных галактик. Они открыли удивительные космические тела — пульсары, которые посылают в пространство радиоимпульсы, следующие друг за другом в таком строгом порядке, что заподозрили даже искусственное их происхождение; квазары — самые далекие от нас и пока еще не очень «опознанные» объекты. Само их название означает «квазизвездные объекты», то есть похожие на звезды. Более точной характеристики у них пока нет. Они излучают столь колоссальную энергию, что ее пока не удастся втиснуть в рамки традиционных физических знаний...

Оказалось, что мир, окружающий нашу планету, далек от размерности и покоя, находится в бурном и непрестанном движении, более того, продолжает «твориться» на наших глазах. Вещество переплавляется в недрах звезд и с мощной силой выплескивается вспышками взрывов. Раскаленное огнем термоядерных реакций и чудовищной силой тяготения, выброшенное в пространство со скоростью, иногда близкой к световой, оно подает сигналы

« »

« »

«

!

?

«

»

»

4»

«

»

«

»

«

«

»

»

«

»

?

150

«

»

?

150

?

1957

20

«

», «

», «

»

«

»

?

?!

«

»,

600, ( )

« 4» « »

« »

« »

1969

« 264»

1977

» —

« 3»

« 7» — « », « 6»

12

« 6» « » — « », « »

« »

6 15

1983

— « 9» —

?

( )

возможность существование повысить разрешающую способность радиоустройств — различать очень слабые сигналы и изучать пространственные особенности самых далеких объектов — ядер галактик и квазаров. Примером подобной системы была пара — первый космический радиотелескоп КРТ, установленный на орбитальной станции «Салют-6», и радиотелескоп Крымской обсерватории.

«Прогноз-9» решает другую задачу. Он несет на себе прибор, улавливающий реликтовое излучение — едва слышное радиоэхо, гуляющее по Вселенной многие миллиарды лет. Возможно, этот прибор поможет ученым лучше понять, что происходило с нашей Вселенной на первых этапах ее расширения. «Прогноз-9» выведен на орбиту с минимальным расстоянием от Земли в одну тысячу километров и максимальным в 700 тысяч километров. Так далеко его забросили, чтобы уменьшить помехи от Солнца и Земли. Земля сегодня со всеми своими вещательными станциями — активный источник радиоволн, по «мощности» уступающий только Солнцу. «Прогноз-9» аккуратно работал над составлением радиокарты небесной сферы. За полгода он сделал столько, сколько на высотном самолете, например, не сделать и за 250 лет.

В марте 1983 года ушел на орбиту «Астрон» — автоматический аппарат, предназначенный для изучения галактических и внегалактических источников ультрафиолетового и рентгеновского излучения. Главный инструмент «Астрона», ультрафиолетовый телескоп с диаметром зеркала в 80 сантиметров, считается большим даже среди тех, что работают на Земле. Для космических же условий он, можно сказать, гигантский. Эта обсерватория передала на Землю немало важных и неожиданных сведений. Так, «Астрон» обнаружил в атмосфере некоторых звезд повышенное количество ионов свинца и вольфрама. На Солнце их в сто раз меньше. Откуда на других звездах так много тяжелых элементов? Как они образовались? Вопросы подводят к размышлениям о природе мироздания...

«НАВОЖУ НА ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ»

В заключение нам хотелось бы дать читателю представление о сложном и увлекательном труде космических астрономов, вернее, астрономов, так сказать, по совместительству, потому что космонавты по праву считаются самыми разносторонними специалистами (навигаторами, материаловедами, медико-биологами, географами, метеорологами, монтажниками, ремонтниками и так далее).

Слова, вынесенные в подзаголовок, сказал в космосе А. А. Серебров. Напряженный от внимания и сосредоточенности, его голос глуховато звучит в крошечной тьме. А. Н. Березовой и В. В. Лебедев, хозяева станции, тщательно задраили иллюминаторы, через которые может проникнуть лишний свет. Время эксперимента выбрано так, чтобы ночью, на теневой стороне Земли, «Салют» летел над Тихим океаном и чтобы даже далекое мерцание земных городов не мешало тонкому эксперименту. Такие же меры стараются принимать и в земной астрономии: в станции Зеленчукской на Северном Кавказе все уличные фонари тщательно прикрыты колпаками, чтобы не мешать работе расположенной поблизости в горах астрофизической обсерватории.

В космосе чрезвычайные меры предосторожности нужны были потому, что космонавты вели фотосъемку камерами, которые заряжаются очень чувствительной пленкой. С аппаратурой работали двое — А. А. Серебров и С. Е. Савицкая, члены гостевого экипажа. Космическая ночь коротка, всего минут двадцать полной темноты отпущено фотографам. Поэтому они стараются тратить поменьше времени даже на краткие реплики. Космонавты понимают друг друга почти без слов.

Цель эксперимента — уловить и зафиксировать на пленке изображения далеких объектов в инфракрасной области спектра. Инфракрасное излучение исходит и от

холодных тел — от планет и их спутников, и от звезд на стадии их образования, и от облаков космической пыли, и от таинственных квазаров.

А если направить такую камеру на Землю, из астрофизического инструмента превратить ее в геофизический, то можно получить сведения о том, например, как распределяется водяной пар до высоты 50—80 километров, сколько в атмосфере содержится окиси углерода, окиси азота, сернистого газа и других загрязнителей, узнать, как перерабатывается в земной атмосфере энергичное излучение Солнца и как оно влияет на метеорологические процессы.

Но специальные фотокамеры — не единственный и даже не основной инструмент исследований в инфракрасном диапазоне. На орбиту выводились и различные телескопы, работающие в инфракрасных лучах. Был такой инструмент и на «Салюте-4», а на «Салюте-6» работал огромный по космическим масштабам прибор: диаметр его главного зеркала достигал полутора метров. Сокращенно назывался он БСТ — Бортовой субмиллиметровый телескоп. Из названия всякому более или менее искушенному человеку ясно: телескоп этот рассчитан на тепловое излучение, лежащее у границы с радиодиапазоном. Такое излучение полностью блокируется атмосферой и до земных обсерваторий не доходит.

Тепловые лучи, пойманные главным зеркалом, попадают на полупроводниковые фотоприемники. Заметим попутно, что конструкторы инфракрасных телескопов встречаются с довольно серьезной проблемой. Максимум теплового излучения любых предметов с нормальной температурой приходится как раз на инфракрасный диапазон. А это означает, что излучение самого телескопа в десятки и сотни тысяч раз превышает потоки, которые нужно исследовать. Как же быть? Как избавиться от этих чудовищных помех? Пришлось разработать особые методы выделения полезного сигнала из «шума», а также довести до предела чувствительность приемников, подвергая их... глголекуму охлаждению — оно сводит на нет движение молекулы, источник собственного теплового потока. В конструкцию БСТ, например, введена система охлаждения с жидким гелием, поддерживающая температуру приемников на уровне 4—5 градусов выше абсолютного нуля, то есть минус 269 градусов по Цельсию.

Но вот телескоп проверен, охлажден и приведен в полную готовность. Командир — в кресле центрального пульта управления. Вычислены необходимые развороты орбитального комплекса, получены все советы из центра управления. Легкие, едва заметные движения ручкой управления, короткие вспышки ракетных двигателей ориентации, и 20-метровая связка космических аппаратов «Салют» — «Союз» плавно разворачивается среди звезд. Очередной удар двигателей, гасящий инерцию поворота массивного небесного тела, созданного руками человека. Есть нужная ориентация! Теперь надо заставить станцию замереть в нужном положении по отношению к звездам, замереть, не переставая мчаться со скоростью восьми километров в секунду вокруг Земли.

Командир выполнил свою задачу. Короткий взгляд на пульт: тревожных сигналов нет. Весь сложный организм станции работает как надо. Да и случись какие неполадки, космонавт и без сигналов понял бы это. Ему помогает опыт и безошибочная интуиция, развивавшаяся за годы тренировок на Земле, когда отрабатывались бесчисленные «нештатные» ситуации — возможные и невозможные неисправности.

Теперь дело за бортиженером. Тот распластался на конической стенке научного отсека — на горбе в два человеческих роста, выросшем из пола станции. Прильнув к оптическому визиру, он совмещает светящийся кружок индикатора направления оси телескопа с изображением далекой звезды. Начинаются исследования, которые, без сомнения, принесут много новых данных науке, а может быть, и положат начало очередной перестройке научных представлений о картине мироздания...

● Изображение лунной поверхности, полученное с помощью телевизионной системы автоматической станции «Луна-9». Видна часть станции.

Фото АПН.

В. ЛЮСТИБЕРГ

Когда четверть века назад, в октябре 1959 года, на экранах телевизоров появилась первая фотография обратной стороны Луны, весь мир воспринял это как событие исключительной научной важности. Снимок прислала на Землю «Луна-3» — третья из автоматических станций советской исследовательской программы «Луна».

2 января 1959 года впервые в истории на межпланетную трассу вышла «Луна-1». На ее борту стояла аппаратура для изучения космических лучей, газовой компоненты межпланетного вещества, метеорных частиц, магнитного поля, корпускулярной составляющей излучения Солнца. 3 января, находясь в 113 тысячах километров от Земли, «Луна-1» выбросила в пространство натриевое облако, своего рода модель естественной кометы, а через несколько дней, пролетев мимо Луны на расстоянии всего 5—6 тысяч километров, затерялась в глубинах Космоса.

12 сентября 1959 года в полет отправилась «Луна-2». 14 сентября она достигла поверхности Луны западнее моря Ясности, вблизи кратеров Аристилл, Архимед и Автолик. На ее борту находились выпеллы с изображением Государственного герба СССР.

После тщательного анализа научной информации, переданной «Луной-2», 4 октября 1959 года взлетела «Луна-3». На ее борту были радиотехническая, телеметрическая, фототелевизионная системы, комплексы энергопитания, терморегулирования и приборы: задачу предстояло решить чрезвычайной сложности.

7 октября по команде с Земли станция стабилизировалась и начала фотографировать обратную сторону Луны. В кадры попала почти половина поверхности лунного шара, две трети которой приходились на не видимую с Земли его часть. Затем пленки были обработаны, и изображения транслировались на Землю, когда станция приблизилась к ней на расстояние около 40 тысяч километров.

С тех пор на поверхности Луны побывали десятки межпланетных автоматов, несколько экспедиций с людьми, человечество получило в руки образцы лунной почвы.

А ведь каких-нибудь полтора столетия назад о Луне строились самые фантастические предположения...

РОЗЫГРЫШ ВЕКА

В конце лета 1835 года возбужденные толпы жителей Нью-Йорка разрывали газетчиков на части. Еще бы: на Луне, оказывается, живут крылатые люди, а неведомые звери купаются в лунных реках! В десяти статьях, печатавшихся из номера в номер в газете «Сан», рассказывалось о «великих астрономических открытиях», сделанных сэром Джоном Гершелем на мысе Доброй Надежды с помощью «грандиозного телескопа» и описанных в эдинбургском «Научном журнале». Семиметровый телескоп увеличивал объект в 42 тысячи раз, и в него можно было разглядеть на Луне предметы размером в 18 дюймов. Человекоподобные существа на Луне, говорилось в статьях, «сплошь покрыты жесткими медно-рыжими волосами, а крылья у них — как у летучих мышей».

Статьи были написаны живо и занимательно; к некоторым давались иллюстрации, нарисованные якобы с натуры астрономами-наблюдателями. Сообщение «Сан» перепечатали газеты Англии, Франции, Германии, Португалии, Испании. А несколько

недель спустя, когда «Сан» уже получила баснословные прибыли, выяснилось, что хотя сэр Джон Гершель действительно существует и на самом деле ведет наблюдения за Луной из своей обсерватории на мысе Доброй Надежды, все прочее — чистейший вымысел. Не существует ни эдинбургского «Научного журнала», ни столь грандиозного телескопа, ни тем более обитателей Луны. Всю историю от начала до конца придумал издатель «Сан» Ричард Адамс Локке. Серия его статей осталась в журнальчике как одна из величайших мистификаций, эффект которой был целиком основан на постоянном интересе публики к «инопланетным» сенсациям.

Это, конечно, была не первая сказка про Луну. У многих народов издавна бытовали поверья, будто от нее исходят таинственные лучи, которые затупляют ножи, а женщинам приносят беременность. Древние галлы не отправлялись в путешествие и не начинали битву до наступления новолуния. По той же причине спартанские воины в 490 году до нашей эры не вышли на соединение с афинянами, чтобы принять участие в сражении при Маратоне. К счастью, афиняне, предводительствуемые Мильтиадом, одержали победу над превосходящими силами персов и без спартанцев. Римский император Тиберий, у которого были очень тонкие и редкие волосы — предмет его постоянного беспокойства, разрешал стричь их только после новолуния.

По фазам Луны и ее цвету предсказывали судьбу и пытались угадать,

какой будет урожай. Луна, по суеверным представлениям, была излюбленным местом жительства чародеев и ведьм, черных котов, летучих мышей и мудрых филинов, — всех их будто бы можно разглядеть на лунном диске, постоянно меняющем свой лик и как бы следящем за каждым нашим шагом.

Древнегреческие мыслители знали, что Луна — обыкновенное небесное светило. Платон думал, что это сгусток огня, а Ксенофан считал ее плотным облаком. Правда, высказывать подобные материалистические суждения было не всегда безопасно: философа Анаксагора обвинили в богохульстве, в частности за утверждение, будто Луна состоит из того же вещества, что и Земля. Анаксагору пришлось даже бежать из Афин...

В безудержном полете фантазии человек совершал путешествия на Луну с давних времен. Одним из первых это сделал Доминго Гонзалес, герой книги Франциско Годвина «Человек на Луне», напечатанной в 1638 году. Доминго отправился в космическое путешествие на крыльях 25 огромных лебедей. Прилунившись, он обнаружил там таких же людей, как и у нас, но только росту в них было метров десять. Французский писатель и воин Сирано де Бержерак рассказывал, что посетил Луну на огненной колеснице. Он беседовал с гигантами — «лунотьянами», но был заключен ими в тюрьму за то, что заявил, будто на Земле живут люди, и спасся лишь благодаря счастливой случайности. А кого из нас не захватывали в детстве приключения героев Жюль Верна, облетевших в пушечном снаряде вокруг Луны!

● Таким виден лунный ландшафт в гигантский телескоп сэра Джона Гершеля, завергла своих читателей нью-йоркская «Сан» (эта и другие иллюстрации взяты из старых газет и журналов).

ОТКУДА ЛАТУНЬ! ОТКУДА МАГНИТНОЕ ПОЛЕ! ОТКУДА...

В середине нашего века сенсации, связанные с Луной, начались снова. Незадолго до запуска первого спутника американский астроном Роберт Куртис опубликовал в журнале «Скай энд телескоп» фотографию окраины

● Таких гигантов встретил на Луне Сирано де Бержерак.

● Посетителей все-американской выставки 1901 г. в Буффало уверяли, что в недалеком будущем они сумеют совершить путешествие на Луну и обратно на борту вот такого корабля.

● В VII веке суеверные крестьяне видели в ночном лунном небе предзнаменования тяжелых времен.

лунного кратера Фра Мауро, сделанную на высококочувствительной пленке через 16-дюймовый рефрактор. В размытых лунных тенях четко различался геометрически правильный белый мальтийский крест. Подлинность фотографии у экспертов сомнений не вызвала, но откуда взялся крест, так и осталось невыясненным. Самое интересное, что спустя некоторое время на этом месте креста не оказалось.

«Таинственные исчезновения на Луне продолжают» — гласил заголовок одной из статей в американской газете. Было это уже после того, как «Луна-3» сфотографировала обратную сторону Луны, а «Луна-9» познатила человечество с панорамой лунной поверхности. В статье говорилось, что во время телевизионного показа образцов лунной почвы аппаратом «Сервейор» «неизвестная сила» несколько раз сбрасывала эти образцы со столика перед передающей трубкой. Уловить момент исчезновения грунта не удалось ни при какой скорости съемки: на предыдущем кадре грунт есть, а на следующем нет...

Первые шаги человека по лунным

тропинкам 21 июля 1969 года ознаменовали начало прямых контактов с поверхностью Луны. Многим домыслам пришел конец, но проблем только прибавилось¹.

Перед Нейлом Армстронгом и Эдвином Олдрином — американскими астронавтами, ступившими на Луну, открылся чужой и безжизненный мир. Поверхность Луны была ярко освещена, но так как небо было черное и без единого светила, кроме Земли, то, как писал Армстронг, «все это несколько напоминало ночь на стадионе, освещенном прожекторами... В этом ярко освещенном районе почти отсутствовали цветные гаммы; только когда Солнце поднялось выше 10 градусов над горизонтом, начали появляться коричневые или рыжеватокоричневые тона...».

Взглянув на темные, покрытые слоем пыли кусочки лунной породы, доставленные с Луны, ученые были разочарованы: черноватый слой порошкообразной пыли придавал им скучный, обыденный вид. Однако после химических анализов от разочарований не осталось и следа. Хотя в лунном грунте не нашли ни одного не известного на Земле элемента, их соотношение было столь необычным, что не укладывалось ни в какую гипотезу. Геологов поставили в тупик 12 процентов окиси титана в лунном вулканическом грунте — в земном его не бывает больше 4,5 процента. А откуда взялась латунь, которая в земных породах не встречается никогда? На Земле она продукт деятельности человека, а не природы. Правда, один ученый обратил внимание на то, что ящик, в котором доставлялись на Землю лунные образцы, имел слегка стершиеся латунные петли, и они могли загрязнить стерильную лунную почву. Но эта версия не выдержала критики. Другой ученый рассказывал журналистам, что в те дни его неотвязно преследовал вопрос из известной детской шутки: «Почему Луна не из чугуна?»

Дело усугублялось еще и тем, что кусочки скал имели один состав, а собранный рядом с ними «песок» — иной, и кусочкам этим было 2,5 миллиарда лет, а «песку» — 3,5. Получалось, будто сначала на поверхности Луны появилась сыпучая крупа, а потом, через миллиард лет, неведомым образом поверхность покрылась обломками скал.

Ученым так и не удалось, размельчив скальные породы, получить что-нибудь напоминающее собранный возле них грунт: в каждом случае отсутствовали какие-либо элементы. Обнаружился обломок, настолько отличающийся от всех других, что заставил одного геохимика воскликнуть: «Лучше бы мы его вообще не находили!» Оказалось, что возраст этого образца составляет 4,5 миллиард

да лет, то есть он куда старше лежащей под ним породы.

Выяснилось также, что в «памяти» лунных минералов хранится устойчивый остаточный магнетизм, даже более устойчивый, чем у земных пород. Значит, на Луну действовало магнитное поле? Но когда и чье? Чтобы иметь сегодняшние магнитные характеристики, лунная почва должна была подвергаться напряженности в тысячу гамм² в течение миллиарда лет. Но магнитное поле Земли в районе орбиты Луны не превышает нескольких гамм. Напряженность поля, создаваемого солнечным ветром возле Луны, примерно такая же. Значит, Земля и Солнце ни при чем, и в лунных породах запечатлено действие собственного магнитного поля Луны? Но чтобы у Луны было магнитное поле, она, подобно Земле, должна обладать металлическим ядром, а оно что-то не обнаруживается. Что же ее намагнитило?

Снова анализы — и снова неожиданность: в лунной пыли найдены некоторые аминокислоты, в том числе аланин и глицин, причем глицин в таких количествах, что вероятность загрязнения лунной пыли уже на Земле сразу же пришлось исключить. Значит, на Луне существовала жизнь? Или непрерывная бомбардировка лунной поверхности космическими излучениями привела к предбиологическим реакциям даже в условиях глубокого вакуума?

«...Находясь на поверхности Луны, мы не ощущали никаких запахов ни в скафандрах, ни в гермошлемах, — рассказывал Эдвин Олдрин. — Вернувшись в кабину и сняв шлемы, мы почувствовали какой-то запах... Я уловил отчетливый запах лунного грунта, едкий, как запах пороха».

- В шестой американской экспедиции на Луну принял участие геолог Харрисон Шмитт. «Только ничего не трогай, пока я не подойду!» — крикнул он своему командиру Юджину Сернану, когда они наткнулись на обширный участок почвы оранжевого цвета. Шмитт пришел к выводу, что оранжевый цвет — это результат воздействия на грунт так называемых фумарол, газов, выходящих на поверхность непосредственно перед окончанием извержения вулкана. На Земле в результате такого процесса образуются окислы железа, то есть ржавчина. Но для появления ржавчины необходимы вода и свободный кислород. Откуда же они взялись на Луне?

Или вот еще загадка. Поверхностный слой Луны хранит на себе следы сильнеешего «лучевого ожога» — слово наше Солнце 30 тысяч лет назад вспыхнуло на полторы минуты ослепительной сверхновой звездой. Об этом свидетельствуют оплавленные «грибочки» из стекло-

видных минералов в лунных кратерах. Но тогда почему на Земле нет никаких следов такого грандиозного события?

ДОЧЬ, СЕСТРА ИЛИ ПЛЕННИЦА?

«Откуда она взялась?» — вот вопрос, который задавали себе и далекие наши предки, и ученые нового времени.

...Луна, утверждают бушменские легенды, никогда не умирает до конца, у нее остается спинной хребет, и она снова вырастает и возвращается к жизни. Когда-то так же возвращались к жизни и люди, но однажды Луна разгневалась на них (за что — это целая история), и люди теперь «умирают навсегда».

Нет, уверяют мифы аварцев и лезгин, все было иначе: Солнце и Луна были влюблены друг в друга, но Луна стала хвастаться, что на нее люди смотрят больше, потому что она красивее. Тогда Солнце свихнуло Луне в лицо комья грязи (их и сейчас там видно), и Луна, обидевшись, убежала, а Солнце, жалея о своем поступке, тщетно теперь пытается догнать ее.

Иберийские мифы похожи на аварские. Жил на свете знаменитый кузнец, рассказывают они, и преследовал он своей любовью прекрасную девушку, не ведая, что та приходится ему сестрой. Однажды он погнался за ней с раскаленной золотой палицей, и вот искры от палицы превратились в звезды, юноша — в Солнце, а девушка — в Луну. И поныне он стремится догнать в небе свою возлюбленную...

И в наше время в популярных изданиях появляются иногда полуфантастические предположения, несмотря на современный научный язык, не так уж далеко ушедшие от древних сказаний.

«Луна — творение разума!» — заявили авторы статьи, появившейся 10 января 1968 года в «Комсомольской правде». Луна представлялась им «тонкостенным шаром, приспособленным для дальних передвижений и длительного, измеряющегося миллиардами лет существования». Кто те разумные существа, которые сделали Луну? Зачем ее сделали? Эти вопросы авторов статьи не занимали. Через 13 лет после этой публикации на загадку «тонкостенного шара» попытался пролить свет астроном В. Коваль, выступивший в журнале «Техника — молодежи». Какую память могли бы оставить по себе иные цивилизации, если бы они посетили нашу планету на заре развития человечества? Созданный ими памятник, утверждал В. Коваль, должен был бы

¹ См.: В. Перов, Ю. Школенко. Небесная ойкумена. «Наука и религия», 1982, № 10.

² Гамма — сотысячная доля эрстеда; служит для измерения напряженности слабых магнитных полей.

привлекать внимание людей своими размерами, яркостью и необычными характеристиками. Всем этим требованиям как раз и отвечает Луна, которую «пришельцы» поместили на орбиту возле нас, «прибуксировав» ее с той орбиты между Марсом и Юпитером, где должна была бы вращаться исчезнувшая планета Фазтон. Фазтон не исчез, вот он, у нас перед глазами!

Надо сказать, что построили убедительную теорию формирования и эволюции планетной системы «Земля — Луна» не так-то просто.

«Дочерняя», «сестринская» и «супружеская» гипотезы — вот три возможности, доступные пока нашему воображению в этой проблеме (если обойтись без «пришельцев» и, разумеется, без «потусторонних сил»). Все «дочерние» теории гласят, что Луна отделилась от Земли. То ли мимо пролетало огромное небесное тело и своим притяжением вырвало кусок вещества из Марианской впадины в Тихом океане, то ли полужидкая масса будущей Земли в ходе вращения сформировалась в два каплевидных тела, ставших Луной и Землей после разрыва соединявшей их перемычки. Но в подобном процессе общий момент количества движения системы «Земля — Луна» должен иметь совершенно точную, подчиняющуюся законам небесной механики величину, а массы разделившихся тел — относиться друг к другу, как 9 к 1. На самом же деле масса Луны составляет лишь одну восьмидесятую часть земной. Куда же «исчезла» остальная? Более того, по всем законам механики возникшие после подобного разрыва планеты «не имеют права» вращаться одна вокруг другой, они обязаны разойтись на большое расстояние.

Может быть, «сестринская» гипотеза убедительнее? По ней оба небесных тела сформировались одновременно, из одного и того же протопланетного облака. Но тогда средняя плотность вещества у каждого из них была бы приблизительно одинакова. А на самом деле? У Луны средняя плотность составляет 3,33 грамма на кубический сантиметр, а у Земли — 5,5. Что же это за механизм «избирательного отбора», который меньшей планете отдал легкие материалы, а большей — тяжелые? «Они не родные сестры, а двоюродные», — заявил однажды доктор С. Росс Тейлор из Австралийского национального университета. Пусть так, но что это объясняет?

Под «супружеством» подразумевается захват, пленение гравитационным полем Земли пролетающей мимо планеты. Странники этой гипотезы считают, что Луна могла обратиться вокруг Солнца примерно по такой же орбите, что и Земля. Затем, около 4 миллиардов лет назад, не-

осторожно приблизилась к нам, была захвачена и с тех пор находится в плену. Математически безупречного расчета подобного захвата нет. Чтобы все сошлось, требуется совпадение множества благоприятных обстоятельств. В поисках их предполагали даже, что у Земли было несколько лун, которые, сталкиваясь друг с другом наподобие бильярдных шаров, в конце концов «затолкали» нашу спутницу на нынешнюю ее орбиту. Но такая вероятность практически не отличается от нуля.

«Я не вижу никаких доказательств в пользу того, что Луна старше Земли или что она отделилась от Земли», — заявил лауреат Нобелевской премии доктор Гарольд Юри из Калифорнского университета. — Я совершенно не представляю себе модели, воспроизводящей историю системы «Земля — Луна».

Но хотя Г. Юри считает, что такой теории и не существует, «планетная семья» живет и развивается. Земля помаленьку замедляет свое вращение, а Луна набирает ту скорость, которую мы теряем. Наши сутки за 120 тысяч лет становятся длиннее на минуту, а тем временем Луна за каждые 100 лет отходит от нас на полтора метра. Что произойдет дальше, рассчитал еще в 1850 году французский астроном и математик Эдуард Рош. Когда расстояние между Землей и Луной увеличится до 450 тысяч километров (сейчас оно составляет 384 тысячи километров), Солнце будет вставать у нас на востоке не 365 раз в году, а всего лишь девять. Затем Луна снова начнет приближаться к нам, пройдет свою нынешнюю позицию, и обитатели Земли увидят, как огромный оранжевый диск будет расти и расти, пока не заполнит почти все небо, потеряет сферическую форму и станет похож на громадный дирижабль, готовый совершить посадку на Землю.

Однако и этого не произойдет: когда Луна приблизится на расстояние в 2,86 земных радиуса, она... разорвется на части. Случится это, правда, не раньше чем через 100 миллиардов лет.

Заметил ли читатель, что почти никто не обсуждает, откуда взялись спутники других планет? Ни вулканическая деятельность юпитерианской луны Ио, ни «похожий на летающую тарелку» Ганимед, ни окутанный плотной атмосферой спутник Сатурна Титан не вызывают такого интереса, как Луна, хотя многие из них по размерам ее превосходят. Ученые почти единодушно убеждены, что эти спутальцы бесцельно блуждали по Солнечной системе до тех пор, пока не попали в зоны планет с мощными полями тяготения. С ними почти все ясно. А вот что делать с Луной, как разгадать ее загадки? Непонятно даже, с чего начинать, за что ухватиться.

С ЧЕГО НАЧАТЬ, ЕСЛИ НАЧИНАТЬ С НАЧАЛА!

Конечно, если «начинать с начала», то — со скрупулезного сбора фактов, важных и неважных, интересных и «несущественных». Две крайние точки графика могут лежать на самой причудливой кривой, но если точек много, то их размещение в конце концов отразит какой-то закон, поддающийся анализу.

До последних десятилетий человек, изучая Луну, оперировал в основном не прямыми, а косвенными данными. Опираясь на них, академик Отто Юльевич Шмидт еще в 1943 году разработал общую теорию образования планет (в том числе и Земли с Луной), которую стали называть «холодной». По мнению Шмидта, планеты сформировались не из раскаленной плазмы, которая, остывая, постепенно твердела, а из холодных газо-пылевых масс, своего рода «космического смога». Частицы туманности, двигаясь, прилипали друг к другу; вся эта масса, вращаясь, росла, как снежный ком.

Крупный геохимик академик Александр Павлович Виноградов разделял эту теорию и считал, что химическим, петрографическим и минералогическим данным более всего соответствует вариант формирования Луны из хондритов, у которых много окиси железа в силикатной фазе и мало — в фазе металлической.

С запуском в космос первого спутника стало ясно, что подходит время прямых контактов с Луной. Но кто эффективнее сможет работать на Луне — человек или автомат? Человек, конечно, «универсальный прибор», но ему придется брать в космическое пространство не только свою земную атмосферу и запасы еды — ему придется еще защищать свой крошечный мирок от всего враждебного: перегрузок и космического холода, вакуума и высоких температур при посадке на Землю. Нет, на первых порах автоматика будет и дешевле, и риска с ней неизмеримо меньше. Советские аппараты «Луноход-1» и «Луноход-2», управлявшиеся по телеметрическим системам с Земли, в 1970 и 1973 годах проработали на поверхности Луны по нескольку месяцев, добросовестно передавая на Землю сведения о свойствах лунных пород. А станции «Луна-16», «Луна-20» и «Луна-24» доставили на Землю солидные порции лунного грунта.

Добавив к полученным знаниям сейсмические «просвечивания», сделанные лунными лабораториями, ученые заключили, что Луна — сплошное небесное тело (без всяких признаков деятельности «инопланетян»!), что по своему строению она довольно похожа на Землю, имеет жидкое или полужидкое ядро (все-

таки имеет, хотя состав его нам пока неизвестен), мантию с непривычными для нас свойствами, кору и рыхлый слой — обломчатый реголит. Из недр Луны определенно исходит тепловой поток. Либо это следствие радиоактивного разогрева (если Луна сформировалась по «холодной» теории), либо — «остаточный жар» (если она остывала, родившись в виде раскаленного шара).

Этих сведений не так уже мало, но все же недостаточно, чтобы с полной убедительностью восстановить родословную нашей соседки. Здесь уместно вспомнить, что небесная механика сама по себе не в силах дать ответ на вопрос, что же происходило в прошлом, и большую пользу приносит «негативный» подход, когда отдельные гипотезы при анализе последовательно исключаются. По всем существующим космогоническим теориям планеты Солнечной системы — родственники. И как-то само собой считалось, что если Луна — самое близкое к нам небесное тело, то она должна быть похожа на Землю, как родная сестра. Но ведь самые близкие родственники часто очень не похожи друг на друга.

Нет сомнения, что какие бы хитроумные гипотезы мы ни изобретали, истинными окажутся лишь те из них, которые не будут противоречить известной мысли Энгельса о том, что действительное «единство мира состоит в его материальности, а эта последняя доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания»³.

Бесспорно, вопросов перед наукой еще предостаточно, в том числе и в космогонических областях. Мы еще не можем объяснить до конца физическую суть «парникового эффекта» на Венере; не представляем точно, как могут таять и нарастать «снеговые шапки» в полярных областях Марса при отсутствии водяных паров в его атмосфере и на поверхности.

Словом, чем больше мы получаем сведений о космосе, тем явственнее убеждаемся в том, что знания наши еще весьма ограничены, а фантазия не очень богата. Хочешь не хочешь, а приходится думать о существовании таких космогонических процессов, для которых рамки привычных представлений чересчур узки. И о том, конечно, что создание «лунной теории» — еще впереди.

К счастью, опыт человечества подтверждает, что наука в конце концов находит ответ на все загадки. Ведь первый рукотворный аппарат отправился к Луне всего четверть века назад, и за эти четверть века мы узнали о Луне не меньше, чем за предшествующие 25 столетий.

³К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 43.

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПОЛОЖЕНИЯ РЕЛИГИИ В СССР

М. ГОЛЬДЕНБЕРГ,
кандидат философских наук

Желательно, чтобы публичное выступление о фальсификации положения религии в нашей стране рассматривало такие основные проблемы, как свобода совести и ее клерикальные толкователи, непрошенные «защитники» прав церкви и верующих в Советском государстве, домыслы о религиозном «возрождении» и «закате» атеизма в СССР.

Во введении лектор привлечет материалы XXVI съезда КПСС, подчеркивающие необходимость своевременного отпора враждебным идеологическим диверсиям, равно как и сформулированное июньским (1983 г.) Пленумом ЦК КПСС положение о том, что многочисленные идеологические центры империализма стремятся не только поддерживать, но и насаждать религиозность, придать ей антисоветскую, националистическую направленность.

Несмотря на переживаемый ею острый кризис, религия продолжает оставаться на Западе одной из наиболее массовых форм общественного сознания, а в Советском Союзе — единственной легально существующей чуждой марксизму-ленинизму идеологией. В этих условиях наши недруги упорно пытаются, с одной стороны, навести мосты между зарубежными антисоветскими клерикальными центрами и верующими в СССР, а с другой — учитывают, что в мире капитала многие религиозно настроенные люди не останутся безучастными к назойливым внушениям,

будто в Советском Союзе приверженцы религии стали объектом жестокой травли.

И еще одно обстоятельство, которое следует разъяснить во вступлении. В наши дни жизненно важное значение приобретают совместные действия верующих и неверующих на всех континентах против угрозы ракетно-ядерного катаклизма. В них, как известно, включились и некоторые весьма влиятельные клерикальные круги, что положительно оценено миролюбивыми силами¹. Вовлечение все большего числа зарубежных иерархов в борьбу за сохранение мира и человеческой цивилизации — явление позитивное и немаловажное. Однако это не означает, что, признавая и поддерживая такую деятельность значительной части западного духовенства, марксисты-ленинцы будут из «тактических» соображений закрывать глаза на антикоммунистические предубеждения, сохраняемые многими его представителями.

В первом разделе лекции желательно рассмотреть клерикальный подход к проблеме свободы совести. При этом надо показать, что для деятелей церкви свобода совести — не более чем придаток, если не синоним свободы религии. Значение последней непомерно раздувается, что красной нитью пронизывает ее клерикальные оценки. «Церковь», — сказано в материалах одного из синодов католических епископов, — когда она защищает право на катехизис, борется за фундаментальное право человека». Еще Павел VI видел в религиозной свободе «первое из фундаментальных прав», поскольку, по его словам, все права и обязанности зиждутся на долге перед богом.

В этой связи уместно упомянуть, что ни в одном современном документе — ни во Всеобщей декларации прав человека, ни в Международном пакте о гражданских и политических правах, ни в Заключительном акте Хельсинкского совещания, подписанном также и Ватиканом, нет и намек на то, что религиозные права и свободы следовало бы рассматривать как главенствующие. Таким образом, клерикальное толкование свободы веры несовместимо с правосознанием даже той части человечества, которая живет в условиях капиталистической формации. Причем свобода атеизма для большинства клерикальных идеологов чаще всего попросту не существует. В этих условиях чисто словесное признание свободы совести — всего лишь вынужденная дань духу времени.

Лектор, однако, призван разъяснить: на Западе даже свобода религии зачастую практически игнорируется или же мыслится в сугубо христианских категориях («право на катехизис» и т. п.), не распространяясь на другие исповедания.

В качестве примера такой узости можно привести католицизм, иной раз ущемляющий свободу совести самих католиков. В последние годы Ватикан лишил ряд теологов и священников, в том числе широко известных Г. Кюнга², Э. Шиллебека и Ж. Пойэ, права служить мессы, преподавать теологию и т. д. «Провинились» они в том, что придерживаются неортодоксальных взглядов на божественную природу Христа, его воскресение, отвергают догматы непогрешимости папы, целибата, выступают за допуск женщин к пастырской деятельности, за разрешение разводов, регулирование рождаемости и т. д.

Можно рассказать и о том, как римская курия упорно стремится сместить некоторых занимающих прогрессивные политические позиции церковных иерархов в Латинской Америке и заменить их консервативными, не считая нужным согласовывать свои акции с национальными епископскими конференциями. Лишь через радио Ватикана высшее бразильское духовенство узнало о назначении епископом ирландца, коему папский нунций тут же поручил «умиротворить» нищих крестьян и поддерживающих их священников. В другом случае епископ был доставлен из ФРГ, в третьем, правда, оказался бразильцем, но таким, который донес в политическую полицию на прогрессивно настроенного иерарха. Как видим, на почве такой «свободы» попираются элементарные права и до-

стоинство даже епископата такой крупной католической страны, как Бразилия. В подобных условиях свобода в самом широком смысле оказывается миражом, причем в решающей степени она зависит от политических мотивов, а не от приверженности к религии как таковой.

Не лучше обстоят дела и в лоне протестантизма. Лектор может ознакомить слушателей с судьбами двух британских граждан — англиканских пасторов Майкла Бурдо и О. Филдинга Кларка. Двери Би-Би-Си и прочих западных радиостанций, равно как и буржуазных издательств и редакций, широко распахнуты перед первым, но закрыты наглухо перед вторым. В чем же дело — ведь и вера, и сан у них одинаковы? «Всего лишь» в резком различии их политических взглядов: первый — завзятый антисоветчик, второй — искренний друг нашей страны. Именно это, а отнюдь не мера благочестия, определяет их участь.

Нисколько не шире рамки свободы в нехристианских конфессиях. Принципиальная невозможность провозгласить, пусть на словах, свободу совести, по существу, признается ревнителями иудаизма. Как пишет один из буржуазных авторов, принадлежность к этой вере — «сугубо плотская: евреем считается каждый, кто рожден матерью-еврейкой. Это единственный критерий. Религия отца или личные убеждения человека не имеют никакого значения при определении принадлежности к иудаизму». Таким образом, каждый, чья мать — еврейка (даже если отец не еврей), «неотвратимо становится» одновременно и евреем, и иудаистом, что служит «теоретическим основанием» для столь любезного сердцам сионистов и иудейских клерикалов отождествления этнического и конфессионального признаков. Из этих негодных посылок вытекает жестокое насилие над совестью израильтян, «рожденных иудаистами», но не соглашающихся принять антинаучный тезис о своей фатальной, «биологической» связи с иудаизмом.

Разъяснив, как в недрах различных зарубежных конфессиональных организаций «реализуется» принцип свободы совести, лектор поможет аудитории лучше осознать двуличие «забот» клерикальных «попечителей» верующих граждан нашей страны.

Со времени принятия новой Конституции СССР не прекращаются атаки против закрепленных в ней длинных гарантий свободы совести (ст. 52), причем прочно укоренилась тенденция изображать дело так, будто Основной закон строго ограничивает церковную деятельность рамками культа, налагая запрет на религиозную пропаганду. Некоторые «заступники» доходят до утверждения, будто она рассматривается в СССР как преступление. В этих условиях лектор, поскольку среди его слушателей есть и верующие, вполне может обратиться к ним с вопросом: что они слышат в церквях, молитвенных домах, мечетях — религиозные проповеди или лекции на атеистические темы? Достаточно только поставить так вопрос, как сразу выявится беспочвенность клерикальных измышлений. Если принять их на веру, то выходит, будто любая проповедь в храме, каждая статья в «Журнале Московской патриархии» или «Братском вестнике» суть преступные деяния, ибо все это очевидная религиозная пропаганда.

Однако и свобода отправления религиозных обрядов тоже становится предметом предвзятого толкования. Выступив на одном из антисоветских сборищ, небыизвестный А. Левитин-Краснов, ходивший в СССР в «инакомыслящих», а затем, оказавшись на Западе, посвятивший себя служению самым темным силам реакции, стал распространяться о «подлинном терроре, развязанном в Советском Союзе против верующих». При этом клеветник ссылался на такие «неопровержимые

¹ См. статьи Н. Ковальского «Расширение антивоенной борьбы» и В. Богданова «Диалог во имя мира». «Наука и религия», 1983, № 7, 11.

² См., например, статью И. Кривелева «Патер Кюнг вольнодумствует». «Наука и религия», 1977, № 3.

факты»). У верующей четы рождается ребенок, и сразу же возникает проблема крещения. Если его «осмелится» совершить, то «возмездие» не заставит себя ждать: родителей либо снимают с работы, либо объявляют «антиобщественными элементами», а их крещеный ребенок... отправляется в приют. Словом, Советская власть, дескать, усматривает в каждом верующем лишь объект травли. И начинается она, мол, с пеленок!

Эти «откровения» как бы дополняет французский еженедельник «Пари-матч», по «сведениям» которого в Советском Союзе закон, принятый в 1974 году, обязывает родителей давать детям атеистическое воспитание под угрозой, что в противном случае они будут отняты у матери и отца и отправлены в приют. «Согласно советскому закону», мол, даже священники больше не имеют права воспитывать своих детей в религиозном духе.

Поскольку журнал утверждает, что в «соответствии со статистическими данными церкви» в СССР около 30 миллионов христиан, лектор (попутно отметив, что считает нелепым вдаваться в обсуждение несуществующей статистики) может поставить примерно такие вопросы: случайно ли дезинформаторы не привели ни одной цитаты из «закона 1974 года» или любого другого, откуда явствовало бы, что верующим грозит наказание за религиозное воспитание своих детей? Быть может, обличители возьмут на себя труд, исходя из количества верующих, приводимого ими, ориентировочно подсчитать, сколько приютов надо было бы построить, чтобы разместить всех «котятых по суду» ребят? И почему те же зарубежные «заступники» не потрудились привести хотя бы один конкретный пример живописуемых ими расправ?

С наигранным возмущением радетели «религиозных свобод» сообщают о том, что в СССР в религиозной практике должно соблюдаться соответствующее законодательство. Подобные «разоблачения» — явное фарисейство. Не только потому, что за ними — плохо скрытое стремление оправдать любые произвольные деяния тех немногих церковных и сектантских экстремистов, которые, требуя безбрежной религиозной свободы, считают себя вправе попирать действующее в СССР юридические нормы, но и по той причине, что и в буржуазных странах есть законы, регулирующие деятельность религиозных организаций.

Вызвать трения между верующими и атеистами, изобразить дело так, будто первые откровенно или прикровенно не приемлют социалистический строй, оппозиционно к нему настроены, — таков коварный замысел буржуазно-клерикальной пропаганды. В этой связи необходимо разъяснить, что подобный подход к верующим, в огромном большинстве своем искренне преданным идеалам социализма, глубоко оскорбителен для них.

Здесь лектору следует остановиться и на подрывных действиях сионистов и иудейских клерикалов. Чего добивается, например, один из идеологов сионизма Ц. Гительман, когда обвиняет «Науку и религию» и выступавших на ее страницах Г. Баканурского и автора этих строк в том, что они усматривают определенную связь между иудаизмом и сионизмом? Пространные обличения Гительмана, помещенные в издаваемом ЦРУ американском журнале «Проблемз оф комьюнизм» и сводящиеся прежде всего к тому, что в советских публикациях якобы отождествляются евреи, сионисты и иудаисты, подталкивают западного читателя к провокационному выводу: если сионизм (как и всякий буржуазный национализм) в СССР вне закона, то, стало быть, вне закона и иудаизм, и сами евреи.

Решительно отменяя такое отождествление как антинаучное и порочное, мы не можем, однако, не замечать того, что сионистские идеологи эксплуатируют в своих низменных целях не религию «вообще», а именно иудаизм, используя его догматы для обоснования своей политической доктрины³.

Далее лектор может перейти к краткому изложению нескольких заявлений как руководителей религиозных

организаций, действующих на территории нашей страны, так и посетивших ее зарубежных церковных деятелей, дающих объективную оценку истинного положения дел. Такие материалы (см. рекомендуемую литературу) убедительно обнажают беспредметность усилий непрошенных клерикальных ходатаев по делам верующих граждан СССР, для которых в антисоветских центрах припасены терновые венцы страстотерпцев.

Лекция выиграет, если ее дополнить фактами из жизни района или города, где она проводится. Адвентистов седьмого дня из села Колибаш Вулканештского района Молдавской ССР, например, не раз предупреждали: религиозные шествия по улицам населенных пунктов допускаются лишь с разрешения райисполкома. Они не пожелали внять этим предупреждениям. В конце концов местные власти вынуждены были принять меры: оштрафовали организаторов очередной незаконной процессии на пять(!) рублей каждого. Посчитав себя незаслуженно наказанными, эти лица обратились в народный суд.

Как он должен был бы отреагировать на иск, если бы у нас царил тот «террор», по поводу которого сокрушаются западные «радетели» свободы совести? («В СССР, — утверждает, например, ярый антисоветчик А. Трубников, — сам по себе факт принадлежности к духовной и христианской философии влечет за собой от 7 до 15 лет принудительных работ».) Но советский суд, приняв иск адвентистов и рассмотрев его в установленном порядке, ограничился тем, что отклонил его как необоснованный.

Разъяснив, что отношения между органами Советской власти на местах и религиозными объединениями складываются в целом вполне нормально, лектор, однако, не вправе отрицать наличие известных недоразумений: ведь конфликты возникают даже среди единомышленников, а потому нельзя считать их невозможными между людьми диаметрально противоположных мировоззрений. Не полностью еще устранены и случаи несоблюдения действующего законодательства о культурах отдельными должностными лицами. Но подобные явления встречаются все реже, причем виновные в дискриминации верующих, как об этом твердо заявил председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. А. Куроедов в книге «Религия и церковь в советском обществе» (М., 1984), безусловно, должны строго наказываться в соответствии со статьями Уголовного кодекса.

Но, как правило, нарушают законодательство о культурах именно религиозные экстремисты. Однако и по отношению к ним органы правосудия проявляют максимальную сдержанность, вмешиваясь только тогда, когда допущены опасные деяния, а ранее предпринятые местными властями попытки образумить нарушителей оказываются безуспешными.

Следует остановиться и на неблагоприятной деятельности тех религиозных экстремистов, которые снабжают зарубежные клерикальные центры подтасованной информацией о неких «затравленных» единоверцах. В частности, тут можно привести факты связи вожаков баптистов-«инициативников», а также небезызвестного «отца» Г. Якунина и некоторых других православных церковных и околоцерковных деятелей с этими подрывными центрами. Такую информацию можно почерпнуть из ряда работ советских авторов, прежде всего из названной книги В. А. Куроедова. В зависимости от условий региона, где читается лекция, уместно сказать в ней и об экстремистах католического, мусульманского или иного толка. Но во всех без исключения случаях можно без труда доказать, что по отношению к ним проявлялось предельно допустимое терпение.

В третьем разделе лекции надо разоблачить миф о мнимом «религиозном возрождении» в СССР, о котором сегодня так усердно вещают фальсификаторы-антисовет-

³ См. статью Г. Баканурского «Спекулируя на ветхозаветных догмах». «Наука и религия», 1983, № 8.

чики. Целесообразно сразу же разъяснить слушателям, что измышление это тесно связано с уже рассмотренной «концепцией» подавления верующих. По «логике» наших противников, мнимые попытки искоренить религию административными мерами привели лишь к усилению ее позиций, к «религиозному возрождению».

Тут клеветники противоречат сами себе. Ибо если исходить из того, будто церковь у нас задавлена и обречена на молчание, то как понимать победные реляции буржуазной пропаганды о «всегда переполненных храмах»? Выходит, лишен оснований либо один из двух ее мифов, либо оба вместе.

На чем же держится вымысел о «религиозном возрождении»? Практически ни на чем, если не считать страстного желания фальсификаторов советского образа жизни обнаружить то, чего в нем нет. Многолюдье в церквах? Ну что ж, иногда оно наблюдается, но отнюдь не повсеместно и лишь в дни важнейших религиозных праздников.

Что же еще? Увенчанные крестами кремлевские соборы, свидетельствующие-де о том, что «безбожный режим» вынужден считаться с захлестнувшей народные массы волной религиозного «ренессанса»? Или же забота об охране памятников старины, включая церковные? Для клерикальных «реставраторов святой Руси» все это — неоспоримые приметы «духовного возрождения». Для нас же — ленинский подход к культурному достоянию народов СССР, ибо «марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении... может быть признана развитием действительно пролетарской культуры»⁴.

С особым упорством выискивают наши идейные противники «доказательства» того же «ренессанса» в молодежной среде, что легко объяснимо: от того, какая идеология властвует сегодня над умами молодых, зависит завтрашний духовный климат советского общества.

Западногерманский журнал «Остойропа» («Восточная Европа») приходит к выводу, что если «старое поколение большевиков ненавидело православную церковь убежденно и фанатично», то среди немалой части нынешней молодежи наблюдается тяга к ней, идущая якобы рука об руку с «разочарованием в коммунистических идеалах». Развенчать эти измышления лектор может, обратившись к самим верующим, которые, если они есть в аудитории, несомненно подтвердят: в православных храмах (и не только в них) подавляющее большинство молящихся — люди пожилые. Изменение соотношения в пользу молодежи не наблюдается. К тому же посещение культовых помещений некоторыми юношами и девушками чаще всего объясняется не религиозными мотивами, а желанием взглянуть на уходящую в прошлое церковную «экзотику».

Особо нужно разъяснить, что к искренне верующему молодому человеку, если он не нарушает закон, атеисты не позволяют себе обратиться со словами осуждения: за это у нас никого не корят. Совсем другое дело, когда мы сталкиваемся с идеологической неразборчивостью и приспособленчеством. Именно такие неверующие, но поддающиеся давлению старших и соблюдающие по их указке религиозные обряды молодые люди снабжают «аргументами» зарубежных глашатаев религиозного «ренессанса» в значительно большей степени, чем подлинно верующие. Лектор должен показать вредные последствия такого поведения.

Нужно обратить внимание и на увлечение иных юношей и девушек религиозной атрибутикой. Надо полагать, что, например, консервативная французская «Орор» не смогла бы снабдить один из антисоветских пасквилей заглавием «Почему так много комсомольцев носят крестики?», если бы иные наши модницы не щеголяли этими украшениями.

Особо необходимо подчеркнуть, что миф о «религиоз-

ном возрождении» протаскивается вкупе с измышлениями еще об одном «ренессансе», будто бы переживаемом нашей страной, — возрождении националистических предразсудков.

В этом плане надо кратко остановиться на подготовке антисоветской эмиграции к празднованию 1000-летия «крещения Руси», якобы знаменующему возврат русского народа в лоно «своей» религии и обретение им «утраченной национальной самобытности», под которой «русская зарубежная церковь» подразумевает сплав «истинно православного духа» с великодержавным шовинизмом. Эти лжепатриоты и лжесвятоши изыскивают любые возможности, чтобы выставить напоказ якобы однозначно позитивную роль церкви в российской истории. В столь негодной затее православным антисоветчикам пытаются помочь другие христианские клерикалы. Воспользовавшись, например, тем, что в нашей стране широко отмечалось 600-летие Куликовской битвы, буржуазная пропаганда разных оттенков принялась муссировать тезис, будто бы именно божественное заступничество церкви предопределило победоносный исход этого сражения.

Тут уместно разъяснить слушателям, что советские ученые и публицисты далеки от нигилистической оценки роли церкви в судьбах нашей страны, но зачеркивают определенное влияние, оказанное ею на некоторые исторические события. Не отрицают они и известного вклада духовенства в распространение грамотности, становление летописания, развитие архитектуры, живописи и т. д. Вместе с тем, в полном соответствии с историческими фактами, исследователи-марксисты разъясняют, что церковь всегда была верной опорой феодализма, самодержавия, крепостничества, выступала гонительницей прогрессивной культуры, науки, просвещения, а травя и преследуя «иноверцев» и «инородцев», показала себя противницей согласия и взаимопонимания между народами. Уж не эти ли недоброй памяти традиции хотели бы сегодня воскресить закордонные ревнители «православно-го возрождения»?

Те же «ренессансные процессы», по оценке клерикальных наблюдателей, якобы достигли внушительного размаха и в регионах, где имеет определенное распространение мусульманство. Когда, например, швейцарский исламовед М. Буазар (и не он один!) определяет число мусульман в СССР в 50 миллионов, но причисляет к ним всех от мала до велика жителей тех республик, которые клерикалы именуют не иначе как «мусульманскими». При таком подходе даже коммунисты, комсомольцы, пропагандисты научного атеизма заносятся в реестр правоверных поклонников Аллаха.

Такие «светила» антисоветизма, как А. Беннигсен и Э. Каррер д'Анкокс, например, слагают хвалебные оды в честь связанных с исламом пережитков феодализма и норовят зачислить народы ряда наших республик в состав мифической «всемирной мусульманской нации». Не нужно обладать повышенной проницательностью, чтобы уразуметь: надуманный «ренессанс» ислама изобретен в столь же провокационных, сколь и бесперспективных целях насаждения националистического и конфессионального изоляционизма и нагнетания неприязни к русскому и другим «христианским» народам.

Впрочем, нечто подобное клерикальные идеологи измышляли и применительно к православию. Они утверждали, будто «соборность» (духовное единение) сплачивает воедино всех приверженцев этой конфессии — и граждан СССР, и антисоветчиков из «русской зарубежной церкви».

По тому же «принципу» западные идеологи иудаизма пускают в ход понятие «дом израилев» — клерикальный эквивалент мифической «мировой еврейской нации», при помощи которого граждане еврейской национальности «отсекаются» от советского народа и передаются в состав обитателей упомянутого дома.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 337.

Таков еще один аспект домысла о какой-то волне победно шествующего религиозного мироощущения, на гребне которой классовые враги, отравляя эфир, пытаются побудить народы СССР не только забиться в свой национально-религиозный закуток, но и проникнуться чувством фальшивой общности со злейшими силами мировой реакции, выступающими под прикрытием «единоверия».

Наряду с мифом о каком-то религиозном буме в нашей стране на Западе усиленно муссируется связанная с ним «концепция» о мнимом провале атеизма, научно-материалистического мировоззрения в целом. Коммунисты, мол, так и не смогли, несмотря на все усилия, добиться провозглашенной ими цели — разгромить церковь и уничтожить религию. Торжествуя заявил об этом, например, главный идеологический рупор католической церкви иезуитский журнал «Чивильта каттолика». Но, спрашивается, где и когда провозглашали марксисты-ленинцы такую несуразную цель?

Попыткам с негодными средствами «обосновать» торжество религии и банкротство атеизма лектор сможет противопоставить и общеизвестные цифры и факты. Уже во второй половине 30-х годов, по словам Ем. Ярославского, на селе свыше одной трети, а в городе не менее двух третей населения порвали с религией. К концу же 70-х годов, по данным социологических исследований, количество активно верующих не превышало 10 процентов взрослых граждан нашей страны⁵. Еще важнее качественные сдвиги: сегодня чаще всего встречается религиозность, представляющая собою формальную дань традиции, причем в большинстве случаев ее носители — люди пожилые.

И последний совет. Полезно, чтобы в лекции нашли отражение не только социально-корыстные установки, классовая ограниченность и недобросовестность зарубежных фальсификаторов положения религии и церкви в нашей стране, но и их некомпетентность, сплошь да рядом граничащая с малограмотностью⁶.

г. Кишинев

⁵ «Правда», 30 марта 1979 г.

⁶ См. статью М. Абрамова в сборнике «Аргументы». М., 1983.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

АРГУМЕНТЫ. Ежегодник. М., 1980, 1981, 1982, 1983.

Н. Аширов, Х. Исмаилов. КРИТИКА АНТИСОВЕТСКОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПОЛОЖЕНИЯ ИСЛАМА И МУСУЛЬМАН В СССР. М., 1982.

А. В. Белов, С. И. Павлов, А. Д. Шилкин. МИФ О «РЕЛИГИОЗНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ» В СССР. М., 1983.

А. Белов, А. Шилкин. ДИВЕРСИЯ БЕЗ ДИНАМИТА, 2-е изд. М., 1976.

Л. Н. Великович. РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ. М., 1981.

М. Гольденберг. КЛЕРИКАЛЬНЫЙ АНТИКОММУНИЗМ. Кишинев, 1979.

Н. С. Гордиенко. АТЕ-

ИЗМ И РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БОРЬБЕ ИДЕЙ. Л., 1982.

И. Я. Кантеров. КЛЕРИКАЛЬНЫЙ АНТИКОММУНИЗМ. М., 1979.

В. Куроедов. РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ. 2-е изд. М., 1984.

Э. Лисавцев. КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПОЛОЖЕНИЯ РЕЛИГИИ В СССР. 2-е изд. М., 1975.

М. П. Мчедлов. РЕЛИГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ. М., 1982.

РЕЛИГИЯ И БОРЬБА ИДЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. М., 1983.

С ЧУЖОГО ГОЛОСА. М., 1982.

Статьи по этой тематике в журнале «Наука и религия».

— Ради Аллаха, путник, что у вас творится здесь, в Бухаре?
— Базар, — кратко ответил Ходжа Насреддин.

Л. Соловьев.

Возмутитель спокойствия.

Базар на Востоке — явление особое, в этой оценке единодушны историки, литераторы, социологи. Обычай страны, царившие в ней порядки, ее благосостояние, национальный характер населения ее народа — все это как в зеркале отражалось на базарной площади. И сам базар во многом формировал представления людей о мире, влиял на их умонастроения. Базары Бухары, Исфахана, Самарканда, Бейрута, Стамбула, Герата, других крупных городов Востока были с древних времен своеобразными центрами мусульманского мира.

Это явление заслуживает нашего внимания, если мы исследуем пути формирования мировоззрения, закономерности, по которым складываются отношения между людьми и их отношение к окружающему — в плане историческом и в наши дни, — если мы изучаем обычай и нравы народов как отражение их миропонимания. Два очерка рассказывают о восточном базаре.

Востоковед Шариф Шукуров размышляет о том месте, какое занимал в жизни Востока базар с древних времен, о его характерных чертах, многие из которых не умирают... И коль скоро базар — отражение народного быта и духа, национальных особенностей, в нем всегда в первую очередь ярко видны всякие изменения, которые происходят в социальной, экономической и духовной жизни страны, народа — такова главная мысль очерка лауреата премии Ленинского комсомола публициста Игоря Ачильдиева. Его наблюдения важны и для тех, кто занимается воспитательной, идеологической работой: восточный базар в Бухаре, Самарканде, других городах Советского Востока — это и сегодня то место, где ежедневно собираются тысячи людей, идет обмен мнениями, и часы, проведенные здесь, не проходят для человека бесследно...

Базарная площадь Средневековья

Ослепительно яркие краски, веселая сутолока, разноязыкий гомон, бесконечные ряды, где торгуют, кажется, всем, что есть на свете, — таков был всегда базар на Востоке, но из множества исторических свидетельств о нем мы узнаем еще и о какой-то особенной неповторимой атмосфере рынков, о возникающем здесь своеобразном ощущении времени и пространства. В чем тут дело? Оказавшись на восточном рынке, человек сталкивался с целым миром вещей, слов и значений. Перед ним как бы расстилался цветастый ковер с изображением не только разных стран и народов, но и разных времен — здесь покупаются и продаются вещи новые и самые древние. Купив что-то; скажем, в Бухаре, человек мог мысленно очутиться и в Китае, и в Индии, и в Византии, и на Руси, и в далекой Эфиопии. Покупка расширяла кругозор, она уводила в далекие пространства и стародавние времена, связывала его с иными мирами и народами, многое она могла рассказать любопытному и вдумчивому покупателю. Но не только купленные вещи уносили человека в неведомые ему пространства и времена. В базарных чайных собирались странники, исходившие полмира. От них можно было услышать слова понятные и веселые. Но произносились также речи загадочные — когда на базарах появлялись дервиши, члены тайных религиозных братств, носители скрытого знания.

Не только вещи и слова привлекали на базар городской и сельский люд. Здесь происходили различные поединки, здесь мог появиться монарх или его первый vizирь, чтобы усевшись в центре рыночной площади, объявить высочайшую волю. Прямо на площади в торжественных случаях происходили богослужения, казни, карнавалы, ритуальные действия, вершился суд.

Особое положение базара в жизни Востока подтверждается и всей средневековой литературой — именно на базаре случаются самые интересные происшествия, начинаются интриги (вспомним библейскую, а потом уже

и кораническую историю Иосифа Прекрасного, которого продают на рынке; этот сюжет — один из самых популярных у средневековых писателей и поэтов). В таких историях базар служит как бы точкой отсчета последующих событий.

С чем же было связано особое положение базаров? Почему рыночная площадь обладала какой-то притягательной силой? Почему именно здесь начинались карнавалы, происходили казни, воздвигались в древности статуи языческих богов и храмы, почему с описания базара начинали свои повествования писатели и рассказчики? Конечно, прежде всего потому, что базар был скоплением множества людей и посему самым удобным местом для свершения важных дел. Но этого объяснения еще недостаточно. Чтобы понять роль рынка в жизни средневекового восточного города, надо знать, какое место занимал базар в миропредставлениях средневекового человека.

Во всех без исключения древних и средневековых городах Востока базар был средоточием их социальной, политической и культурной жизни. Он располагался на центральной городской площади рядом с дворцом правителя и главным культовым сооружением. Согласно традиционным представлениям, город был аналогом космоса, он олицетворял конструктивное, положительное начало, а то, что находилось за пределами городских стен, связано было с хаосом, с началом деструктивным и отрицательным. Жители окрестных сел во время нашествия неприятеля искали убежище в пределах городских стен и стен храмов, здесь был порядок, организованное пространство, противостоящее тому, откуда надвигался враг, который всегда был и остается символом хаоса и разрушения.

В соответствии с этими представлениями различные компоненты города наделялись особым смыслом — и городские ворота, и храмы, и дворцы правителей, и мемориальные сооружения, и, конечно, базары. Базарная площадь как бы символизировала центр мира, была его сакральной точкой. Знаменательно, что когда умирал правитель страны, распада-

лись и базары: по вековой традиции, торговля здесь не возобновлялась до тех пор, пока на престол не восходил новый монарх. Базар был понятием, вмещающим в себя нечто большее, чем просто место для торга. Вот что пишет в известной «Истории Бухары» Мухаммад Наршахи (899—959): «Там, где теперь находится мечеть Моха, была равнина на берегу реки, где было очень много деревьев, так что торговля происходила в их тени. Царь выходил на базар и садился на трон на том месте, где теперь находится мечеть Моха, чтобы поощрять людей к покупке идолов... Впоследствии на этом месте было капище огнепоклонников: в дни, назначенные для торга, люди собирались сюда, все входили в капище и поклонялись огню. Это капище существовало до водворения здесь ислама, когда мусульмане, усилившись, построили на этом месте свою мечеть, и теперь это одна из главных мечетей Бухары».

Что примечательного видим мы в этом отрывке? Трон царя устанавливался на рыночной площади, в ее пространство вписывался и зороастрийский храм огня, а потом и мусульманская мечеть. Рынок, таким образом, мог быть и местом проведения богослужений.

Традиция расположения храмов на территории рынков известна с очень далеких времен. Так, например, в античности рыночные площади считались священным местом, которое находилось под покровительством различных божеств. Зевс, Гермес, Афина имели у древних греков звание «рыночных». На рынках устанавливались их алтари. У древних хеттов существовал миф, согласно которому бог Луны падал на рыночную площадь. На Ближнем Востоке в древности была распространена храмовая торговля. Вспомним: «И вошел Иисус в храм божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей» (Евангелие от Матфея, гл. 21, ст. 12). Очевидно, что этот эпизод связан с древней традицией уничтожения рынков в критические для общества моменты; запрещение и разрушение торга в данном случае означало, что

рушились одни религиозно-этические устои и проводились другие.

Таким образом, очевидно, что рыночная площадь занимала очень важное место в древнем и средневековом обществе. Как уже говорилось, согласно средневековым представлениям, пространство базара олицетворяло для жителей города «центр мира», сакральную его точку с ее особыми функциями. Рождение и смерть, созидание и разрушение мира происходило в этой точке. Зная об этих представлениях, мы можем понять, почему в древних и средневековых городах на рыночных площадях устраивали и лобное место. Ведь смерть человека — событие кризисное не только для него, но и в жизни всего общества. Публичные казни демонстрировали отказ от одних ценностей (религиозных, политических, этических) и приобретение или восстановление других, часто прямо противоположных.

Итак, базар как центр мира вмещал в себя обширный комплекс противоположностей, которые отражали самые разные аспекты бытия — от космического до личного и бытового. Обратимся, например, к такому феномену, как базарный смех. Смех этот не был однозначным, часто за ним скрывался другой мир, отнюдь не смешной и забавный, каким он часто представлялся «базарными людьми». Юродивые* в русских городах и дервиши — в мусульманских были сходным явлением. Чаще и ярче всего они проявляли себя на рыночных площадях, когда за внешним шутством, чудным, а порою и просто оскорбительным для окружающих поведением скрывались мысли мудрые и глубокие. Юродивые и дервиши своим смехом, потешными рассказами, странной повадкой придавали рынкам особую карнавальную атмосферу, таившую в себе мир иных, серьезных чувств, от наплыва которых шатался и трон монарха на площади, дрожали и стены храмов.

На любом восточном рынке было множество хитрецов, насмешников, острословов. Сама карнавальная атмосфера рынков способствовала хитрым проделкам и уловкам. Эта характерная черта базарной площади нашла отражение в средневековой литературе. В арабской и иранской литературе есть несколько героев-плутов, которые действуют на рынках. И когда они появляются в романе — жди какой-либо смешной хитрости, необычного поворота дел, поскольку все происходит на рынке — месте, где обязательно должно случиться что-то неожиданное, авантюрное, чу-

Первая миниатюра рассказывает о посещении базара известным персонажем иранской средневековой литературы шейхом Сан'аном. Его фигуру легко выделить среди других благодаря расширенному в средневековой живописи приему увеличения размера основного действующего лица. Кроме того, мы видим здесь на переднем плане две фигуры, обращенные к шейху: мальчик указывает на шейха; всадник в красном облачении почтительно склонился перед ним. Мясник и пекарь заняты своим делом.

десное, само рыночное пространство диктует правила поведения в нем. А образ базара был частью мифологической, религиозной, социальной, литературной мысли. Купленная на базаре вещь для покупателя превращалась в реальную частичку мира, символизировала его качества, связывала его с ним.

Представления о базаре как о центре мира, своеобразной точке отсчета событий и явлений было свойственно и изобразительному искусству. Любая средневековая рукопись начинается с фронтисписа — чаще всего тронного изображения монарха либо изображений каких-либо святых или пророков. Фронтиспис не связан с последующим

* Подробнее см. об этом в статье А. Болова «Христа ради юродивые». «Наука и религия», 1984, № 6.

текстом, он как бы открывает рукопись, освящает ее, дает право на дальнейшее литературное и живописное повествование. А вот иранская рукопись XIII века «Варка и Гульшах» поэта Айюки не имеет привычного фронтисписа, открывает ее миниатюра с изображением базара: заключенные в ниши три сцены из жизни рынка. Они не связаны с текстом поэмы. Относительно функционального назначения и содержания этой миниатюры высказывались разные предположения. Думаем, что смысл ее станет ясен, если вспомнить все то, что говорилось о месте базара в средневековых миропредставлениях. Изображение базара на месте фронтиспи-

● *Миниатюры из рукописи Навои «Лисан ат-Тайр» (XVI в.). Париж, Национальная библиотека.*

На второй миниатюре весьма выразительна старуха, обращающаяся с просьбой к продавцу платяев. Здесь хорошо видна система жестов, характерная для средневековой миниатюры: обратите внимание на торг покупателя с гончаром, на покупку граната для мальчика.

са рукописи придает ей необходимую завершенность, оно заменило изображение монарха или святого, но выполняет те же функции — освящает повествование, литературное и изобразительное. Для средневекового читателя это был знак, говорящий, что книга рождена, она состоялась и имеет право на свою жизнь, вовлекает читателя в духовные сферы.

Но нельзя думать, что рынок может быть уподоблен застывшему знаку. Он в буквальном смысле подобен живому организму, это не просто пространство, исполненное значения. Он функционирует, живет, движется в городском пространстве. Двигается в буквальном, не метафорическом смысле. На мусульманском Востоке дворец правителя уподобляется легким городском тела, мечеть — его сердцу, а рынок сравнивается с органами питания. И это не случайно. Обычно рынок в традиционных городах длинной, извилистой линией связан с городскими воротами. В восточных городах, как, например, в Исфахане, городскую площадь и городские ворота связывает длинная череда более мелких базаров, которые включают в себя мечети, караван-сарай, бани, мелкие лавки, маленькие улочки и переулочки. А заканчивается это движение у городских ворот, под которыми или вблизи которых располагаются торговцы. И каждый входящий в город тут же оказывается на базаре, окунается тем самым в своеобразную рыночную атмосферу...

Мы рассмотрели только несколько примеров из жизни средневекового восточного базара, чтобы показать, что в те времена он был не равен самому себе, имел не только экономическое и бытовое содержание, как это может показаться на первый взгляд. Некоторые эпизоды из жизни базара покажутся странными или смешными, если их оторвать от представлений средневекового человека. Веками вырабатывался не похожий ни на какой другой «язык» рынка, и знание этого «языка» позволит увидеть за обычными событиями иные, более значимые и весомые, в них отразилась духовная жизнь людей того времени.

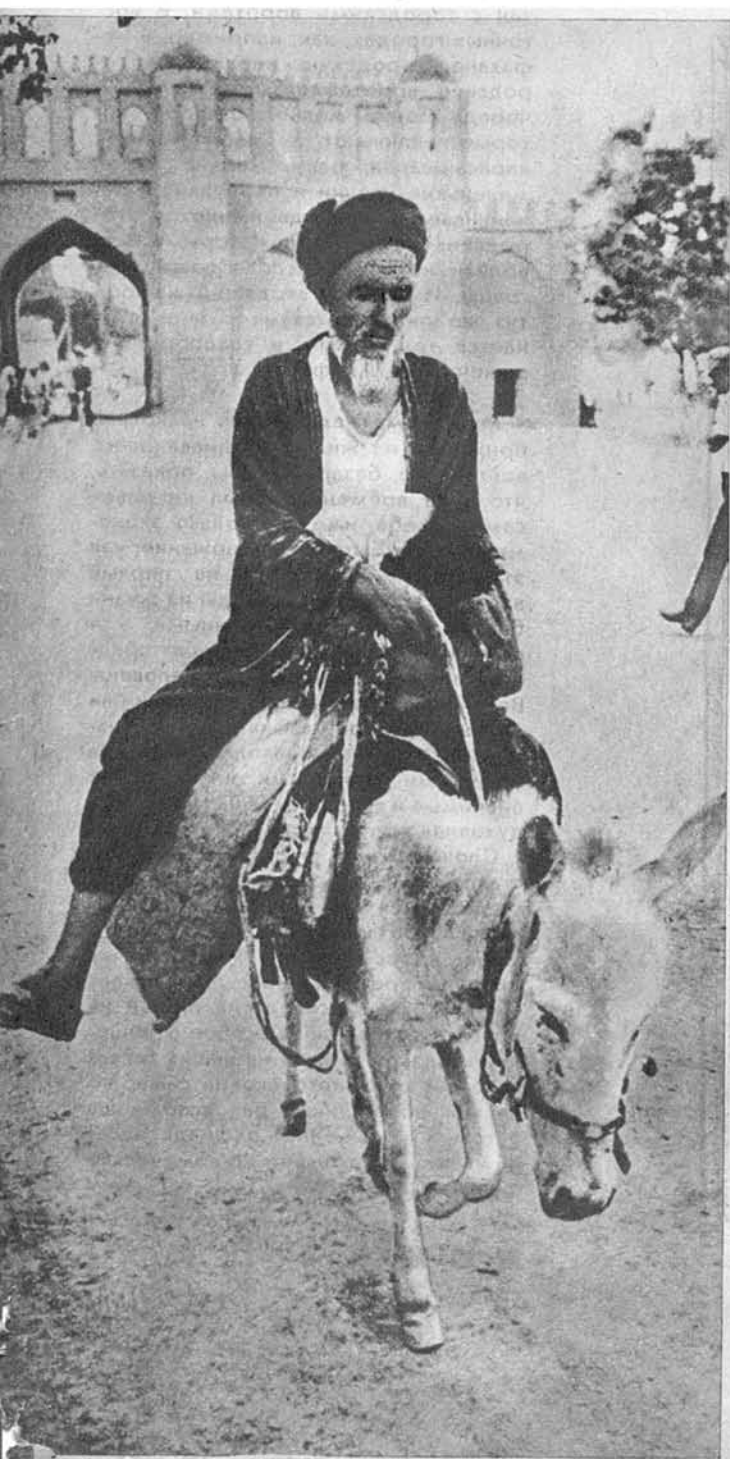
Сложившиеся в древности представления о рынке с трудом угадываются в современных городских базарах. Они уже не центр мира, но все же какая-то частичка древних представлений продолжает в них жить, в психологии людей на Востоке сохранилось особое отношение к базару. И хотя на наших глазах исчезает его многовековой символический образ, иной раз вспомнишь о том, что рыночная площадь несет и иные, не только экономические функции...

● Часть Ашхабадского базара несколько десятилетий назад.

● На базар, как Ходжа Насреддин.

Сегодня путешествие на Восток и по Востоку стало не слишком обременительным. Современный сервис настолько видоизменил дорогу в эти края, что у пассажира сверхмощного авиалайнера, совершающего рейс, скажем, по маршруту Москва — Ташкент, возникает предчувствие: ничего подлинно восточного, ничего экзотического он не увидит. Кажет-

Ходжаевский базар или в Самарканде на Сиабский и вы увидите подлинный, живой Восток, хотя древность, экзотика здесь тоже потеснились, дав место и новому, современному.

Вам откроется удивительная картина, и вы поймете, что означает выражение: жизнь бьет ключом. Тысячи людей торгуют, покупают, едят, гоняют чай, знакомятся,

Игорь АЧИЛЬДИЕВ

ся, и правда так: новые районы городов, заводы и фабрики, колхозные поля с тракторами и комбайнами, гигантские оросительные каналы потеснили прежний уклад восточной жизни. Возникли иные условия, иной быт — современный, мало чем отличающийся от быта украинца или белоруса. А мечети на площади Регистан в Самарканде, знаменитый минарет Калян в Бухаре, которыми вам предлагают полюбоваться во время стандартных, накатанных экскурсий, создают у туриста впечатление о Средней Азии как о некой экзотической реликвии, которой еще можно восхищаться, но принимать ее за действующую жизненную реальию по меньшей мере наивно.

Не спешите, однако, с выводами.

Зайдите в той же Бухаре на

спорят, ссорятся, мирятся, смеются, плачут и даже танцуют. Вас взоружит яркость красок, вы почувствуете особый, полнокровный ритм происходящего. У ворот базара вы обязательно увидите серенького ишака, совсем такого, на каком ездил Ходжа Насреддин, — и тогда вы постараетесь скрыться от бдительного ока туристского гида и затеряться где-нибудь в длиннющем зеленом, дынном или другом ряду, благо рядов этих бесконечное множество. Вы верно почувствовали — именно базар — вечно юная, неумиряющая частичка древнего Востока.

На восточном базаре никогда, ни в какие времена не спешили ни покупать, ни продавать. Здесь долго рассматривают товар, торгуются до хрипоты, бьют по рукам, от-

бивая ладони, хватают уходящего покупателя за полу халата, а бывает, что, забыв о том, зачем они на базаре, покупатель и продавец вдруг заведут длинную беседу. Так однажды случилось со мной на Каракульском районном рынке, когда я подошел к продавцу чищенных грецких орехов. Не ответив на мой вопрос, почем килограмм, он внимательно посмотрел на меня, вытер чистым платком руки, разложил орехи на блюде, попросил угощаться и сам стал расспрашивать, откуда я приехал, какая у меня семья. Потом рассказал мне о своих детях, их у него оказалось десять, и старший уже работает, а младший еще не ходит в школу, о хозяйстве. Я узнал, что орехи, которые он продает, растут на раскидистом дереве вблизи оврага, где журчит арык. Он с гордостью сообщил, что

именно под этим орехом на его участке собираются старики всей махаллы, пьют чай, решают мирские дела. Рассказал и об этих делах. Внимательно слушал, что я ему скажу. Мы проговорили час. И я понял, что он не забыл, зачем он на базаре. Собственно, для него вот такой разговор о жизни важнее торговли орехами.

На восточном базаре люди проводят дни — приходят с рассветом, как только забьют барабаны и заиграют свою музыку зурначи (именно так начинается каждый день базара), и уходят, когда солнце скроется за горизонт. И конечно, не только торговля — содержание базарного дня. Здесь общаются тысячи людей. Веками базар был центром жизни восточного города, это не могло не сказаться на психологии и сегодняшних его жителей, хотя

их жизнь теперь совсем иная. А все равно от базара ждут важных событий, новостей, опровержений или подтверждений...

Здесь, словно в гигантском котле, варятся, сплавляются, формируются мысли и представления, отсюда начинается тот еще мало изученный во всех его чертах феномен, который называется общественным мнением. Базарные слухи и базарная этика; специфический базарный смех, в котором непостижимым образом соединены юмор и печаль, гротеск и трагедия; базарная толкучка, когда под палящим солнцем топчется на «пяточке» толпа народа, в любую минуту готовая вспыхнуть, заравнившись друг от друга единым чувством...

Разумеется, основная информация сегодня черпается из газет, телевидения,

● *Когда продавец пьет чай, лучше не спрашивать, сколько стоит его товар.*

других каналов, по которым люди получают социальные импульсы от общества. Однако все эти сведения и призывы надо усвоить, оценить, примерить к себе и другим. На базаре чутко слушают, что говорит сосед, о чем размышляет вслух собеседник, легко, вступают в чужой разговор, передают услышанное другим. Так сведения, мнения, слухи разносятся по махаллям, доходят до каждого...

Так что же такое восточный базар в его современном облике, можно ли по нему в какой-то степени судить об укладе жизни народа, его миропонимании, его представлениях?

Раньше, во времена, как здесь говорят о них, «до без эмира», главный базар Бухары, где ездил на своем ишаке еще Ходжа Насреддин, размещался перед воротами крепости Арк, на площади Регистан. Высооченные стены крепости встроены в склоны холма, на котором громоздятся крепость и бывший эмирский дворец. Стены не вертикальны, а наклонены к центру, и это создает впечатление величественности и неприступности крепости. Возвышаясь над базаром, она напоминала подданным эмира об их ничтожности, о бессилии перед лицом могучего владыки. Здесь же, на Регистане, творились суд и расправа, эмирские визири объявляли указы правителя, палачи били плетью провинившихся.

После революции Регистан стал одной из обычных площадей города, в эмирском дворце разместились музей, а базар откочевал чуть выше. Долгое время он шумел вдоль всей узкой улочки Коммунаров, подбираясь к медресе Мир-Араб и минарету Калаян. Но все теснее становилось рынку в центре Бухары. И вот несколько лет назад главный базар города решили переселить, тем более, что бухарцы ждали гостей со всех концов света на тысячелетний юбилей Абу Али Ибн Сины, своего великого земляка. Выбрали для базара пустырь за мечетью Аюб-хана. И начался хошар — народная стройка, общее дело, жизненно необходимое городу. Восемь месяцев никто в Бухаре не знал покоя: все организации и предприятия посылали на хошар рабочих и автомашины, каждая махалла создала свою бригаду во главе с аскакалами. Руководители области и республики регулярно интересовались, как дела с базаром — шутка ли, на его реконструкцию выделено около трех миллионов!

И вот я брожу по новому базару Бухары. Его назвали Ходжаевским — по имени известного советского партийного и государственного де-

ятеля Файзуллы Ходжаева. Представьте огромную площадь, обнесенную, словно сплошными стенами, десятками магазинов. С одной ее стороны чуть не на километр яркой полосой протянулась стоянка автомобилей, с другой — пыльная зелень парка. Наверное, она шумит на ветру, но гул базара ее заглушает.

Крыши павильонов защищают людей от палящего солнца, временные прилавки тоже под тентами.

Чем же торгуют на главном базаре Бухары?

О, тут ответить нелегко — одно перечисление заняло бы всю страницу журнала. И взор человека не может вместить всего, что люди сделали своими руками, выростили и вынесли на суд людей, на базар. Взгляд мой охватывает лишь малую часть: зелень и мясо, рис и пряности, кислый творог чакка и сладкий мед на рачочках, теплые лепешки с наколотыми дырочками и без них, присыпанные тмином или другими вкусными специями и не присыпанные. За рядом веников, который тянется метров на двести, следует ряд, где торгуют кетменями, он простирается метров на сто. А далее, далее — разноцветные восточные сладости, молоко и сметана, медицинские пивавки и аква-риумные рыбки, халаты и тубетейки, петухи и куры, яркие куски шелка, обувь, где, пожалуй, первое место занимают резиновые ичиги — высокие остроносые калоши, а там уже блещат искусно сделанные народными мастерами ювелирные украшения, развеваются пестрые платки, ленты... Толпа густо обтекает прилавки: примеряется обувь, натягиваются халаты... Раздвигаются от покупок сумки, тощат кошелек.

За торговыми рядами у мазара Чашма-Аюб на высокие мачтах-распорках натянуты стальные канаты, на них танцуют и кувяркаются канатоходцы с шестом и без шеста, с завязанными глазами, в стеганых клоунских шароварах. Внизу бьет бубен, грохочет барабан, поет зурна и хрипит сопелка. В зрительях нет недостатка, огромная толпа глазует, ахает, сочувствует, пританцовывает.

Шумит, клокочет, живет своей удивительной жизнью огромный базар в Бухаре. Поражает его размах. Каждый ряд торговцев составляет улицу, конца которой не видно. Я насчитал более ста продавцов лепешек. Торговцы живностью и гуштом

(мясом) занимают угол, приближающийся по площади к крытому стадиону большого города. Все здесь напрягается на раблезинские сравнения и метафоры. Ходжаевский базар приносит Бухаре доход в 168 тысяч рублей. А ведь это не самый крупный базар в Узбекистане; Сиабский в Самарканде в три раза больше, его доход свыше полумиллиона рублей в год.

Такая масштабность должна, очевидно, как-то соотноситься с покупательским спросом. И действительно, я наблюдал, как с базара уходили, а чаще уезжали на ишаке или автомашине, увозя с собой мешки купленного товара. Покупки здесь если не оптовые, то, во всяком случае, крупные. Куда так много одному покупателю, недоумевал я, ведь не каждый день в узбекской семье свадьба или гости?

На Алатском базаре я познакомился с разговорчивым человеком, который бодро переходил от одного продавца к другому, интересовался ценами, обменивался приветствиями, новостями, но ничего не покупал. Как я уже говорил, покупки — не всегда цель человека, пришедшего на восточный базар. Так и тут. Турдыкул Рахматов заведует торговым отделом Алатского райпо, на базар он приходит ежедневно — по долгу службы обязан знать торговую ситуацию на рынке: какой идет товар, какие складываются цены. Родом Турдыкул из соседнего кишлака Сала-Караул, там живет и сейчас.

— Помню, в детстве приходил на базар пешком, — рассказывал он, — подростком ездил на велосипеде. Потом купил мотоцикл, а теперь езжу сюда на «Жигулях». А базар с тех пор вырос в несколько раз. Вы удивляетесь, что закупки на базаре больше? Так ведь семьи какие!.. У нас с женой восемь детей — четыре мальчика, четыре девочки. Это, по нашим меркам, еще немного. У младшего брата с женой шестеро детей. Живем мы с ним и мамой на одном подворье, вот и считайте, сколько надо редиски на завтрак четырнадцати ребятишкам? А сколько муки на лепешки, риса на плов? Сколько платьев и ткани? Сколько ботиночек, сандаличек, калошиков? Хорошо еще, что зелень сами выращиваем и своих овец держим.

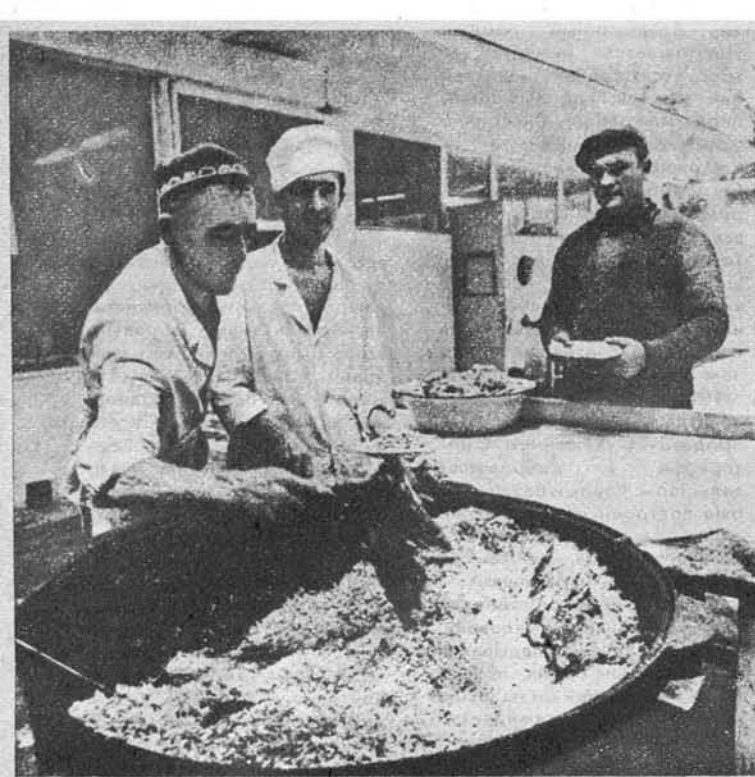
Да, крупные покупки зелени, мяса, риса, муки, овощей на рынке обычны для узбекской семьи.

Старый восточный базар имел свою четкую социальную структуру. Леонид Соловьев, знаток и тонкий бытописатель Востока, позволивший читателям словно бы воочию увидеть базар времен Ходжи Насреддина (точное время жизни этого героя неизвестно, но для нашего рассказа это и неважно, Л. Соловьев описывает базар старого Востока, который сохранял свои черты со средневековья вплоть до первых десятилетий нашего века), очень точно раскрыл социальную структуру базара и классовую его суть. Откройте страницы его повестей «Возмутитель спокойствия» и «Очарованный принц», где даны картины бухарского и кокандского базаров, и вы сразу это увидите.

Не приводя длинных цитат из Соловьева, отметим главное: сегодня на среднеазиатском базаре в помине нет множества явлений, которые отражали строй старого общества, действовавшие в нем порядки, миропонимание и мироощущение людей, проводивших здесь свои дни. Сравнивая две структуры — старую и нынешнюю, мы тотчас обнаружим, какие крупные социальные сдвиги произошли в обществе.

На сегодняшнем среднеазиатском базаре нет купцов, торгующих чужим товаром, который они за бесценок купили у дехкан или мастеровых. Нет перекупщиков, дерущих с покупателей три шкуры. Сгинули в небытие менялы, с огромной для себя выгодой обменивавшие деньги разных стран на те, что имеют хождение на базаре. Исчезли бродячие дервиши, которые неделями толклись на базарной площади, собирая подаяние за свою великую святость и вещая народу божественные тайны. Нет нищих, а без них невозможно представить старый восточный базар. Странно было бы увидеть сегодня здесь и гадальщиков с гадальными бобами, «чернышми» книгами, картами, «священными» черепами и другой оккультной атрибутикой. Не слышно больше над базарной толпой

криков муэдзина, напоминающего правоверным, что молитва — лучше торговли и всех других дел, призывающего пожертвовать несколько таньга в пользу мечети. Впрочем, вблизи бухарского и самаркандского базаров и сегодня есть мечети, и каждый мусульманин может совершить свою молитву, но я что-то не заметил, чтобы на время намаза затихала на базаре жизнь, прерывалась торговля.

Канули в прошлое эмирские стражники, выколачивавшие из базарного люда всевозможные поборы. А ведь был еще и невольничий рынок, занимавший площадь не меньше скотного, там можно было купить и продать раба, женщину.

Нет нынче седельного, сапожного, красильного, гончарного, шелкового рядов и шерстобитного двора — эти функции ремесленников приняла на себя государственная промышленность, располагающая мощными заводами и фабриками, и сфера обслуживания с ее мастерскими и ателье.

На Ургутском базаре я насчитал 12 кузниц комбината бытового обслуживания — в каждой свой небольшой горн и наковаленка, в каждой сидят два-три мастера, которые на ваших глазах откуют из железа кетмень, наточат его как следует, из куска напильника выточат нож. Перед кузницами разложен товар — изделия мастеров.

Социальная структура восточного базара сегодня

● *Плов для тех, кто сегодня придет на базар.*

соответствует потребностям общества, которое он обслуживает. Если в далекие времена — «до без эмира» — базар был местом, где народ эксплуатировали, обманыва-

● *Купите лепешку! Но как выбрать, какую?*

ли, где торговали невольниками, где менялы, купцы и перекупщики грабили дехкан и мастеровых, где служители культа вынимали из народного кармана остатки скудных средств, то функция современного узбекского базара принципиально иная. Он помогает выполнять Продовольственную программу, привлекая излишки сельскохозяйственных продуктов, получаемых колхозниками в качестве заработка в колхозе или со своего усадебного участка. Те люди, которые покупают, и те, которые продают, — это трудовой народ. Здесь нет общественных захребетников, нет и эксплуатации бедняков богатыми. И деньги, вырученные от продажи продовольственных излишков, тут же расходуются на покупку одежды, тканей, обуви в кооперативных или государственных магазинах или сберегаются для будущих покупок.

Иные времена, иной базар!

Вот эти грани базарной жизни, отражающие его новую структуру, оказывают существенное влияние на формирование мировоззрения современных жителей Средней Азии. Механизм действия базара настолько же массов, насколько и влиятелен, нельзя не считать с силой этого социального явления, проникающего в повседневную толщу народной жизни, во многом подчиняющего себе процесс формирования духовного облика трудового человека.

На Востоке всегда существовал культ еды. Многие культы исчезли бесследно, а этот жив и сегодня, поэтому в одном из затененных углов всякого восточного базара вы найдете многочисленные шашлычные, самсышные, где готовят на ваших глазах, чайханы и ошхоны — столовые. Чуть пробежит ветерок, поплывет такой вкусный аромат, таким славным дымком потянет от горячих углей в жаровне, на которые капает винный уксус с шашлычного мяса, что ноги сами несут тебя в этот угол базара.

Из огромного черного казана, вмурованного в уличную печь, вам наполнят с верхом миску пловом, добавят кусок мяса, венчающего гору риса, посыпят луком, облитым уксусом, подкинут разной травки — ешь досыта, дорогой гость! Если хочешь — бери шашлык, выбери на свой вкус — на ребрышке, рубленый мелко или крупными сочащимися кусками. Бери лапшу, бери десяток сочных пирожков — самсы, все благоухает так притягательно, что невольно

покоряешься прославленному культу еды, точнее — еды восточной.

Огромная, словно блюдо, теплая хлебная лепешка — кажется, будто ее сию минуту вынули из раскаленного тандыра. А на блюде зелень — тут тебе и чеснок, и лук, и помидоры, и огурцы, и кинза, и петрушка, и редиска.

Восточный базар без плова и шашлыка? — такого и не бывает. Вокруг предприятий общепита на базаре все время стоит разноголосый говор. На базаре едят все те тысячи людей, которые сюда приходят за день. Едят плотно, вкусно, словно совершая любимую работу и гордясь своим искусством есть.

Базар пережил много перемен, но еда по-прежнему составляет его главную часть. На Востоке уже с утра ведут разговоры об обеде, а к обеду прикидывают, что готовить на ужин.

Кто же и как кормит десятки тысяч людей на базаре?

Здесь мы подходим еще к одному важному изменению в структуре современного базара: исчезли частные чайханчики и владельцы ошхон.

...Истам Таирович Толибов, человек невысокого роста, седоватый и очень подвижный, редко появляется на рынке. Он возглавляет Самаркандское хозрасчетное объединение «Оби рахмат», располагающее десятью ресторанами, двумя столовыми, четырьмя специализированными предприятиями, выпускающими блюда национальной кухни, четырьмя барами, двумя магазинами «Кулинария». В предприятиях общественного питания, принадлежащих «Оби рахмат», одновременно за стол могут сесть 1700 человек. Да, Толибов не называет чайханчиком! Но как удивительно тонко он чувствует потребности самаркандца, как точно знает, сколько и чего готовить. Товарооборот объединения доходит до шести миллионов рублей в год — вот как кормят ныне самаркандца, ежедневно приходящего на базар.

Толибов знает, что сегодня мало просто накормить человека — люди хотят видеть вокруг себя красивую обстановку, удобную и изящную мебель, они хотят, чтобы их радушно и быстро обслужили. И рестораны «Оби рахмат» отделаны в национальном стиле, их здания вписаны в холмы и низинки, стыкуются с купами тенистых деревьев или журчащим арыком: Толибов строил рестораны, сове-

туясь с опытными художниками-дизайнерами.

Забота о человеке, пришедшем поесть в столовую или ресторан, выпить пиалу чая в чайхану, — это тоже черта современного восточного базара. Вместо пузатых чайханчиков, позволявших азартные игры, во время которых дехкане порой лишались не только своих жалких грошей, но и сапог, вместо владельцев ошхон, сдиравших с бедного люда за все, даже за аромат шашлыка, появились такие организаторы общественного питания, как Толибов.

Какие еще новшества увидим на восточном базаре?

На Сиабском базаре в Самарканде вы, конечно, обратите внимание на капитана милиции, который неторопливо ходит вдоль рядов, зорко присматриваясь ко всему, что происходит вокруг. У него цепкий взгляд, уверенная походка. Уткир Пардаев — участковый инспектор районного отделения милиции. Его служебная репутация отличная. Он учится на юридическом факультете университета.

Под руководством Пардаева на базаре работает отряд дружинников. Они охраняют интересы тех, кто продает на рынке сделанное, выращенное своими руками. Чтобы спекулянтов не перекупали у колхозников товар, чтобы дети не торговали, чтобы не было на рынке краж, пролаж и других нарушений. Над Сиабским колхозным рынком — так он называется официально — шефствуют семь промышленных предприятий города, они и присылают сюда, к капитану Пардаеву, своих дружинников.

Есть и еще одна деталь базарного быта, вовсе неведомая прежде Востоку. На каждом рынке, даже на самом небольшом, районного масштаба, теперь есть особая служба — санитарная инспекция, которая контролирует качество продуктов. Лаборант мясомолочной и пищевой контрольной станции при Сиабском колхозном рынке Халима Искандерова работает здесь уже 13 лет. По специальности она — ветеринарный врач. Ее дело — проверка мяса, молочных продуктов — чтобы не оказались они причиной тяжелых болезней. На станции определяют и жирность молока, свои требования здесь к рису, картофелю, бахчевым. Все, что привозит на рынок колхозник, проходит контроль на этой станции. Чуть что не так — составляют акт, вызывают представителя влас-

ти, бракованный продукт уничтожается. Бывает, что требуется перепахать домашний участок, где выращены плоды или овощи, или срочно забить большой скот.

Можно ли представить себе подобную службу на старом базаре? Там продавалось все, что привез торговец. Товар продан, а что дальше — никого не касается: умер человек или заболел — нищи продавец в пустыне! Да и продавец, считалось, ни при чем — все во власти Аллаха!

Нынешний базар иначе относится к покупателю, и к продавцу. С уважением. С интересом и доброжелательством. Старый базар весь был построен на обмане, на силе богатого, но неправого, на власти купца или менялы над простым тружеником — и эти отношения определяли мировоззрение человека, под их влиянием складывался его духовный облик, покорность, приниженность были характерными чертами жителя Востока. Новые отношения теперь на базаре. Современный бухарец или самаркандец даже и не задумывается над тем, кто же о нем заботится, он воспринимает эту черту своей жизни как нечто само собой разумеющееся: на базаре порядок, здесь следят за качеством продуктов, за тем, чтобы не обманули простого и доверчивого человека, который трудится и не знает базарных хитростей. Его интересы защищает сегодня сама народная власть.

Когда ребенок растет, родители каждый год отмечают карандашом на дверной притолоке, на сколько сантиметров он стал выше. Восточный базар далеко не подрос, но он продолжает стремительно расти и заметно обгоняет возможности строителей.

— Да, в конце 70-х — начале 80-х годов мы создали в Бухаре новый базар, — подтверждают исполняющий обязанности директора Ходжаевского рынка Мирзо Рузиевич Ачилов и начальник отдела рынков управления

торговли Бухарского облисполкома Салим Каримович Шарипов. — Но прошло несколько лет, и мы видим, что этого мало, до обидного мало! Нужна еще одна гостиница, нужно расширять холодильники, возводить новые павильоны...

— На Сиабском базаре вы встретите людей из всех республик Средней Азии, из каждой области Узбекистана, — рассказывает директор этого рынка Эркин Мухиддинович Файзуллаев. — Места мало — вот беда! Холодильник в караван-сараяе всего лишь на 20 тонн. А ведь в сезон за день на базар завозится 40, а то и больше автомашин с дынями и арбузами — где торговать, как разместить продавцов и товар? Сейчас у нас площадь пять гектаров, а будет десятка! Перенесем завод «Хлопкомаш» в другой район города, подготовим территорию в центре Самарканды, возведем новые павильоны... Один бахчевой ряд будет на триста торговых мест! И тогда свободно разместятся на прилавках белый изюм из Ургута, рис из Хорезма, бахчевые из Джезказгана и Чарджоу, гранаты из Кашкадарьи, морковь из Таджикистана, все разместится! Реконструкция обойдется в 15 миллионов рублей. Но город готов пойти на эти затраты, ведь наш базар — не только туристская реликвия, это...

И Файзуллаев широко развел руками, желая показать, что базар — сама жизнь!

Я привел эти короткие рассказы, чтобы подчеркнуть: восточный базар как социальный институт и звено хозяйственного механизма советских республик Средней Азии вовсе не старится и не умирает. Он юн и молод, растет, набирает силу, выполняет важнейшие функции в укладе их жизни. И при этом развивается как социальное явление, крепче связывает свою судьбу с актуальными задачами нашего общества.

Уверен, пройдет полтора десятка лет, отделяющих нас от XXI века, и очередной приезжий, с изумлением остановившись перед воротами Ходжаевского или Сиабского базара, спросит у человека, ведущего в поводу сервьерского ишака:

— Ради Аллаха, путник, что у вас творится здесь, на площади?

— Базар! — кратко ответит бессмертный Ходжа Насреддин.

ДЕЛО

игуменья Митрофания

6

В эпопее расоносной мошенницы — три главы, три сюжета, главными персонажами которых, помимо купчихи Мединцевой, выступают еще купец Лебедев и фабрикант Солодовников. Формула присвоения денег была, в сущности, одинакова: проведать о бедах, страхах, тайных страхах и страстишках и, пообещав из беды выручить, страхи отвести, страсти и страстишки удовлетворить, — вымогать, вымогать, вымогать. Иными словами, нащупывать психологические рычаги и давить на них, выжимая деньги.

С московским купцом Дмитрием Николаевичем Лебедевым все было просто: этот Кит Китыч возмечтал получить «Анну на шею». Митрофания пообещала ему выхлопотать «наверху» орден, и Лебедев поверил ей. Да и как не поверить особе, с которой он имел честь познакомиться в одном из великокняжеских дворцов? Не надеясь на особую щедрость купчины, игуменья подделала и его векселя.

Ордена святой Анны Лебедев не получил, но и рисковал-то не очень сильно. Что значат «какие-то» 22 тысячи рублей (столько пыталась вытянуть у него Митрофания) по сравнению с полутора миллионами, которые матушка намеревалась отхватить из капиталов престарелого мануфактур-советника Михаила Герасимовича Солодовникова?..

Психологическим рычагом в этой операции стало его глубокое несчастье. В юные годы Солодовников попал в сети изуверской (и в дореволюционные времена достаточно распространенной) секты скопцов, или «белых голубей», как они сами себя называли, и был изуродован там «ради безгреховной жизни и спасения души». Нетрудно представить себе чувства таких людей, стремившихся во что бы то ни стало скрыть от мира свое несчастье и всеми правдами и неправдами уклониться от строжайшего предписания властей зарегистрироваться приверженцем «скопческой ереси». В противном случае им

грозило судебное разбирательство, ибо сокрытие оскпления власти истолковывали как закоренелую приверженность к секте с намерением распространять скопчество.

Но, как известно, нет ничего тайного, что не стало бы явным; оскпление — в былые времена — богатейшего московского фабриканта перестало быть секретом. До поры до времени мануфактур-советник ограждал себя от «преследования по закону» крупными взятками и щедрой благотворительностью. Но в конце 60-х годов над ним нависла угроза ареста, суда и тюрьмы. Солодовников бросился к Митрофании. Он обещал ей пожертвовать сотни тысяч на ее общины и слезно умолял довести об этом до сведения «ее императорского величества». В Петербург, где в те дни пребывала игуменья, срочно выехал уполномоченный Солодовникова — его верный приказчик Простяков с 75 тысячами рублей. За ними вскоре последовали еще 100 тысяч, а затем еще 150.

Все обещания игуменья оказались блефом. Солодовников был арестован и посажен в Пречистенский полицейский дом, где и скончался десять месяцев спустя, почти сразу после вынесения приговора по его делу — ссылка на поселение в Сибирь.

Трагедия старого человека, по всей видимости, ничуть не огорчила матушку-игуменью. Еще до его ареста она стала писать от его имени векселя, используя чистые бланки, которые привозил благоговейно почитавший ее и беспредельно доверявший ей старик. После его смерти эта деятельность развернулась с особым размахом: опротестовывать подложные обязательства уже было некому. К материалам следствия было приложено 62 поддельных векселя на сумму, далеко превышающую все состояние Солодовникова. Да, Прасковья Розен была натурой увлекающейся!..

7

Впервые Митрофания пришлось сесть под арест еще в Петербурге, в апреле 1873 года. Анатолий Федорович Кони, прокурор Петербургской судебной палаты, отнесся к пожилой и болезнен-

ной женщине — насколько это было возможно в его положении — снисходительно, но арест, для начала домашний, в одной из столичных гостиниц, был необходим для проведения расследования. Более того, как показали дальнейшие события, совершенно необходим. Волевым и деятельным Митрофания не пала духом и вступила в единоборство со столичной прокуратурой, решив запутать следствие, сбить его с толку.

В Москве Митрофанию посадили под арест уже по всей форме — в одну из камер Сушевского полицейского дома. Но и здесь игуменья с поразительной изворотливостью принялась налаживать связи с сообщниками.

Завязалась бойкая переписка между Митрофанией и игуменью московского Страстного девичьего монастыря Валерией, ее «духовной дочерью», безоглядно ей преданной. Проявив незаурядную изобретательность, Митрофания учила «духовную дочь» искусству конспирации.

Митрофания — Валерия: «Прикажи нашим общинникам тебе все своевременно передавать, а ты можешь отлично в рыбу трубочкой засовывать; записку я нашла, но после моей собственной догадки; я подивилась твоему искусству. В клеенку трубочкой положить можно и заложить кашей, можно в пирог: ничего не разрезают. Это будет отлично».

Валерия — Митрофания: «Я вчера получила твое черное (то есть ношеное, предназначенное в стирку. — А. Ш.) белье, но там ничего не было. Остальные твои письма получила в исправности... А с солдатом, думаю, страшно писать что-нибудь дельное, не ровен час выдаст. Они там все продажны... Мои вещи осматривают гораздо легче, а твои гораздо строже...»

В постижении секретов этого искусства воспитанница, пожалуй, даже превзошла свою наставницу. Она учила «духовную мать» и даже выговаривала ей: «Ты тогда очень неосторожно сделала с клубком».

Мать Валерия имела в виду злополучный моток красной шерсти, в который Митрофания спрятала письмецо, обнаруженное, как было сказано в полицейском протоколе, «по размотании оно».

«Одну вещь посылать гораздо хуже, — продолжала Валерия, — все внимание на нее обращено, а я если посылаю, то всегда во множестве».

Из арестантского помещения «честная мать» оповещала приспешниц и приспешников, к какой лжи она была вынуждена или сочла за благо прибегнуть в ходе следствия, дабы те, будучи вызванными в качестве свидетелей, не испортили ей игру.

Побеспокойся, просит она игуменью Валерию, чтобы маклер, если «будет спрошен опять о векселях... не проговорился о времени получения».

«Скажи Зинаиде (монахине серпуховского Владычного монастыря. — А. Ш.), — инструктирует она, — Лебедев прислал 500 аршин дорожки, ее о том спросят».

«Зинаиде скажи, что я показала, что пакет лежал в Воскресенской ризнице... Если позвуют ее, то то же самое подтвердила бы».

Некоторые инструкции были адресованы «зашифрованным» лицам, называемым иносказательно, намеком, понятным лишь ближайшим приспешникам. Например: тому, «кто учил персики и ананасы варить...» «Скажи ему, — инструктирует Митрофания Валерию, — в марте получил расчет часть деньгами, часть распиской на 17 т. руб., потом еще давал и в апреле получил общую квитанцию; немедленно повидайся, передай».

Но случалось, что и самой матушке Митрофании не совсем было ясно, как ей выкручиваться, и она спрашивала: «Прошу написать мне про векселя... что же мне сказать, если спросят».

И верная Валерия носилась по Москве, предупреждая, наставляя, уговаривая. А потом, уединившись в покоях монастыря на Страстном бульваре, готовила матушке Митрофании очередное донесение: «Насчет Магд. не беспокойся: она здесь и готова к ответу. О. Д. и Алекс. уже спрашивали, они отвечали как следует» («Магд.», «О. Д.» и «Алекс.» означали: Магдалина, отец дьякон и Алексеев.)

Одно из конспиративных посланий можно было бы точно датировать по православным святам: 22 декабря.

«...Меня великомученица Анастасия и ангел-хранитель вразумили», — писала Митрофания. «Ангел-хранитель» — это, наверное, мученица Параскева-Прасковья, в честь которой дочь барона Розена Рубина наречена

● *Церковь Покрова в Рубцове (первая пол. XVII в.) — соборный храм Покровской общины сестер милосердия.*

За этими воротами находилась община сестер милосердия, основанная игуменьей Митрофанией.

при крещении. О своем ангеле-хранителе православному человеку надлежит помнить всегда. А вот что касается другого персонажа из православного пантеона — великомученицы Анастасии, она упомянута Митрофанией в знак особой благодарности, ибо в день ее прославления и поминания и пришла ей в голову счастливая мысль представить в Московскую духовную консисторию «донесение задним числом, чтобы не могло быть подозрения».

— И весь этот подлог, эта тонкая работа, — с возмущением воскликнул знаменитый адвокат Федор Плевако, — сопровождался самым циническим кощунством!..

Да, с точки зрения искренне верующего человека иными словами это не охарактеризуешь. Но куда более интересно взглянуть на откровения Митрофании с другой стороны: полное омертвление религиозных чувств даже у тех, чьи сердца, в силу их сана, должны были, казалось бы, пылать ими!

8

На защиту игуменьи Митрофании стеной стала могущественнейшая корпорация, красивой и гордостью которой она до недавнего времени слыла, — казенная церковь, официально именуемая «ведомством православного вероисповедания».

«В Москве следствие велось с большой энергией, — писал А. Ф. Кони, — причем у Митрофании, однако, явился сильный заступник в виде московского митрополита Иннокентия».

Заступник действительно был и сильным, и весьма энергичным. Для защиты матушки Митрофании он отрядил архимандрита Модеста, настоятеля московского Спасо-Андроникова монастыря. (в его стенах размещился ныне Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева).

Доводы «духовного адвоката» повергли в изумление даже многоопытных юристов, которых, казалось бы, уже ничем нельзя было удивить.

«...В заявлениях, поданных им, —

прочтем мы далее в воспоминаниях А. Ф. Кони, — он поведал, что самое учреждение прокурорского надзора есть учреждение не христианское, так как в духе христианской религии все прощать, а не преследовать, прочие же государства в этом отношении примером нам служить не могут, ибо, например, Англия государство не христианское».

За пять месяцев до начала суда Московская духовная консистория (канцелярия митрополита) направила в прокуратуру пространное «Мнение», составленное ею после ознакомления с материалами и выводами следствия.

«Мнение» ни с чем не соглашалось и все обвинения отметало с порога. Цель этого письма была совершенно ясна — прекратить следствие, не допустить суда. Ну а если суда не миновать, то судить надо не Митрофанию, а тех, кого она обобрала или пыталась обобрать.

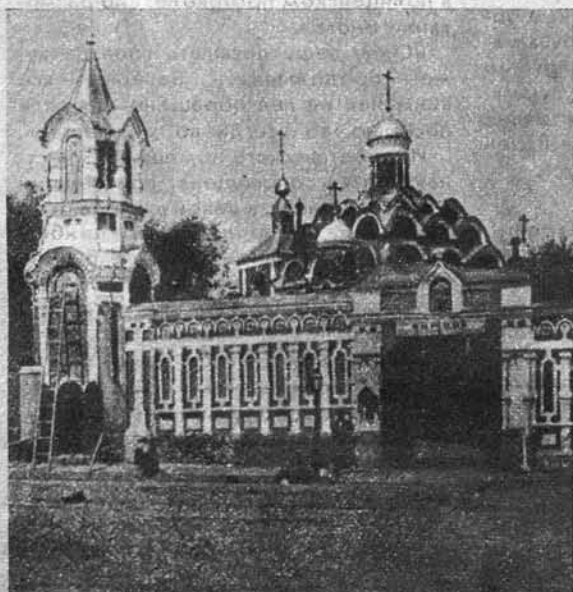
«...Не игуменья Митрофания обманывала Медынцеву, — прочтем мы в этом любопытном послании, — а Медынцева игуменью, как то давая различные обещания игуменье Митрофании сделать большие пожертвования в пользу Владычье-Покровской общины...»

И все две недели, в течение которых заседал Московский окружной суд, во всех церквях города, по специальному указу святейшего синода, служили молебны «о даровании игуменье Митрофании силы перенести ниспосланное ей испытание».

Отрицая все обвинения, выдвинутые против матушки-игуменьи, духовная консистория поиронизировала над заключением экспертов-почерковедов: «Если верить их отзывам, то игуменья Митрофания обладает неимоверным искусством или умением писать под руку всякого, и притом писать не только несколько строчек, но и целые листы».

Но так оно и было... Опыт иконописи, требующий уверенности и точности,

● *Суцеский полицейский дом, в котором содержалась под арестом игуменья Митрофания.*

ти в каждом штрихе, каждом мазке, видимо, оказался весьма кстати. Кто бы мог подумать, что давнишнее увлечение со временем найдет такое неожиданное применение!

Правда, надо отметить, что Митрофания все же допустила массу оплошностей, прежде всего в поддельных векселях и письмах несчастного старца Солодовникова.

Любопытно читать ныне документы экспертизы по почеркам (теперь она называется графологической). Такую экспертизу поручили тогда лучшим учителям чистописания из московских гимназий и самым искусным граверам. Как те, так и другие, в силу особенностей их работы, могли определить неповторимо-характерные особенности каждого из почерков, которые им предлагались для рассмотрения.

Подвело матушку то самое обстоятельство, которое один из экспертов назвал «важнейшим качеством» мошенника, — «твердость духа для совершения подлога, или, иначе сказать, просто надо совести не иметь; так как стоит подделывающему хотя бы на одну минуту потерять уверенность в себе, и все дело погибнет».

Уверенности в себе Митрофания не занимать было, она подделывала письма и записи и воспроизводила подписи с завидной легкостью и даже лихостью. Но беда в том, что подделывать ей пришлось почерк дряхлого, полуграмотного старика — почерк, отличавшийся, по словам экспертов, «тяжестью, неуклюжестью, недоконченностью». И поэтому четкость и грамотность письма разоблачали подлог при первом же взгляде на фальшивки.

«Подложное писано наклоннее, — свидетельствовали эксперты, — и при том почерком быстрым и связным до

того, что некоторые слова писаны без отнятия карандаша, сразу, тогда как подлинное писано прерывисто и с остановками, выражающими явное затруднение пишущего... Свободная легкая рука подложных документов не соответствует тяжелой руке Солодовникова».

При такой стремительности было уже не до каких-то там мелочей, вроде «енварь», «дикабрь», — и изпод легкого пера Митрофании выходили, как и положено, «генварь» и «декабрь».

— В самом деле, — с ироническим недоумением разводил руками Плевако, — отчего Солодовников, всегда пишущий одним почерком, только для игуменьи переменил его? Отчего, всегда пишущий неправильно, только для игуменьи Солодовников пишет отчество свое и названия месяцев безупречно в грамматическом отношении?.. Хорошо пишущий может еще иногда писать дурно. Но чтобы Солодовников, до семидесяти лет писавший ...так, что трудно читать, вдруг бы с 18 декабря 1870 года по 5 января 1871 года стал писать каллиграфически, — это невозможно и прямо изобличает подделку.

Особенно досадной заковыкой для матушки оказалось отчество Солодовникова — «Герасимов», как писал он по старинке. Дело в том, что начало отчества он выцарапывал очень своеобразно: первую букву писал не прописную, а строчную, только покрупнее, слегка возвышая ее над строкой, а вторая буква вообще исчезала: «Грасимов». На беду свою Митрофания не сохранила у себя ни одного образца солодовниковской подписи. Единственный подлинный вексель (полную подпись, с отчеством, фабрикант ставил только на банковских документах) она не замедлила реализовать, как тогда говорили, «предъявить ко взысканию». Когда же дело дошло до подделки векселей, в ее распоряжении были только письма Солодовникова, подписанные им одной фамилией. Ей, естественно, и в голову не пришло, что старик писал «Гра...», а не «Гера...».

В подписях, красовавшихся на векселях купца Лебедева, не было обнаружено ничего общего с его под-

линными подписями. Чтобы заполнить образец, Митрофания пустилась на такую хитрость. К Лебедеву домой был послан слугитель общины с текстом специально для этой цели сочиненного «Приветственного адреса», который якобы намеревались огласить от имени сего благодетеля на торжественной церемонии открытия богоугодного заведения. Посыльного встретила жена Лебедева и, взяв лист, пошла к супругу. Но «сам» уже изволил почивать, и заботливая жена, решив не тревожить уснувшего, расписалась за мужа. Документ-то ведь не финансовый. Ее подпись и принялась Митрофания срисовывать со всем старанием.

Выводы экспертизы были настолько убедительны, что архимандрит Модест не нашел ничего лучшего, как придаться ко дню ее проведения — 25 марта, на который, как известно, приходится крупнейший церковный праздник благовещение. Он объявил экспертизу «незаконной», ибо в день благовещения — по учению церкви — «никаких действий производить нельзя»...

Суд начался в субботу 5 октября 1874 года в Здании судебных установлений — так еще десять лет назад стали называть здание Сената, сооруженное в Кремле в 1776—1788 годах по проекту Матвея Казакова.

Процесс привлек всеобщее внимание. Москва гудела разговорами, пересудами, спорами. Все газеты и журналы сошлись в одном: такого громкого, скандального дела не было еще в истории России. Это признавали и обе «стороны процесса».

— Господа судьи, господа присяжные заседатели! — говорил основной обвинитель прокурор Жуков. — На вашу долю выпало произнести приговор по беспримерному делу в летописи уголовного суда...

— Россия еще никогда не имела несчастья видеть на скамье подсудимых духовную особу столь высоко стоящую, как обвиняемая, — говорил адвокат Шайкевич, защитник Митрофании. — Столь же беспримерным является само обвинение, против нее выдвинутое.

Публика, заполнившая зал до предела (многотысячная толпа застыла у подъездов), с превеликим интересом и острейшим любопытством ожидала появления «героини».

И вот наконец часы отбили одиннадцать ударов, члены суда уселись в массивные кресла...

«Публика напряженно уставилась на дверь, из которой должна была появиться подсудимая, но обманулась в ожидании, — писал корреспондент «Отечественных записок». — Из железной двери явились только соучастники ее... в сопровождении жан-

● Из материалов графологической экспертизы, представленных Московскому окружному суду.

Слева — подлинные документы, справа — документы, подделанные игуменьей Митрофанией. Во втором ряду — подлинная подпись фабриканта и купца М. Г. Солодовникова (его отчество, написанное по старинке: «Герасимов») и неудачная подделка Митрофании. В нижнем ряду — подлинная и подделанная игуменьей подписи купца Макарова.

дармов, а сама игуменья, ровными, тихими шагами, показавшись из другой двери, опираясь на черный посох и в сопровождении не стража, а юной 15-летней прислужницы...»

Монашеский клубок, надвинутый почти на глаза, смиренный наклон головы не позволили публике и корреспондентам разглядеть лицо игуменьи. Митрофания опустилась в «кресло подсудимой», близко подвинутое к судейскому столу, — и только судь и присяжные заседатели могли видеть ее...

10

Рассказ о деле игуменьи Митрофании близится к концу. Пришла пора поразмыслить и над самим делом, и над личностью подсудимой.

Дочь генерал-адъютанта, фрейлина императрицы и — монашество, смиренное послушание, постриг, черный клубок, черная мантия. Судьба — что и говорить! — исключительная, насколько известно, уникальная. Но была ли баронесса, облаченная в черную рясу, такой уж белой вороной в своем сословии, в своем кругу? Нет. В мир монашества она вошла, не расставшись со многими чертами, присущими людям этого сословия, этого круга. С придворно-аристократической спесью, с гигантским самолюбием («до безумия самолюбивой» назвал ее корреспондент «Отечественных записок»), с неистребимой привычкой к роскоши, с высокомерным презрением ко всяким «плебейам». «Монашеская ряса только прикрыла ее страсти», — заметил доктор права Лохвицкий. Об этом дружно свидетельствовали все причастные к судебному процессу и наблюдавшие за ним — от прокурора до репортера.

— Первая черта ее характера, — говорил прокурор Жуков, — рисуется ее письмами и документами, ею самой составленными. Все они переполнены указаниями на ее высокое положение, на ее громадные связи; на каждом шагу говорится о ее высоких нравственных качествах, о тех христианских свойствах ее души, которые побуждали ее творить добро. Самовосхваление, самообожание доведено в них до крайних пределов. Самообожание это доводит игуменью до того, что она считает себя вне закона, вне всякой ответственности и высокомерно заявляет о том суду.

«Говорят: так не на себя же она тратила, она доброе делала, — писала журналистка Е. П. Забелина в предисловии к стенографическому отчету о суде. — Что значит «не для себя»? «Для себя» значит ли только проесть и пропить? Поставить из совершаемого добра пьедестал для власти своей и славы — будет тоже «для себя», и в этом смысле приговор присяжных

справедливо признал в деяниях игуменьи корыстную цель».

Суждение справедливое и верное; вот только насчет «проесть» нужно сделать оговорку. Урожденная баронесса Розен в яствах и иных чисто житейских благах себе не отказывала. О «нищелюбии» — одной из важнейших и непреложных заповедей христианского монашества в этом случае (как и в бесчисленном множестве иных) можно говорить лишь с улыбкой. Слово вспомнив великосветскую придворную молодость, игуменья обзаводится штатом собственных «фрейлин» — «фрейлин в рясах», путешествует с ними, не стесняя себя в расходах. Триста тысяч рублей из сумм, присвоенных мошенническим путем, исчезли так таинственно, что прокуратура и следов их не смогла обнаружить.

Навещаая время от времени Петербург, Митрофания останавливалась в Николаевском дворце и развешала по столичным проспектам в роскошной карете с ливрейным лакеем на запятках.

Если взглянуть на всю эту криминальную эпопею с мировоззренческих позиций, перед нами предстанет еще одно подтверждение неосуществимости христианства, его основополагающих догматов, заповедей, предписаний, запретов в реальной человеческой жизни — и индивидуальной, и общественной.

— Закон воспрещает монахиням производить какую бы то ни было торговлю, кроме рукоделия, — с возмущением говорил прокурор, — а она (Митрофания — А. Ш.) торгует векселями, лесом, сукном, мясом...

Разве только она, разве только одна возглавляемая ею иноческая обитель?..

— Путник, идущий мимо высоких стен Владычного монастыря, вверенного нравственному руководству этой женщины, — говорил признанный злоуст среди московских адвокатов Плевако, — набжоно крестится на золотые кресты храмов и думает, что идет мимо дома божьего, — а в этом доме утренний звон подымал настоятельницу и ее слуг не на молитву, а на темные дела! Вместо храма — биржа; вместо молящегося люда — аферисты и скупщики поддельных документов; вместо молитвы — упражнение в составлении вексельных текстов; вместо подвигов добра — приготовление к ложным показаниям — вот что скрывалось за стенами... Выше, выше стройте стены вверенных вам общин, чтобы миру не было видно дел, которые вы творите под покровом рясы и обители!

Призыв хотя и риторический, но вполне обоснованный; его можно было бы адресовать многим православным монастырям Российской империи.

Нищелюбие, разумеется, — не

единственная заповедь православного монашества, к которой игуменья Митрофания никоим образом не была причастна. То же самое можно сказать и о заповеди смирения, христианского всепрощения. Ни в ходе следствия, ни на суде матушка Митрофания отнюдь не следовала Иисусовым призывам не противиться злему и подставлять под удар другую щеку, если тебя ударят по правой. «И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду...» Не-ет! Увольте!.. Игуменья защищалась и изворачивалась с упорством, выдержкой и хитростью (где надо и слезу пускала), «и нередко своими резкими, смелыми вопросами и замечаниями ставила в не совсем ловкое положение даже председателя, обвинителей и защитников — людей уже привычных» (из статьи в «Отечественных записках»).

«...Наружность Митрофании, — вспоминал А. Ф. Кони, — была, — если можно так выразиться, — совершенно ординарной. Ни ее высокая и грузная фигура, ни крупные черты ее лица, с пухлыми щеками, обрамленными монашеским убором, не представляли ничего останавливающего на себе внимание; но в серо-голубых навывкате глазах ее под сдвинутыми бровями светились большой ум и решительность».

Митрофания боролась до конца. Завершающим, отчаянным усилием, направленным на то, чтобы выиграть процесс и уйти от наказания, была ее попытка запугать присяжных заседателей. В последнем слове она стала смущать их души горемычной судьбой сирот в приютах общин, ею учрежденных и до ареста ею руководимых.

— Вы разорите целое учреждение, и не одно, а несколько. Вы отнимете кров у сирот, которых я собрала, если обвините меня... Моя участь связана с участью нескольких сот сирот. Я знаю, что они слезы проливают обо мне... Если вы возвратите меня в общину, они возрадуются... Если вы вынесете оправдательный приговор, то я, несмотря на разбитое здоровье, буду считать себя все-таки обязанной служить тому человечеству, которое так неблагодарно со мной поступило.

Так прямо и было сказано. Матушка заклеила все неблагодарное человечество и в том же последнем слове открыто уподобила себя... самому Иисусу Христу, всплакнув о том, что довелось перенести «по любви к страждущему человечеству»:

— Укрепила же меня мысль, что если сам господь наш Иисус Христос был приведен на суд Пилата, — что же я? Неужели же мне не благодарить господя, что он дал мне возможность быть соучастницей в его страданиях?

Окончание следует.

● Моше бен Маймон
(Маймонид)

● Печатка Маймонида

● Иегуда Галеви

ФИЛОСОФ МАЙМОНИД

М. БЕЛЕНЬКИЙ,
кандидат философских наук

, 850

1935

1135

1204

30

30

1135

(. . 1070—1139).

. . 7, . 360.

(1092—1167),

«

»,

«

»².

(1100—1180),

38

28

, 36 —

34 —

( ).

(. 1075—1141),

IX

«

».

X

. 1190

»,

IX — XII

1160

(

«

» — «

»,

«

»,

«

»).

(

).

1187

(

)

»,

«

«

»".

»⁹.

?²

».

«

X.

?

»⁷.

...»⁴.

(. 800 — . 870),

(870—950),

(980—1037),

1935, . 96.

(1126—1198)

VII XIV

1974, . 107.

1956, . 167.

. I, . 71.

, 1872 ( ).

. X.

1982, . 63—64.

147.

.., 1973, . 146—

⁸

⁹ 8.

.., 1968. . 170.

1180

«13

«

«

»

«

»,

3.

III—I

(

)

»¹⁹.

»²⁰.

II—I

XII

: «

. 3.

»²¹.

« »:

I

« »¹⁶.

— «

1829

( )

« »¹⁶.

» (

«

).

: «

», «

. 3.

», «

»²².

I

. 3.

«

»,

»¹⁷.

¹⁶ . 6.

¹⁷ .

, 1762, . 33 (

)

).

¹⁸ , 1981, . 80 (.).

¹⁹ 1956, . 16 ( ).

²⁰ 1963, . 182 ( ).

²¹ . Rudavski. Modern Jewish Religions Movements. New York, 1967, p. 35, 110.

²² . « » , 1939, . 581—582 ( ).

ИСТОКИ

Религия, церковь, верующий

Зенон КОСИДОВСКИЙ

ХРИСТИАНСТВА

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

XVIII

(I . . . .),

« »

« 327 »

« ».

II

«

»,

III

205

(I .)

II

(I .);

VIII

«

»

19

«

».

XVIII

391

V

XVIII

(. 50—140 . . .).

99

I , 307

(II .)

«

»

: «

V

».

* **

VII

: «

».

: «

» (. I, .

17).

(75 . . . — 5 . . .).

(. 336—264 . . .).

: «

».

(. 50—

135 . . .)

: «

».

(70—19 . . .) «
»,

(. 4 . . . — 65 . . .) —
« . . . ».

«Дай козу мою!»

В Софийском соборе в Киеве шли реставрационные работы. Метр за метром открывались все новые и новые участки древней фресковой живописи, скрытой масляной росписью более поздних веков.

Вместе с реставраторами работал киевский историк Сергей Александрович Высоцкий. Он искал древние настенные надписи — граффити. И вот первые находки. Путешественники, купцы и местные жители оставили в разных уголках собора свои «визитные карточки»: «Иван», «Дмитр», «Жизнобуд», «Иван — дьяк Давыдов». Кое-кто для пущей убедительности добавлял: «Писал Матеи», «Писал Данило», «Симеон писал». А под одним из рисунков стояла подпись: «Жадко писал хрест».

Нужно напомнить, что церковный устав запрещал это категорически. Преступление приравнивалось по своей тяжести к осквернению могил,

к уничтожению на них крестов. Нарушители карались штрафом и ударами палиц. Однако это не останавливало прихожан и даже самих священнослужителей. В одном только Софийском соборе обнаружено около двухсот надписей, относящихся к XI—XIV векам*. Немало здесь и различных символических и бытовых рисунков. Чья-то рука нацарапала на стене изображение коровы, а под ней: «муу, муу».

Те, кто следил за чистотой соборных стен, зачеркивали надписи. И все же некоторые автографы киевских богохульников сохранились до наших дней, вроде комментария, сделанного на фреске западной стены Михайловского придела: «Мария была злая». Это смелое суждение относилось к лику святой, изображенной с суровым лицом, плотно сдвинутыми бровями.

Любопытна надпись на южной стороне апсиды Георгиевского придела: «Хо, хо, хо, клирошанин святой бо-

* См.: С. А. Высоцкий. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976.

родицы!» Трудно сказать, по какому поводу некий шутник потешался над своим коллегой из церкви Богородицы десятинной — первой каменной церкви на Руси, построенной Владимиром Святославичем в честь принятия христианства, но след насмешки остался.

Неподалеку еще одна надпись, повторенная дважды: «Дай козу мою!» Знатоки древней истории утверждают, что «козой» на Руси некогда называли книжный ранец.

Вот какие следы истории хранят на себе стены Софии Киевской.

В. ХОХЛАЧЕВ

г. Киев

Нас спрашивают

Сколько было в Москве церквей!

Читатели часто задают нам такой вопрос.

Изданный в 1915 году «Указатель московских церквей» сообщал, что к 1908 году их было 531. В это число входили

не только приходские, но и монастырские, кладбищенские, тюремные, домовые церкви. К 1915 году их число перевалило уже за 600. Если прибавить сюда старообрядческие храмы, построенные после вызванного революцией 1905 года царского указа «Об укреплении начал веротерпимости», и несколько десятков часовен, то количество церковных строений приблизится к 700. Но никак не больше. А как же быть с известным выражением, что в первопрестольной церкви сорок сороков?

Сорок — старинная русская единица счёта (мера веса — пуд — содержала в себе сорок фунтов). В меховой торговле счет на сороки сохранялся до начала XIX века. Эта единица счёта имела хождение и в церковной жизни. Она обозначала группу церквей (бывало, что и меньше сорока), подчиненных благочинному, то есть священнику, наблюдавшему за несколькими приходами. По традиции, выражение «сорок сороков» применялось тогда, когда речь шла о многочисленности церквей в старой Москве. В этом качестве оно дошло и до наших дней.

В. ХАРАЗОВ,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

Письма-исповеди не редкость в нашей редакционной почте. Обычно они рассказывают о том, как, не найдя в религии истины, настоящей поддержки, человек пытается выяснить вечные вопросы: где ж в этом мире правда, что есть добро и зло, справедливость и милосердие и как жить, к чему стремиться.

А вот в письме Ольги Андреевны (имена и место действия изменены) явственно звучал не только вызов, но даже злорадство:

«Хочу поделиться тем, как я, бывший пропагандист атеизма, стала верующей! Жалею, что этого не случилось раньше. Всевышний не допустил бы ко мне злых людей. Сорок лет живу я на свете и все эти годы потратила на борьбу с их кознями. Хорошие люди — от бога, злые — от дьявола. Я боролась с ним в одиночку и потерпела поражение...

Родилась я во время войны. Отец погиб до моего рождения. Мать одна воспитывала троих детей.

В шестом классе у меня заболела спина. Четыре года ходила я с адскими болями в школу за десять километров, а после ее окончания пролежала полгода в больнице, перенесла две тяжелые операции. Во время одной из них мне повредили нерв, и я выписалась калекой. Тут влюбился в меня парень, приехавший в отпуск к родителям. Я тоже потянулась к нему. Однако нашей любви воспротивился его родня. Он даже плакал, но уехал, не прощавшись со мной.

Три года в культпросветучилище — единственное светлое пятно в моей жизни. Потом распределение, запущенный сельский клуб...

Крутилась с раннего утра до полуночи, проклинала себя за выбор профессии. Лишь через полгода работа стала налаживаться.

Жила на частной квартире. За перегородкой — овцы, корова, гуси, индюки. Но тут предложил мне один паренек замужество.

Сыграли свадьбу, и все вроде шло неплохо. Только детей не было. Но свекровь распустила слух, что я «порченная», и через несколько лет развела нас. Я переехала в соседний район...

Три года стали для меня роковым сроком. Через каждые три года приходилось собирать свои немудреные пожитки и перебираться на новое место...

Дальше я перейду на пересказ истории Ольги Андреевны — размер журнальной публикации не позволяет полностью привести ее письмо, обширное, с массой подробностей.

Дважды Ольгу Андреевну обворовывали: зимой вывезли из сарая все дрова, в другой раз подобрали ключи и унесли все ценные вещи. Эти обстоятельства вынудили Ольгу Андреевну вернуться на родину — в Таежное.

Поначалу все складывалось удачно. И даже сама Ольга Андреевна признается, что было бы грех жаловаться на судьбу в тот период. Ее, студентку-заочницу второго курса факультета журналистики, взяли в районную газету. Она много ездила по району, писала зарисовки, корреспонденции. Ее поддерживали, опекали, помогали...

Прошло какое-то время, и в редакции стали замечать, что от Ольги Андреевны, когда она возвращалась из поездки по району, пахнет вином. Мужчинам это прощалось. Для женщин же считалось недопустимым, о чем Ольге Андреевне и сказали. Однако она с таким мнением не согласилась, сославшись на равнопра-

вие: то, что можно мужчинам, то, мол, дозволено и женщинам. В коллективе, в свою очередь, не согласились с мнением Ольги Андреевны. И нашла коса на камень! Понятно, что не выстоять было ей в этой войне нервов, что захотелось опереться на чье-нибудь плечо. И такое плечо она нашла — некоего Валерия. Однако и тут Ольгу Андреевну поджидала неудача. Валерий пил, бил ее в припадках то ли ревности, то ли пьяной злобы, терроризировал соседей по дому.

Ольга Андреевна махнула на все рукой и запила. Ее уволили за прогулы с работы, отчислили из университета.

«Такого позора, — пишет она, — в моей жизни еще не было. Два месяца я не могла устроиться. На приличную работу не брали, а работать лопатой не могла из-за слабого здоровья... Придя в очередной раз в райисполком, я ни к кому не попала. Шло совещание. Одеваясь, я вспомнила фразу одного из руководителей района: «Что же ей теперь воровать идти!» И пока одевалась, фраза эта билась у меня в голове. Тут на глаза попала кроличья шапка. Не ее ли владелец ответил: «Пусть ворует! Поймают — посадят!» Я взяла шапку и дома кинула ее в кладовку. Ну а дальше милиция, следовательно...

Как-то вечером я собрала таблетки, что были в доме, растолкла их и выпила. Но вместо смерти ко мне пришел вещий сон. Бог позвал к себе и пообещал спасение...

На следующий день я отправилась в областной город и пошла в церковь. Верующие подсказали, где купить свечи, к какой иконе поставить. И сам храм божий, и богослужение в буквальном смысле потрясли меня. Я поняла, что мой сон не случайность, что бог действительно позвал меня к себе. Кончилось тем, что я разрыдалась на виду у всех. Но это были уже слезы не горя и отчаяния, а светлого очищения, тихой радости.

Меня сразу же окружили верующие, стали утешать. Подошел священник, ласково со мной заговорил, и я вдруг рассказала им, чужим мне людям, историю своей жизни. И теперь эти люди стали для меня родными. Они помогли мне, просто и мудро объяснив то, что со мной случилось...

Теперь Ольга Андреевна ходит по церквям, молится, с почтением выслушивает наставления священников и уже не боится злых людей, оберегаясь от них крестным знамением и молитвой. А если и случаются огорчения, так это, как пишет она, испытание от бога. Бог кого любит, того и наказывает. И чем покорнееносишь наказание, тем более угоден богу и защищен от дьявола!

Прочитав первый раз письмо Ольги Андреевны, я по-человечески пожа-

лел ее. Но что-то настораживало, мешало до конца поверить в искренности автора. Я стал переписываться с Ольгой Андреевной, затем встретился с ней, а заодно и с многими из тех «злых» людей, что окружали ее в Таежном...

Действительно ли была она пропагандистом атеизма? В письме я поинтересовался, какую атеистическую работу вела Ольга Андреевна в Таежном, с какими темами выступала в газете. Выяснилось, что не было ни того, ни другого. «В клубах, которыми я заведовала,— ответила она,— раза два в год выступали лекторы-атеисты. А в редакции этим занимался другой отдел...»

«Никто не хотел брать на работу калеку...» — пишет с горечью она, и как тут не посочувствовать. Но... Первая встреча с Ольгой Андреевной меня озадачила: где же признаки инвалидности? И лишь внимательно приглядевшись, я заметил, что она чуть прихрамывает.

— Ольга Андреевна,— спросил я,— когда вы сильнее хромали — сразу после операции или позже? — Да нет,— пожалла она плечами,— как тогда, так и сейчас — не хуже и не лучше. Врач напортачил, а я на всю жизнь — калека...

Как видите, считать себя калекой у Ольги Андреевны не больше оснований, чем называться пропагандистом атеизма.

Одно за другим перебираем мы события ее жизни, описанные в письме, и каждый раз оказывается: что-то преувеличено, что-то полуправда. И во мне все более крепнет убеждение, что Ольга Андреевна решила предъявить иск за неполадки в своей жизни всем, с кем она сталкивалась.

В Таежный Ольга Андреевна вернулась человеком с уже сложившимися привычками, взглядами и характером. Старых друзей и подруг не было. Отчасти из-за того, что давно уехала, но в основном потому, что в детстве и юности дружила с книгами, а не со сверстниками, которые на книжных героев мало походили и казались ей грубыми, глупыми, неотесанными. В ту пору Оленька жадно впитывала в себя книжную культуру. Но впитала, как выяснилось, лишь то, что лежало на поверхности, что не требовало мучительного труда ума и души, не вникнув в философские и психологические глубины Толстого и Достоевского, Шекспира и Чехова, Бунина и Островского. И вот эти-то свои упрощенно-книжные представления, где добро всегда и легко торжествовало над злом, где люди делились на справедливых, воюющих за высокие принципы, и на злых, своекорыстных, жестоких и подлых, — вот эти, упрощенно-книжные представления и определили дальнейшее ее отношение к жизни. И если оказывалось, что

реальная жизнь в эти представления не укладывалась, то Ольга Андреевна считала, что виновата жизнь, а не ее, Ольги Андреевны, представления о ней. Впрочем, если то, как, по ее понятиям, нужно было поступить в том или ином случае, резко противоречило тому, как ей в действительности хотелось поступить, она легко уговаривала себя, что нужно поступить именно так, как хочется.

Окончив культпросветучилище и понимая, что трудиться ей теперь нужно с полной отдачей, физической, умственной и душевной, она, увидев, что некоторые ее коллеги живут, особо себя трудом не обременяя и нареканий начальства не вызывая, тут же рассудила: пока молода, надо жить, а не «убивать жизнь» в работе. Однако такая перемена в ее настроении не распространялась на окружающих: все должны были поступать только так, как с ее, Ольги Андреевны, точки зрения им должно было поступать. Трещина между своеобразно понятой правдой искусства и правдой жизни все расширялась и в основном по вине самой Ольги Андреевны. И вот уже всех окружающих она склонна считать злыми и жестокими, беспринципными и своекорыстными.

Именно этому свойству своего характера Ольга Андреевна обязана и тем, что, меняя каждые три года место работы и жительства, нигде не нашла она добрых друзей, нигде не сумела стать своей, нужной, необходимой людям. Как перекасти-поле по бугристой степи, несло ее через сельские клубы и библиотеки. Вот, казалось бы, зацепилась за очередную бугорок, но не пустила корни и вновь, чуть дунул ветер, покатила к следующему бугорку...

Ольга Андреевна должна была бы, кажется, встревожиться, почему же и здесь в Таежном, снова получает, что вся рота шагает не в ногу, одна она — в ногу. Нет, не встревожилась, более того, бросила потом открытый вызов общественному мнению уже не только редакции, но и всего района. Ведь знала про Валерия: был осужден за хулиганство, презирает и людей, и любую работу, пьянствует и слов в разговоре не выбирает. Ведь не могла же она не понимать, что совместная жизнь журналистки с таким человеком, да еще столь скандальная, сразу же станет притчей во языцех.

Нет, не после увольнения, а именно с этого момента потеряла Ольга Андреевна моральное право быть журналистом, ибо утратила доверие и уважение людей. И не случись даже остального, ей все равно пришлось бы уйти из газеты.

Конечно, каждый человек может ошибиться. Нередко именно на ошибках и учимся. Но учимся только тогда,

когда отдаем себе отчет, в чем именно ошиблись, как это произошло. Если же мудрости и мужества осознать ошибку не хватает, то подобные, а порой и более крупные промахи гарантированы нам и в будущем.

Ольга Андреевна никакого опыта из горького урока жизни не извлекла. Считала себя виноватой лишь в том, что несколько раз прогуляла. Отсюда и следующий, совсем уж безрассудный поступок — кража шапки! Это, конечно, не было кражей. Это была своеобразная форма мести — «всем им, жестоким, отвратительным людям».

Чем была обделена Ольга Андреевна от природы? Да ничем, кроме еле заметной хромоты. Зато одарена и приятной внешностью, и любовью к книгам, и способностями, без которых не смогла бы поступить в университет и работать в журналистике.

Может, была жестоко и незаслуженно обижена людьми? Тоже нет! Ольга Андреевна сама распорядилась своей судьбой. И распорядилась, увы, далеко не лучшим образом. Но признаться в этом даже самой себе не смогла, не хотела. Именно потому и обратилась она к религии, что с ее помощью можно было объяснить происшедшее, ни в чем не обвиняя себя!

Я долго думал, откуда в письме и рассказах Ольги Андреевны такое искажение событий и оценок. Может, случайно называла она себя пропагандистом атеизма, калекой, представляя мелкие, в общем-то, огорчения и неприятности чуть ли не трагедиями? Нет, это не просто неловко употребляемые слова. Тогда в чем же дело? В психологии. Самой Ольги Андреевны и религиозной психологии вообще.

Известно, что слабые натуры для объяснения своих несчастий склонны искать, кроме действительного, еще и другое толкование событий, действительное кажется им недостаточным. Дополнительное, иллюзорное объяснение становится главным, отесняя, делая второстепенным, незначительным объяснение действительное. Таким образом человек сам себя убеждает, что в сложившихся обстоятельствах от него ничего уже практически не зависело, и следовательно, ему не в чем себя винить.

Ведь иначе, если признать действительное объяснение, то следует признать и свою долю вины в случившемся и свою долю ответственности. Это неизбежно повлечет за собой хотя и справедливые, но горькие выводы о себе самом, своем характере и поступках. Для сильной личности они послужат руководством к корректировке характера. А для слабой, у которой нет сил для переделки себя? Ведь не способен человек жить в постоянном

презрения к самому себе, в чувстве неизбежной вины перед самим собой и окружающими его людьми!

Тут, как мне кажется, возможны два варианта. Первый, наиболее редкий, означающий крайнюю степень неприятия действительности или протеста против нее, — добровольный уход из жизни.

Этот вариант, как мы знаем, Ольга Андреевна испробовала, к счастью, неудачно.

Следующий — все та же подстанка на место действительного объяснения происшедшего дополнительного, иллюзорного. Ольге Андреевне в ее конфликте с окружающими оказалось необходимым представление о злых людях, которые виновны во всех ее несчастьях. Это уже начало неосознанного самоотчуждения от действительности, неосознанного самообмана. Именно отсюда даже не обман, а самообман в ее представлении, а следовательно, и в изображении того, как именно и почему складывалась ее судьба, искажение событий и оценок в письмах и беседах.

Однако само по себе представление о «злых, жестоких» людях, всю жизнь якобы окружавших ее, если пользоваться языком математики, необходимо, но еще не достаточно. Оно неизбежно требует объяснения, почему же все люди, окружавшие Ольгу Андреевну, «злы и жестоки»? Без убедительного объяснения это представление обязательно наталкивает на вопрос, а не являлась ли она сама источником «зла и жестокости» этих людей, то есть загоняет ее в тот же психологический тупик, из которого она, казалось бы, уже выбралась.

Именно на этом этапе психологическая потребность в самоотчуждении, в неосознанном самообмане, свойственная слабым натурам, приводит их не просто к иллюзорному объяснению, а к иллюзорно-религиозной концепции действительности все проблемы человеческого бытия разработаны так, чтобы и возбудить, и наиболее полно удовлетворить потребность в самоотчуждении, в самообмане, самоотчуждении от реальной действительности.

Объяснением, что «злые люди от дьявола», Ольга Андреевна не только отводит подозрение от себя как от источника «зла и коварства» окружающих ее людей, не только освобождается от мучительной и, видимо, непосильной для нее моральной обязанности судить себя суровым судом собственной совести, но даже поднимается в собственных глазах (и в глазах верующих людей) на более высокую ступень нравственного совершенствования. Ведь не желая считаться с требованиями реальной жизни, с интересами, взглядами и мнением окружающих ее людей, Ольга Андреевна страдала, а страда-

ние, как известно, считается в христианстве добродетелью, свидетельством избранности. К страданиям надо стремиться.

Вот Ольга Андреевна к ним и стремится, отыскивая в каждой мелкой житейской ситуации повод для страдания, свидетельство страдания, невольно представляя все эти мелкие огорчения как жизненные трагедии и сама уже в это веря.

Редкий верующий назовет себя счастливым. Счастье — это удовлетворение от своих трудов и свершений, от отношений с окружающими людьми, от своего места в жизни. А как же может быть счастлив верующий, если по религиозным представлениям (взять хотя бы то же христианство) все его труды и свершения ничтожны перед лицом всевышнего, сам человек низмен и греховен уже по самой природе своей, все его бытие и окружающий его мир — временное пристанище на пути к жизни вечной. Если верующий считает себя, как и предписывает ему религия, грешным и несовершенным, он не может быть счастлив, а если отрицает свою греховность и несовершенство, то это гордыня — великий грех.

Эта модель религиозной психологии убедительно показывает, что если кто из верующих и чувствует себя счастливым, то не благодаря, а вопреки религии. Человек, твердо и неукоснительно следующий религиозным предписаниям, нормам и представлениям, может быть утешен в своих скорбях и печалах, но не может быть счастлив. Но тем-то и притягательна религия для людей, в психике которых эмоции, как правило, преобладают над рассудком, что она производит в их сознании подмену понятия. И когда человек, например, говорит, что он счастлив, ибо страдает за Христа, то он искренне верит в то, что он действительно счастлив, хотя в действительности он лишь утешен тем, что его страдания не напрасны, за них ему якобы воздастся сторицей.

Но все то, о чем мы говорили, свойственно слабым натурам. Можно ли безоговорочно отнести к ним Ольгу Андреевну, учитывая все, что мы о ней знаем? Не временная ли это слабость, не своеобразный ли шок от тех уроков, которые преподнесла ей жизнь?

Людей с подобными судьбами чаще всего мне приходилось встречать на Крайнем Севере и Дальнем Востоке, куда их прибывало жизнью, как прибывает к берегу обломки кораблекрушений. В пору геологической и журналистской работы в тех местах мне довелось выслушать немало подобных исповедей — горестных, недоуменных. Но, как правило, люди винили в происшедшем самих себя.

Когда мы говорим и пишем о Край-

нем Севере и Дальнем Востоке, то в большинстве случаев показываем сильных, мужественных людей. И это справедливо — ведь их подавляющее большинство, именно они, как говорится, делают погоду. Но есть там и те, кто приехал, желая начать жизнь сначала, убежать от дурных привычек, от собственного характера, от каких-то поступков и проступков, короче говоря, от своего прошлого. Роднит этих людей неутоленная жажда избыть ощущение собственной вины за несложившуюся жизнь, стремление обрести утешение, пусть даже иллюзорное, лишь бы успокоить болезненную совесть. Большинство через ошибки, заблуждения, поиски находили себя — в работе, любви, семье, обретая будущее. Другие, слабее волей, загнули, вернее, оглушали боль свою алкоголем — но потом расплачивались вдвойне, потому что после похмелья привычная боль усугублялась еще от сознания своей слабости, никчемности и обреченности.

Я не оправдывал этих людей, но жалел их и сочувствовал им, как всегда сочувствую человеку, попавшему в беду, но не махнувшему на себя рукой, не зачерствавшему душу, а пытающемуся подняться над обстоятельствами, над печальным прошлым, над собственными слабостями и ошибками. Нет, наверно, горше муки, чем муки совести о загубленной по собственной вине жизни. Но, с другой стороны, пока совесть в человеке не отмерла, еще не все потеряно, еще человек остается человеком, еще есть шанс на будущее и даже на счастье.

Ольга Андреевна, когда мы с ней беседовали, болью совести не маялась, свалив всю вину за искаленную жизнь на дьявола и злых людей. И религия, действительно, утешила ее страдания, усыпив, анестезировав муки совести. Но надолго ли и какой ценой? Зная характер Ольги Андреевны, трудно поверить, что навсегда избрала она для себя обитель «страждущих и обремененных», где «блаженны нищие духом». Скорее всего устремилась она в тихую гавань, подобно кораблю, истрепанному бурей, чтобы отдышаться, оглядеться перед тем, как вновь пуститься в плавание «по волнам житейского моря». Вряд ли удастся ей долго удерживать мятущуюся свою натуру в прокрустовом ложе христианского смирения. И письмо в редакцию — лучшее тому подтверждение.

Весь вопрос в том, какой ветер наполнит ее паруса. А это, в свою очередь, зависит от того, какой урок вынесет она из своего прошлого, чем станет руководствоваться в переоценке былых ценностей — «возвышающим» обманом религиозных представлений или горькими истинами пробудившейся совести...

«Мы землю оденем в другой наряд»

На долю выдающегося башкирско-го поэта Мажита Гафури (1880—1934) выпало много невзгод. Оставшись в семилетнем возрасте без родителей, он с ранних лет батрачил у кулаков, а став постарше, скитался по России — был рудокопом на золотых приисках, рабочим на чугунолитейном заводе. Долгие годы поэт жил среди тех, у кого, как вспоминал он позже, «кровь высосана, лица пожелтели и запали», кто напоминал «хилые бесцветные растения, выросшие под плетью без солнца, желтые безжизненные травы, никнувшие в темноте чулана». Жизнь среди русских рабочих способствовала росту его классового самосознания, пониманию им единства интересов трудящихся всех

национальностей. Будущее своего народа он видел в тесной дружбе с русским народом. Мажит Гафури выучил русский язык, полюбил творчество русских писателей и поэтов, читал Пушкина и Крылова, Некрасова и Толстого. Особенно близко для него было творчество Горького. И это сказалось на идейном содержании его произведений: в них явственно зазвучали демократические мотивы, осознание истинных причин бедствий народа, необходимости изменения существующего строя.

Видное место в творчестве Мажита Гафури занимают антиклерикальные стихи.

В первом таком стихотворении, написанном в 1902 году, он осудил

«порядки» в мусульманском учебном заведении — медресе. В дальнейшем поэт резко бичует алчность, корыстолюбие слугителей ислама, верных прислужников власть имущих, их невежество, стремление нажиться за счет трудового народа. С болью пишет о тяжелой доле женщины-мусульманки. Гафури вскрывал роль ислама как тормоза прогресса, призывал народ к просвещению, овладению знаниями. Вершина его атеистического творчества — стихотворение «Видно, нет тебя, Аллах...» (1915), в котором поэт бросает вызов религии, ставя под сомнение существование Аллаха. По воспоминаниям современников, оно прозвучало как гром среди ясного неба, а автор его был проклят мусульманским духовенством.

Мажит Гафури мечтал о дне, когда земля будет одета в «другой наряд». И, вполне естественно, что он с воодушевлением принял Октябрьскую революцию, много сделал для укрепления ее завоеваний, для распространения и утверждения в народе материалистических знаний. Благодарный башкирский народ высоко оценил поэтический талант и труд Мажита Гафури, присвоив ему первому в 1923 году высокое звание народного поэта республики.

ТАТАРСКАЯ ЖЕНЩИНА

У дверей муллы понуро женщина стоит,
На руках ее ребенок, плачущий навзрыд.
Холодно, не успокоить ей дитя свое,
Хоть она его качает, кутает в тряпье.
Только бы мулла помог ей! Горе да беда
Уж который раз приводят бедную сюда.
Вот опять пришла сегодня рано поутру...
Полдень, — а она все так же дрогнет на ветру.
Наконец открылись двери, выглянул мулла
Да как рявкнет: «Здесь ты снова? Для чего пришла?»
«Помоги, мулла... Со свету муж меня сживет,
Голодом морит, ругает, дни и ночи бьет.
«Коль тебе я надоела, — мужу говорю, —
Отпусти к родным...» — «Нет, лучше насмерть запорю...»
Слезы горло ей сжимают, не хватает слов.
«Вот, считай, не сосчитаешь, сколько синяков».

И, прижав к груди ребенка, говорит она:
«Он за что со мною гибнет? В чем его вина?»
Но мулла, насупив брови, только крикнул ей:
«Что повадилась ты хныкать у моих дверей?
Уходи! Чем понапрасну день-деньской здесь нить,
Постаралась бы получше мужу угодить...»
Собралась идти, да видит: черный, как гроза,
Муж спешит — от злобы кровью налились глаза.
«Что, нашла себе защиту?.. Знаешь, где твой дом?» —
Размахнулся и ударил в спину кулаком.
Только встала — градом искры брызнули из глаз.
«Проучу тебя как надо я на этот раз!
Мало плакала ты, видно, на своем веку, —
Как схвачу тебя за косы да поволоку,
Не захочешь впредь защиты у муллы просить!..»
Что несчастную ждет дома — надо ль говорить?
Доля женщины-татарки — тьмы ночной мрачней:
Лишь обиды да побои достаются ей...
1908

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ

Не успел я родиться и в легкие воздух набрать,
Как схватили меня и в пеленки давай пеленать.
Так впервые меня мир жестокий свободы лишил,
Так от первой обиды я первые слезы пролил.
Только на ноги встал — и запреты дождем на меня:
«Как ты смеешь?», «Назад!», «Замолчи!», «Вот дорожка
твоя!..»
Я по-своему делал, упрямо боролся, как мог, —
В тот же миг подзатыльник сбивал непокорного с ног.

Годы шли: «Ты большой. Надо жить, как велит шариат,
Как Аллах начертал, как мулла и Коран говорят».
Я опять не сдавался, но все ж на колени меня
Пред Аллахом повергли, и плакал я, долю кланя.
А когда возмужал, с белым светом стал больше знаком,
Некто встал на дороге, железным грозя кулаком.
Что за чудище? Зачем появился здесь он?
Пригляделся и понял: стоит предо мною «закон».
Но к борьбе я готов и меня нелегко победить!
Пояс я затянул! Не заставишь меня отступить!
1912

В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

Не видно счастья на земле.

А затеряться счастьем где б?

Быть может, счастье в небесах,
на золотой доске судеб?

«На этом свете счастья нет!» —

уныло утверждает тот,

Кто в нем отчаялся. И вот
на небесах он счастья ждет.

Бедняга твердо убежден,
что там найдет свою судьбу,

Что в рай войдет его душа,
когда он сам сгнет в гробу.

Я плоховато знаю рай —

Я там ни разу не бывал.

Я в философию небес,
землей взращенный, не вникал.

Коль этот круглый шар земной
нам во владенье дал Аллах,

То счастье надобно искать
не в небесах — в земных делах!

Для нас, рожденных на земле,
земля куда милей, чем рай,
Я б землю выбрал, если б мне
велел всевышний: «Выбирай!»

Я б часа жизни не отдал,
чтоб вечности блаженство пить!

Я жажду счастья! Я живу!
И почему бы мне не жить?

Я буду с тем, кто строит рай
не в небесах, а на земле,

Покуда дух не испущу,
в заgrabной не исчезну мгле.

Смерть только оторвет меня
от почвы, где я жил и рос.

Я, плача, отойду с земли.

Мне не расстаться с ней без слез.

Но прах мой даже и тогда
смешается с родной землей.

Пусть я умру! Врагам не даст
покоя стих бессмертный мой!

1913

СОВЕСТЬ ГОВОРИТ

Когда настанет страшный суд,
Всевышний разделит чертой

Тех, кто был знатен и богат,
От тех, кто знался с нищетой.

И богачей пошлет он в рай,
Где будет на большом столе

Такая вкусная еда,
Какой не знают на земле.

А тем, кто голодал весь век,
Кто в жизни не знал отрад,—

Откроет он другую дверь
И ввергнет их в кромешный ад.

Я шел всю жизнь одним путем,
Другим до смерти не пойду —

Дай с беднотою мне, господь,
Гореть в kloкочущем аду!

Я там, где слезы, там, где боль,
Где труд и горе — там и я!

Так сердце говорит во мне,
Так совесть требует моя.

1913

ВИДНО, НЕТ ТЕБЯ, АЛЛАХ...

О Аллах, видно, нет тебя!.. Если бы ты был,
Ты карал бы неправду и сеял добро

И не тратил своих сверхъестественных сил,
Чтоб возвысились золото и серебро.

Обездоленным дал бы ты кучи монет,
Богачу запретил бы терзать бедняка,

На разбой и грабеж наложил бы запрет,
И в беде нас твоя поддержала рука.

Не глядел бы сквозь пальцы на слезы и кровь
И не мог бы спокойно стеньям внимать.

Всех бездомных твоя бы согрела любовь,
Перестали бы люди безвинно страдать.

Ты людей сотворил. Но ответ — почему
Превознес ты одних, обездолил других,

Много дал благодати своей одному,
А иному довольства не дал и на миг?

Люди в горести ропщут, удел свой кляня,—
Так судьба безысходна и жизнь тяжела.

Не утешили их до последнего дня
Ни законы твои, ни мечеть, ни мулла.

Утвердил на престоле ты желтый металл,
Отдал власть на земле золотому тельцу.

Ты велик, но несносным давно уже стал
Бренный мир,— и вот это тебе не к лицу.

Ты в довольстве живешь, ты паришь в небесах,
А в юдоли земной — море крови и слез,

Карают мученья в пути, что ни шаг,
Умереть преждевременно многим пришлось.

Ты могуч. Почему ж не издал ты приказ
И словечка не вымолвил ни одного,

Чтоб любовь процветала всегда среди нас,
Чтобы дружба справляла свое торжество?

Ты нам как-то сулил: поживете, мол, всласть
На том свете, свою восхваляя судьбу...

Дай нам хоть самую малую часть,—
Но сегодня, пока мы еще не в гробу!..

1915

ВЫРВАННЫЕ СТРАНИЦЫ

1.

Вот летопись моей души, и в ней

Начертано на первой из страниц:

«Ты — раб Аллаха и его слуга,

Пади пред ним, непросвещенный, ниц!»

Сперва Аллаха, а потом царя

Как бога возвели на пьедестал

И почитать велели. И с тех пор

Я подневольным человеком стал.

«Обычай — царь, религия — Аллах,
И жить тебе под ними и расти,
Чтоб честным мусульманином прослыть»,—
И клятву мне велели принести.

«Ты верь закону и не верь глазам»,—
Сказали мне и сделали слепым;

Меня зажали бог и шарият,
Во всех делах я подчинен был им.

«Аллах и царь — властители твои,
Все, что они прикажут, в тот же миг,
Беспрекословно, не кривя душой,
Ты должен выполнять по воле их!»

Сказали: «Пусть живется тяжело,
А ты терпи, хоть тяжесть невтерпеж,
Зато в заgrabном мире навсегда
Ты, несомненно, счастье обретешь!»

Перелистали летопись души,
Заставили страницы подписать,
Потом скрепили подписи мои
И приложили круглую печать.

2.

Все тяжести и беды вынося,
Как было суждено, я жил и рос,
Но размышленья мучили меня,
И задал я себе такой вопрос:
«Страх непонятен сердцу моему,—
Так почему ж я в рабстве до сих пор?
Ведь руки у меня крепки, сильны,—
Так почему же я терплю позор?
Неужто должен крыльев я просить,
Ведь крылья за спиной у меня?
И если у меня есть быстрый конь,
Зачем просить мне нового коня?
Кто темную повязку снимет с глаз,
Коль сам за это дело не возьмусь?
Кто цепи угнетенья разорвет,
Коль сам я до конца не напрягусь?»

Я так подумал и пересмотрел
Всю летопись израненной души,
И вырвал беспощадно, навсегда
Страницы рабства, ханжества и лжи.
На чистых же страницах начертал
Слова великой веры наших дней:
Слова высокой правды и любви,
И трудового братства всех людей.

1923

Стихотворения Мажита Гафури даны
в переводах А. Арго, В. Бугаевского,
Д. Кедрина, Н. Сидоренко, П. Шубина.

1923

Стихотворения Мажита Гафури даны
в переводах А. Арго, В. Бугаевского,
Д. Кедрина, Н. Сидоренко, П. Шубина.

«...ОСВЕЩАТЬ ЛОЖЬ И СЖИГАТЬ ЕЕ ДОТЛА»

Джонатана Свифта, подарившего нам «Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей», великого сатирика, философа и поэта, русский читатель узнал после его смерти: в 1759 году журнал «Трудолюбивая пчела» напечатал отрывок из памфлета «Сказка бочки», а в 1773 году Ерофей Каржавин перевел четыре части «Гулливера» и опубликовал их в «Собрании, старающемся о переводе иностранных книг». Независимо от того, какая грань таланта или какая сторона общественной и литературной деятельности Свифта ближе нашему современнику — его философские трактаты или гневные политические памфлеты, исповедь в письмах к Эстер Джонсон («Дневник для Стеллы») или притча-сатира на современное ему общество («Путешествия Гулливера»), — ясно одно: все, что оставил нам Свифт, не было написано холодной рукой стороннего наблюдателя. Он любил — страстно, горячо — родную Ирландию, его мощный голос поэта-сатирика вобрал в себя гнев народный.

В 1851 году преемник Свифта Уильям Теккерей выступил в лондонском зале «Уиллис румз» с чтением публичных лекций о крупнейших английских писателях XVIII века. На первую лекцию собрался весь цвет Лондона, виднейшие представители научных и литературных кругов. Повсюду она была Джонатану Свифту, «Самсону с ослиной челюстью в руке, устремляющемуся на врагов и повергающему их». «Восхищает, — говорил Теккерей, — не столько сама цель, сколько мощь, ярость, неистовство ее поборника... Он умел протянуть нить в споре от начала до конца. Он умел смотреть вперед с роковым ясновидением. В старости он воскликнул, перелистывая «Сказку бочки»: «Господи, какой у меня был талант, когда я написал эту книгу!» ...У него, — продолжал Теккерей, — огромный,

потрясающий талант, чудесно яркий, ослепительный и могучий, талант схватывать, узнавать, видеть, освещать ложь и сжигать ее дотла...»

Многие толкователи и биографы Свифта удивляются его раздвоенности, непоследовательности, иные пишут о нем как о мизантропе. На первый взгляд, так оно и было. Он родился в Дублине, но получил английское воспитание, был англичанином по образу мыслей и вероисповеданию. Закончив Тринити-колледж, поступил на службу литературным секретарем к сэру Уильяму Темплу* в Лондоне, спустя пять лет покинул своего покровителя, а еще через год принял духовный сан в Дублине; потом снова вернулся к сэру Темплу, а после его смерти десять лет жил на родине. В 1709 году — отъезд в Англию, где Свифт играл ведущую роль в политических акциях королевы Анны, возглавляя партию вигов. Последние тридцать лет он, настоятель собора св. Патрика, почти безвыездно живет в Ирландии.

Судьбу и творчество Свифта нельзя рассматривать вне истории этих стран, вне двуязычной — гэльской и английской — культуры, вне их исторических, политических и экономических проблем. И Свифт уже тогда понимал это. Да, ни в Англии, ни в Ирландии он не чувствовал себя дома: живя в Дублине, тосковал по Лондону, а в кругу англичан тяготился добровольной ссылкой.

Казалось, судьба обрекла его на вечное противоборство. Презрение к королевскому двору и церковникам уживалось в нем с желанием получить духовный сан, возглавить политическую партию. Преданность ирландскому народу — с грустным признанием: «Я вновь осужден на житье в Ирландии». Наконец, привязанность к Эстер Джонсон, которую он пронес через всю жизнь, с любовью к другой Эстер — Эстер Ваномри... Свифт говорил: «Репутация необычайно остроумного и ученного человека заменит мне голубую ленту или карету шестерней». Карета, а с ней митра и епископский жезл были для него лишь мирскими символами суетной, корыстной, пустой власти над умами и душами ближних. Не с амвона, а своими книгами наставлял он добру и справедливости: «Мой ум — это

разящие пули, я превращу их в золото».

У Свифта не было сомнений, кому отдать свой талант, свою энергию. Когда обострилась борьба против английского владычества, он стал национальным героем Зеленого острова, как называют Ирландию исстари. Его памфлеты и баллады продавали на улицах Дублина, пели в тавернах, его публичные выступления, даже брошенная вскользь фраза, тут же облетали всю страну.

Свифт не был «splitted man» (буквально: расщепленный); он не предавался рефлексии, мизантропии; напротив, был жизнелюбив и предан своему призванию — учить людей истине и свободомыслию.

На Международной книжной ярмарке, проходившей осенью 1983 г. в Москве, два английских издательства представили на суд зарубежного читателя уникальный том — «Полное собрание поэтических произведений Джонатана Свифта» с научным комментарием, новыми данными о поэтическом наследии и недавно обнаруженными произведениями. Это симптоматично: ведь Свифт создал более тысячи стихотворений, баллад, эпиграмм, сатир, од, басен, поэм.

Советский читатель почти не знаком с его поэтическим наследием. В сборнике «Памфлеты» (1955) стихам Свифта отведено всего десять страниц; добавьте к этому несколько поэтических произведений, включенных в академическое издание «Дневника для Стеллы» (1981), — и, пожалуй, все. Между тем оно заслуживает более активного освоения. Особое место в нем занимает критика англиканской церкви. Вечно на подозрении у братьев по клиру — талантливый грешник опасен вдвойне! — Свифт прямо не задевал догматы религиозного сознания, предпочитая обращаться к насущным проблемам бытия человека.

Предлагаем читателям несколько переводов ранее не публиковавшихся на русском языке поэтических произведений Джонатана Свифта. Пояснения даются в конце.

А. НИКОЛАЕВСКАЯ

* Видный дипломат и вельможа, представитель партии вигов.

ДИАЛОГ МЕЖДУ ИЗВЕСТНЫМ
ЮРИСТОМ И Д-РОМ СВИФТОМ, НА-
СТОЯТЕЛЕМ СОБОРА СВ. ПАТРИКА,
СО ССЫЛКОЙ НА ПЕРВЫЙ СТИХ
ВТОРОЙ КНИГИ «САТИР» ГОРАЦИЯ

Sunt quibus in satyra...

— Есть мнение, что в игре на лире
Я предан лишь одной сатире,
Что часто мой шуточный тон
И неуместен и дурен,
Что над коллегой без пощады
Острию где надо и не надо,
Что делать, мудрый адвокат?
Пообещать ли наугад
Не выставлять в стихе и прозе
Глупца с плутом в достойной позе,
Иль — памятуя про добро —
Упрятать в стол свое перо?

— Вы так любезны в нетерпенье
Услышать дружеское мнение
О вашем деле. Вот ответ:
В чернилах, право, толку нет,
Живите, бросив писанину,
Как подобает христианину;
А коль уж музы вас опять
Начнут к фантазиям склонять,
Найдите, друг, иные темы —
Так безопасней для поэмы.
Хвалите век, точка свой ум
В строю новейших модных дум,
И защищайте Гайда² в споре
(Он мнит: любое зло — от тори);
И Бёрнета³, что гнев забыл,
Когда свободу нам открыл;
Вот Вулстон⁴ юность обучает —
Он честность с истиной венчает,
И благородный гений сей
Умы спасает от цепей,
И страхов двух тысячелетий
Как будто не было на свете,
Лишь он один смиряет клир,
Круша алтарь, спасает мир.

— Хвалить, коль совесть не уснула,
Абсурд и тупость богохула?
На теме лиру подогреть
И в хоре Мильтона⁵ пропеть,
Как дьявол в бездну отступает
И к справедливости взывает,
Скорбя в несчастьи и зле
С печатью блага на челе?
Или для власти и богатства
У муз востребовать мне... братства?..

— Мой стол — треножник Аполлона,
Внемлите речи без шаблона:
Ведь те, что с истиной дружны,
Вас почитать всегда должны,
Заветам греков не изменят
И там, где смех ваш умный ценят,

Где фарисеев бить привык
Ваш поэтический язык,
И — к благу творческой палитры —
Вам суждено прожить без митры.

ЧИТАЯ САТИРУ Д-РА ЯНГА
«ВСЕЛЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ»⁶

Будь песнь твоя правдива столь,
Что сходен с ангелом король,
Министр не только на бумаге
Печется о всеобщем благе,
Иной, лишь мудростью богат,
Ведет уверенно сенат,
Что всяк, кому ты шлешь поэмы, —
Слуга общественной системы,
Где пэр по части всех услуг
Ума и чести лучший друг, —
Где та страна (коль песнь правдива),
Что хоть отчасти так счастлива?
Величье только правду ждет,
Торговец больше не крадет,
И не чинит рука Фемиды
Нигде позора и обиды,
Угасла мечь, иссякла спесь,
Царит одна лишь милость днесь;
Ведь чем примернее держава,
Тем гармоничней долг и право,
Там правят мудрость с добротой;
Вот сущность максимы простой:
Нам мудрецами старый ребус
Открыт, что ad exemplum Regis⁷
Монарх, ведя страну к добру,
Лучист, как солнце поутру.
Коль так сие — чего же боле?
Вы можете по доброй воле
Десятка два придворных взять
И тоже солнцем их назвать.

Воззрим на дело по-иному,
Коль сердце к истине влекомо:
Допустим, стóит старый мир
Твоих разгневанных сатир.
Коль от любви вселенской проку —
Народ, подверженный пороку,
И коли благ твоя земля
Не обретет без короля,
И коль для клирика эклога⁸
В латыни выше веры в бога,
Коль испугавшийся банкрот
В сенате голос продает
И — рассчитавшийся с долгами —
Живет все теми же благами,
И коль Фемиды — злая тварь,
Что злата ждет на свой алтарь,
Где та страна, ответь мне ясно,
Что хоть отчасти так несчастна?

АТЛАС

Атлас, вещали все века нам,
Стоял могучим великаном —
Держал он небо сколько мог,
Как грузчик на спине — мешок.
Но коли грузчик притомится,
На передышку притулится,
Когда ж совсем немощоту —
С дружкой разделит маяту.
Так и Атлас, боясь без меры
Пасть под мешком небесной сферы,
Решив присесть на полчаса,
Вручил Алкиду⁹ небеса.
Тот был треть срока лишь титаном,
Спасенный мудрым великаном.

Любой политик — Геркулес,
Атлас — политик от небес,
Премьер отеческой когорты,
А Геркулес — втсрого сорта.
Коль не был бы так мудр Атлас,
Вся тяжесть царства в сей час
Его б, как муху, придавила —
Важна поддержка, а не сила.

ЭПИТАФИЯ

Вот так и он в земле гниет —
Сапожник, знахарь, звездочет,
Невинный взгляд бурлит небо,
Звезда и та не просит хлеба,
И он уже не просит в гроб
Башмак, пилюлю, гороскоп.
Но чтоб узнать судьбу на деле,
Поплачь над ним хоть раз в неделю,
Земля хранит его труды
От каблука и до звезды;
Она расскажет нам с тобою —
За что ручаюсь головою —
О плоти, краже и любви,
Господь его благослови.

УНИЯ¹⁰

Порвала сердце королева,
Весьма английское — без гнева,
Пришлось заплатку занимать,
Дыру Шотландией латать.
Сим актом царство наше свято,
Живут народы, как два брата,
И расцветут из-под венца
В заплатках цельные сердца.
Плащ в дырах — гордости угроза,
Чертополох заглушит розу¹¹,
Но днесь в союзе с теми трон,
Кто презрел веру и закон.
Так пусть политик мнит заране,
Рискуя судно в океане
Сравнить с союзною четой:
Корабль, имея киль двойной,
Под ветром мчит с командой новой
На лигу¹² от земли суровой:
Швыряет вбок, вперед, назад
С двояким остовом фрегат.
Так, раздвоясь в себе украдкой,
Погибнет царство в сути шаткой.

ИУДА

Господня кара сотворила чудо —
В петле вознесся над землей Иуда;
Имел он чин посредника Христа

И предал бога в среду неспроста,
Прельщенный иудейскими грошами,
(Вещает пастор: нет Иуд меж нами),
И — проклятый на небе и земле —
Навек лишился чина он в петле.

Пусть не был верностью господь
балуем,
Но предан был единым поцелуем.
Наш век преступит клятву тридцать
раз,

Писание целуя напоказ.
Посредник божий, сколь он ни бес-
чинствуи,
Петли избегнет, сохраняя весь чин
свой.

Так пряха петли грубые берет
И ткань батиста¹³ из пеньки плетет.

Как в старину Иуда многогрешный,
Разорванный на части в тьме кроме-
шной,

Летят Искарियोты из карет
И головы из митры в скачке лет;
Низринутся Иуды, как их прадед,
Рассевшись чревом, и нутро утратят.
Кто, зря позор преступного лица,
Не крикнет: «Ба! Вот место подлеца».
Прости его, мирянин и всевышний,
Но чин его пускай получит ближний.

Перевел с английского
Альфред СОЛЯНОВ.

¹ Автор отсылает читателя к начальным словам «Сатир» Горация:
Многие думают, будто в сатире я резок... (лат.)

² Гайды — род, представители которого в Англии XVII века весьма преуспели на общественно-политической арене.

³ Бёрнет, Гильберт (1643—1715) — историк и священнослужитель, автор ряда работ, в частности «Истории Реформации в Англии», «Истории нашего времени» (в последней много внимания уделено отношениям между Англией и Шотландией).

⁴ Вулстон, Томас (1669—1731) — английский деист. В 1705 г. опубликовал книгу «Апология истины христианской религии», в которой аллегорически толковал Библию.

⁵ Мильтон, Джон (1608—1674) — великий английский поэт, автор поэмы «Потерянный рай».

⁶ Янг, Эдвард (1683—1765) — английский поэт, современник Свифта. «Вселенская любовь» представляет собой семь сатирических циклов, опубликованных в 1725—1728 гг.

⁷ По образцу власти кесаря (лат.).

⁸ Эклога — в античной и европейской поэзии стихотворная форма диалога.

⁹ Одно из имен Геракла (Геркулес).

¹⁰ Актом Унии в 1707 г. Шотландия была окончательно присоединена к Англии.

¹¹ Чертополох — историческая эмблема Шотландии, роза — Англии.

¹² Морская лига равна 5,5 км. Игра слов: Лига — союз, уния.

¹³ Намек на батистовые рукава как часть одежды епископов.

В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Ганс ЛЮТТЕР,
доктор философии, профессор,
ректор Высшей педагогической школы
имени Лизелотты Херманн

Германской Демократической Республике — 35 лет. За эти годы она превратилась в политически и экономически стабильное социалистическое государство, которое в тесном сотрудничестве с Советским Союзом и другими братскими странами строит развитое социалистическое общество. Путь, пройденный нами за минувшие десятилетия под руководством рабочего класса и его марксистско-ленинской партии, отмечен сложными процессами роста, принципиально изменившими общество.

При этом возникли специфические проблемы, обусловленные все еще существующим делением населения в зависимости от отношения к религии, а также продолжающейся деятельностью религиозных организаций и вытекающей из этого необходимостью установления определенных взаимосвязей, с одной стороны, между коммунистами и верующими, а с другой — между государством и церковью.

Одна из характерных особенностей ГДР состоит в том, что в XVI веке на ее территории находился центр Реформации. Мартин Лютер жил и действовал в Эйслебене, Виттенберге, Магдебурге, Эрфурте и многих других городах, ныне расположенных в нашей республике. Таким образом, верующие евангелического исповедания у нас и теперь численно превосходят последователей других конфессий. По данным Всемирного лютеранского союза, в 1983 году в ГДР насчитывалось 7,2 миллиона приверженцев названного вероисповедания, а в ФРГ — 25 миллионов. В сумме это почти половина лютеран земного шара.

Вот почему даже при полном равноправии различных церквей и религиозных общин в социалистической ГДР деятельность евангелических церквей и их последователей здесь приобретает особую значимость. На встрече Генерального секретаря ЦК СЕПГ, Председателя Государственного совета ГДР товарища Эриха Хонеккера с президиумом конференции руководителей евангелических церквей республики 6 марта 1978 года обе стороны отметили, что «отношения между государством и церквами в последние годы все более характеризуются деловитостью, доверием и доброжелательностью». Эта тенденция продолжает развиваться и, в частности, в прошлом году нашла убедительное воплощение в сотрудничестве государственных и церковных органов при проведении мероприятий, связанных с юбилеем Мартина Лютера. В их рамках, по случаю торжественного открытия реконструированного замка Вартбург, состоялась беседа между товарищем Эрихом Хонеккером и тюрингским епископом Ляйхом, в которой подчеркивалось, что встреча 6 марта 1978 года заложила прочный фундамент под основные на конституции, конструктивно развивающиеся отношения между немецким социалистическим государством и церквами.

Этому, однако, предшествовал долгий и сложный путь, характеризующий который тогдашний председатель Союза евангелических церквей в ГДР епископ Альбрехт Шёнхерр сказал, что они переживают самый ответственный «учебный процесс» в своей истории. Конкретные его формы подтверждают общетеоретический вывод, сделанный К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в 1850 году: «Ясно, что с каждым великим историческим переворотом в общественных порядках происходит также и переворот в воззрениях и представлениях людей, а значит и в их религиозных представлениях»¹.

Евангелическая церковь на территории основанной в 1949 году Германской Демократической Республики очутилась в совершенно новой для нее исторической ситуации. Столетиями она находилась на положении государственной церкви, тесно связанной с тронном, с буржуазной политикой и идеологией. И, разумеется, привыкла рассматривать себя как некий незаменимый

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 211.

1950

« »

60 1960

1961

1963 VI

2

( )

« »

1964

60

14

3

« ».

(1969 .).

« »

« »

1948

».

« » (, 1982),

», « »

« ».

50

70

« »

2

», 1974, 3. —

».

1982

».

: «

«

»

».

«

»

»,

«

»

«

».

«

«

»,

«

»

«

».

?»³.

1971

),

(

«

«

. ».

3 « ?» ( ).

КОНФОРМИЗМ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИЯ КОНФОРМИСТА

XVI

30

40 50
800

300

40

² W. Herberg. Protestant, Catholic, Jew. New York, 1956, p. 89.

³ Ch. Kesler. The Movement of Student Opinion: 1963, 1969, 1979. «National Review», 1979. 23 Nov.

⁴ —, 1982, 7, 9, 11; 1983, I, 2, 9

⁵ —, 1981, 8. —, 1981, 6; 1984, 8. —

⁶ —, 1983, 3. —

риоды стрессов, конфликтов, нестабильности и кризисов. Теология становится оружием, которое активно используется во время политических потрясений и перемен... для того, чтобы сделать народ удовлетворенным и покорным»⁷.

На конформистское восприятие рассчитаны и президентские, а также иные предвыборные кампании, как правило поддерживаемые религиозными деятелями. Р. Никсона они, например, именовали «величайшим нравственным пророком последней трети XX века», который даже на уотергейтский взлом якобы пошел из «высших соображений», выполняя «волю божью». Человеком из народа, обычным гражданином, который превыше всего ценит общегуманистические и религиозные ценности, глубоко верующим, молящимся чуть ли не по 20 раз в день изображался Дж. Картер. Да и сам он перед массовой аудиторией выдавал себя за человека, на которого снизошла «божья благодать» и который в момент «великого морального возрождения» установил связь с всевышним.

Об участии клерикальных кругов в предвыборной кампании Р. Рейгана уже писалось не раз⁸.

Факт использования религии и церкви в качестве средства формирования массового политического конформизма наглядно подтвердило и социологическое исследование, проведенное группой американских ученых, особо отметивших, что «верующие имеют тенденцию быть более консервативными политически, чем неверующие»⁹. А ведь именно этого и требует капиталистическое общество от своих граждан. Включенная в буржуазную идеологическую систему, религия традиционно выступает как испытанное средство примирения личности с суровой действительностью или ухода от нее, смягчает ее конфликты с «обществом потребления».

Разумеется, под религиозными лозунгами могут действовать и массы верующих сторонников мира и разоружения, равно как и движения социального протеста. Поэтому и в нынешних условиях для марксистов буржуазных стран не утратило ак-

туальности ленинское требование «неуклонно расширять воздействие рабочего движения на все сферы общественной и политической жизни современного общества»¹⁰.

В буржуазных странах формированию у трудящихся, особенно у молодежи, не нейтрально-безразличного, а активно отрицательного отношения к эксплуататорскому строю и освящающей его религии содействует классовая борьба под руководством коммунистических и рабочих партий. Значительную роль играет здесь и наглядный пример реального социализма с его гуманизмом, заботой о человеке. Этот пример побуждает к преодолению конформистских стереотипов и настроений, к активным действиям, к борьбе за социальную свободу и справедливость.

⁷ D.-O. Moberg. The Church as a Social Institution, New York, 1962, p. 139.

⁸ См.: В. Война. «Бог не был ни правым, ни левым». «Наука и религия», 1981, № 6. — Прим. ред.

⁹ The Religions Dimentiones, New Direction in Quantitive Research. New York, 1979, p. 64—65.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 269.

СО ВСЕГО СВЕТА

В ГОСТИ К ПРИЗРАКАМ

● На Британских островах процветает бизнес, специализирующийся на контактах с... потусторонним миром. В одном туристическом бюро в Лондоне есть специальная картотека, где за соответствующую плату можно получить исчерпывающую информацию о духах, «населяющих страну». Там даже посоветуют, в какой гостинице остановиться, чтобы встретиться с тем или иным привидением (правда, стопроцентной гарантии фирма не дает).

Английская пресса регулярно сообщает о похождениях привидений. По ее свидетельствам, в королевском замке в Виндзоре, например, появляются духи короля Генриха VIII и его шести жен. Говорят, что иногда это семейство посещает известный музей восточных фигур мадам Тюссо, чтобы полюбоваться своими «точными копиями». Есть призраки и в британском парламенте и в адмиралтействе. Представители потустороннего мира отнюдь не чужаются и бедных слоев населения. Духи попроше будто бы

живут на чердаках и в полуобвалившихся сараях. Один из них якобы каждую ночь играет на органе в сельской церкви на южном побережье Англии. Другой почему-то выбрал себе пристанище в туалете женского колледжа.

Сколько же их всего на Британских островах? Согласно последней переписи — 236. В ней и призраки-домоседы, которые, коли уж засели на чердаке, то дальше ближайшей околицы их не выманишь, и призраки-непоседы (вроде того же духа Генриха VIII), которые бродят по всей стране и порой умудряются быть одновременно сразу в двух местах. Что ж, на то они и «сверхъестественные»...

СОМНИТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

● Пастор из финского городка Халлефорс, заботясь о моральной чистоте пасты, призвал верующих принести для просмотра «все книги, брошюры и фотографии, которые отравляют души и сеют сомнения в умах». На следующий день ему представили около ста печатных изданий, в том числе пять налоговых книг, три книги о вкусовой и здоровой пище. Среди фотографий было немало снимков тещ и свекровей...

ТАКОВА ЖИЗНЬ

● О росте преступности в стране американские монахи знают не только из газет. В Лонг-

Айленде (штат Нью-Йорк), например, было ограблено два монастыря: нередки случаи нападения на монахинь и на улицы. Местная полиция нашла «простой» выход — организовала для святых сестер курсы дзюдо и каратэ. Ее сотрудники обучили их всем хитростям самозащиты без оружия, таким приемам, которые могут отправить на тот свет любого грабителя. Особенно ловко у монахинь получалась «гремучая змея» — сдавливание горла с одновременным ударом «под дых». Полицейские в восторге от успехов своих учениц. А церковное начальство? Вначале оно было шокировано, но потом пришло к выводу, что другого выхода нет.

БОТА. Барнаул, Алтайское книжн. изд-во, 1984, 55 с., 4000 экз., 10 к.

СОКРОВИЩА КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ЗАПОВЕДНИКА. Фотопутеводитель. Киев, «Мистецтво», 1984, 191 с. с илл., 50 000 экз., 1 р. 60 к.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

И. Григулевич. Италия и Ватикан: новый конкордат. «Новое время», 1984, № 20, с. 14—15.

А. Мацко, В. Коршук. О практике атеистической пропаганды. «Коммунист Белоруссии». Минск, 1983, № 1, с. 94—96.

Еремей Парнов. Сатанинский круг. «Новый мир», 1984, № 3, с. 211—223.

А. Попов, З. Трофимова. Атеизм и религия в современном мире. «Политическое самобразование», 1984, № 4, с. 139—143.

Л. Н. Пушкарев. Атеизм в общественной борьбе России в 60-х годах XIX в. (Н. Г. Чернышевский, И. А. Худяков, И. Г. Прыжов). В кн.: «Историографические и исторические проблемы русской культуры». М., 1983, с. 112—130.

У. Раджапов. Атеистическое воспитание. «Агитатор», 1984, № 7, с. 60.

Рукописная традиция XVI—XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983. Из содержания: **Н. С. Гурянова.** Старообрядческие сочинения XVIII — начала XIX вв. о догме немоления за государя, с. 71—81; **Н. Д. Зольникова.** Делопроизводственные материалы о церковном строительстве как источнике истории приходской общины Сибири (начало XVIII — конец 60-х годов XVIII в.), с. 102—116.

В. Сапрыкин. Атеистическое воспитание в коллективе. «Агитатор», 1984, № 8, с. 34—36.

Н. Сергеева. Во власти раввината. «Азия и Африка сегодня», 1984, № 4, с. 27—29.

Соблюдение законодательства о религиозных культах. «Советское право». Таллин, 1983, № 2, с. 102—105. Сохранить священный дар — жизнь. «Проблемы мира и социализма», 1984, № 5, с. 56—59.

М. Т. Степанянц. Философское наследие суфизма в современном мире. В кн.: «Философское наследие народов Востока и современность». М., 1983, с. 124—136.

В. М. Хачатурян. Русская редакция апокрифа «Хождение Агапия в рай». «Филологические науки», 1983, № 4, с. 79—82.

Л. Шапошников. Спутник атеиста. «Молодой коммунист», 1983, № 6, с. 101—102.

Н. Н. Шарикова. Развитие массового атеизма в социалистическом обществе как фактор расцвета и сближения национальных культур народов СССР. В кн.: «Расцвет и сближение национальных культур народов СССР — важнейшая закономерность развития социализма». Ташкент, 1983, с. 94—97.

◆ Человек — корректор Книги Бытия.
◆ Что, творец спит?! Ведь галактики разбегаются!..

◆ Божья искра гаснет в пламени веры.
◆ Поклонники идолов почему-то обижаются, когда их называют идолопоклонниками.

Леонид НЕФЕДЬЕВ
г. Киев

◆ До тех пор и владыка, пока есть своя рука.

◆ Дышит на ладан, а продолжает курить фимиам.

Виктор БУГОВ
г. Одесса

◆ Узнав, что души не существует, потерял совсем немного.

◆ «А как у вас отпускаются грехи — поштучно или на вес?»

Дмитрий ПЕРЛИН
г. Минск

◆ Как видим, мысли без нимба имеют право на существование. А нимб без мыслей?

Юрий ШНЕЙДЕР
Ленинград

◆ Говорят, в загробном мире взвешивают добрые и злые дела каждого умершего. А есть ли там контрольные весы?

Галина ВАСЕЦКАЯ
г. Горловка
Донецкой области

◆ Соблюдал нейтралитет: верил и в бога и в черта.

Геннадий РОМАНОВ
г. Шумерля
Чувашской АССР

◆ Божьи коровки предпочитают пастись на земле.

◆ Такую проповедь прочел — хоть святых выноси!

Юрий КУМЫКОВ
г. Ташкент

◆ Интересно, распространена ли в раю поговорка: «Хорошо там, где нас нет»?

Игорь СЕНИН
с. Заречье
Кромского района
Орловской области

◆ Евангелие от лукавого.

Борис ЭПШТЕЙН
Калининград

◆ Если бог наверху, зачем опускаться на колени?

◆ Подумать только: именно в раю совершилось первое грехопадение!

◆ Отступник: вместо «прости, господи» теперь говорит «прости, небесное создание».

◆ Чтобы душа не улетела на небо, старательно отягощал ее грехами.

◆ Аудитория лектору понравилась — все охотно поверили, что бога нет.

Виктор ПЕСКОВ
г. Москва

М. С. Бельский. ВОЛЬНОДУМЕЦ АКОСТА. М., «Мысль», 1984, 127 с., 40 000 экз., 40 к.

Уриэль Акоста (между 1581-м и 1585—1640 гг.) — один из передовых мыслителей первой половины XVII века. Он опровергал церковное учение о неизблемости и святости религиозных догм, о бессмертии души и богодухновенности Библии. Его неутомимая борьба против клерикальной идеологии вошла в историю атеизма. Рассматриваются теоретические воззрения Акосты: учение о смертности души, концепция личности, этическая теория, полемика с защитниками догматизма и схоластики, критика Талмуда и Библии.

В. П. Мазалова. АТЕИЗМ И ЕГО ФАЛЬСИФИКАТОРЫ. М., Политиздат, 1984, 79 с., 100 000 экз., 15 к.

В книге рассказывается о попытках наших идеологических противников изобразить в ложном свете научный атеизм, представить его антигуманным учением, чуждым самой природе человека. Автор аргументированно опровергает домыслы клерикальных, в первую очередь католических, фальсификаторов, раскрывает подлинную гуманистическую сущность марксистско-ленинского атеизма.

МОЛОДЕЖЬ, РЕЛИГИЯ, АТЕИЗМ. М., «Молодая гвардия», 1983, 222 с. с илл., 50 000 экз., 45 к.

В сборнике освещаются актуальные вопросы атеистического воспитания молодежи, принципы и методы работы с верующими.

М. Г. Писманник. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ. М., «Мысль», 1984, 205 с., 35 000 экз., 75 к.

В монографии выявляются причины сохранения религиозности в социалистическом обществе, проанализированы формы ее проявления. Подробно исследована проблема преодоления индивидуальной религиозности и даны рекомендации по ее решению. Рассмотрены позитивные социальные и психологические последствия приобщения личности к научно-атеистическому материалистическому мировоззрению.

Е. П. Левитан. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АСТРОНОМИИ. Метод. пособие. М., «Высшая школа», 1983, 111 с., 10 000 экз., 15 к.

В. А. Мезенцев. ЗНАНИЕ ПОБЕЖДАЕТ. Беседы об атеистическом воспитании (для тех, кто работает с пионерами). М., «Молодая гвардия», 1983, 128 с., 128 500 экз., 20 к.

ПО ДРЕВНЕРУССКИМ ГОРОДАМ. Новгород, Старая Русса, Псков, Старый Изборск. Путеводитель. М., Профиздат, 1983, 304 с. с илл., 100 000 экз., 2 р. 40 к.

Н. М. Рудакова. ПРОТЕСТАНТСКОЕ СЕКТАНТСТВО И АТЕИСТИЧЕСКАЯ РА-

Сдано в набор 19.07.84.
Подписано к печати 30.08.84.
А 10312.
60×90¹/₁₆.
Глубокая печать.
8 условных печатных листов.
9,75 кр. отт.
12,01 учетно-издательских листов.
Тираж 345 000.
Зак. 04816.

Адрес редакции:
109004, Москва, Ж-4,
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина
комбинат печати
издательства «Радянська
Україна»

252047, Киев-47,
Брест-Литовский проспект, 94.

Текст набран
с применением отечественного
фотонаборного
комплекса «Каскад».

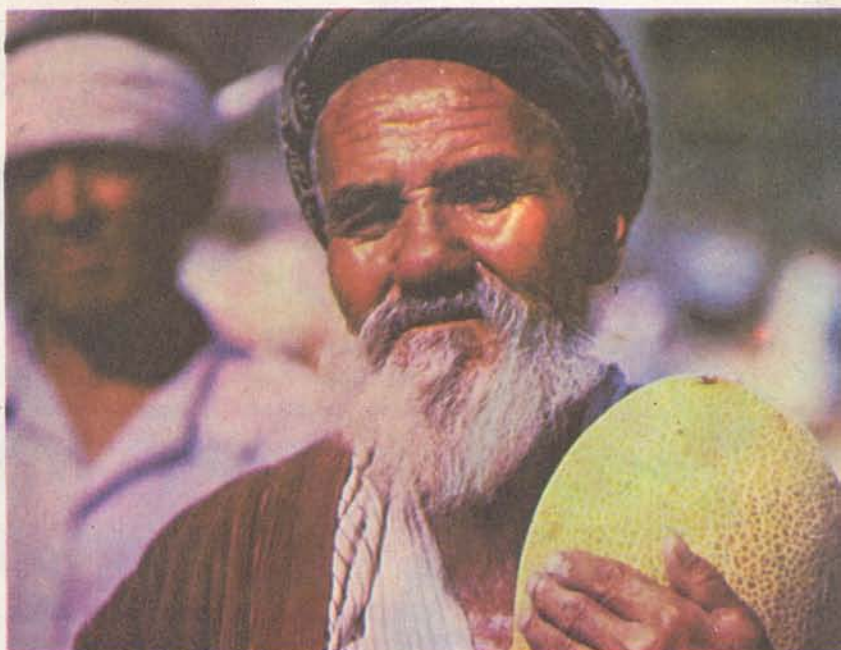
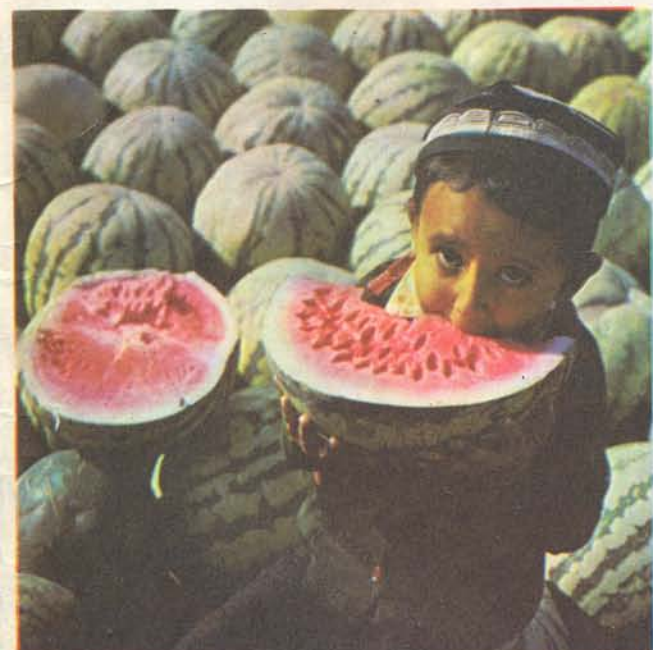
Земля щедра к трудолюбивым.

Базар в Средней Азии — неумирающая частичка древнего Востока, но в нем отразились и современные черты жизни этого края.

Чайхана на современном базаре.

Фото ТАСС.

Базар на площади Регистан в Самарканде.

О СВОЕМ ЖИЗНЕННОМ ПУТИ

рассказывает один из старейших пропагандистов атеизма, член Союза воинствующих безбожников, участник создания новых советских обрядов и праздников Е. Ф. Р ю м и н.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЖИЗНИ

Вся творческая биография академика А. И. Опарина связана с решением этой загадки природы. Тема очерка Ж. Мельниковой и В. Михайлова — труды и дни выдающегося советского биохимика.

ДРЕВНИМ ХРАМАМ — НОВУЮ ЖИЗНЬ

Этой важной проблеме посвящена статья кандидата архитектуры Ю. Герасимова и доктора философских наук В. Рабиновича.

ТВОРЕЦ СУДЬБЫ

О том, как мальчик-сирота, выросший в окружении фанатиков-староверов, трудными дорогами шел к новой жизни, рассказывает писатель А. Емельянов.

ИМАНТ ЗИЕДОНИС,

народный поэт Латвии, выступает на наших страницах как прозаик.

Он размышляет о проблемах современного села, любви человека к земле, к своему краю, о становлении личности.